"БЫЛОЕ"

Nº I

(Новая серія)

СБОРНИКИ

по новъйшей русской исторіи

подъ редакціей

В. Л. БУРЦЕВА

-иалюстрированной россіи~ парижъ

Объ изданіи "Былого".

«Былое» имъеть свое былое — свою исторію.

Первый номеръ «Былого» вышель въ 1900 г. подъ редакціей В. Л. Бурцева — за границей, какъ эмигрантскій органъ.

До 1905 г. вышло 6 номеровъ этого сборника.

Съ января 1906 г. «Былое» стало издаваться въ Петербургъ, подъ редакціей В. Я. Богучарскаго-Яковлева. В. Л. Бурцева и П. Е. Щеголева.

Журналь издавался ежем всячно. На 22 номерь въ 1907 г. онъ былъ запрещенъ. Одинъ изъ его редакторовъ быль арестовань и выслань за границу, другой — просидъть за изданіе «Былого» по суду два съ половиной года въ тюрьмъ, третій — эмигрировалъ наканунъ ареста.

Съ 1908 г. «Былое» стало снова, какъ сборникъ, выходить за траницей подъ редакціей В. Л. Бурцева. До 1914 т. до войны вышло 6 номеровъ сборника.

Снова, какъ ежемъсячный журналъ, «Былое» было возобновлено въ Петербургъ лътомъ 1917 г., послъ революціи, подъ редакціей В. Л. Бурцева и П. Е. Щеголева. При большевикахъ, весной 1918 г., В. Л. Бурцеву пришлось посл'в нъсколькихъ мъсяцевъ сидънья въ ихъ тюрьмъ эмитрировать за границу, и съ твхъ порь «Вылое» стало издаваться подъ редакціей одного П. Е. Щеголева. На этоть разъ вышло 25 номеровъ «Былово», и изданіе прекратилось въ 1925 т.

Въ настоящее время «Былое» снова возобновляется, какъ сборникъ, подъ редакціей В. Л. Бурцева.

Какъ и раньше, «Былое» будеть имъть задачей печатать на своихъ страницахъ матеріалы по повъйшей исторіи политическихъ движеній въ Россіи.

Мой прівздъ въ Россію въ 1914 г.

Изъ воспоминаній.

При объявленіи войны я открыто сталь поддерживать правительство.

I

Наканунъ великой войны 1914 г., призывая правительство на путь реформъ и отказа отъ реакціи, я вель съ нимъ открытую борьбу.

Въ «Будущемъ», издававшемся мною въ Парижъ, — я былъ тогда эмигрантомъ — я изъ номера въ номеръ помъщалъ ръзкія статьи и вообще противъ русскаго прави-

тельства и лично противъ царя, какъ его главы.

Основнымъ требованіемъ въ этой моей борьбѣ съ правительствомъ всегда былъ призывъ его къ опредѣленнымъ конституціоннымъ уступкамъ освободительному движенію. Въ этой борьбѣ я доходилъ до прямыхъ угрозъ правительству терроромъ и за реакцію дѣлалъ отвѣтственнымъ лично императора Николая II.

Въ то же самое время я всегда въ печати говорилъ съ сочувствіемъ не только объ опнозиціи кадетовъ, но и о революціонной борьбъ эсеровъ. Я поддерживалъ рабочее движеніе и стачки рабочихъ, которыя они вели въ интересахъ своей классовой борьбы.

Рабочіе выставляли политическія требованія, и поэтому они не могли не быть близкими всёмъ прогрессивнымъ людямъ.

Когда нѣкоторыя стачки рабочихъ принимали, какъ напр., въ Петроградѣ наканунѣ войны, анти-государ-ственный характеръ, то даже тѣ, кто не могъ имъ сочувствовать, тѣмъ не менѣе не считали возможнымъ выступать противъ нихъ, такъ какъ въ то время борьба и съзтими стачками была бы въ пользу того правительства, которое не хотѣло идти на необходимыя политическія уступки, какія отъ него требовало общественное мнѣніе.

Но въ своей революціонной борьбь я никогда не забываль государственныхъ интересовъ Россіи... Я боролся съ правительствомъ всегда во имя свободной Россіи, и постоянно повторялъ въ печати, что революціонная борьба не является для меня самоцьлью, и что, если правительство открыто и честно пойдетъ навстръчу обществу, томы, революціонеры моихъ взглядовъ, будемъ противъ революціонной борьбы съ нимъ и займемъ по отношенію къ нему то же положеніе, какое оппозиціонныя политическія партіи во всёхъ свободныхъ странахъ занимаютъ по отношенію къ своимъ правительствамъ. Въ этомъ отношеніи мы всегда были на противоположной позиціи съ большевиками, для которыхъ на первомъ планъ всегда стояла классовая борьба — захвать власти пролетаріатомъ и соціальная революція.

При первомъ же извъстіи о войнъ, не дожидаясь, какую позицію займеть правительство, по отношенію късосвободительному движенію и даже перемънить ли свой курсъ внутренняя политика, я самымъ опредъленнымъ образомъ сталъ на позицію патріотической оппозиціи.

Попрежнему ръзко подчеркивая всъ демократическія требованія, я указывалъ правительству на нихъ, какъ на непремънное условіе побъды во время войны.

Въ то же самое время, обращаясь ко всъмъ революціоннымъ и оппозиціоннымъ партіямъ, я указывалъ имъ на необходимость во время войны идти навстръчу правительству, чтобы оно ни дълало, если конечно, онстолько будеть защищать родину, а не измънитъ ей.

У Эрве. Его статья "Да эдравствуетъ" Царь"

Съ одной изъ написанныхъ мною тотчасъ же послъ объявленія войны статей, гдѣ я обращался къ русскимъ политическимъ партіямъ съ призывомъ идти навстрѣчу правительству, я отправился въ редакцію парижской газеты «La Geurre Sociale» къ Густаву Эрве. Онъ еще недавно стоялъ во Франціи во главѣ революціоннаго движенія, призывавшаго революціонеровъ къ гражданской войнѣ, но какъ только война была объявлена, онъ предъопасностью, нависшей надъ родиной, сразу перемѣнилъ не свои идеалы, а свое отношеніе къ правительству, онъ сталъ призывать всѣхъ къ общему единенію вокругь правительства для веденія войны до конца.

Въ пріемной «Ла Герръ Сосіаль» я встрътилъ знакомаго соціалиста, литератора француза, какого-то военнаго и католическаго священника. Они поочередно входили въ кабинетъ Г. Эрве.

Когда онъ ихъ провожалъ, онъ со всѣми, въ томъ числѣ и съ военнымъ и съ католическимъ священни-комъ, нѣжно обнимались и цѣловались. Видно было, что они рѣшились дѣлать общее дѣло.

Затымь вь его кабинеть прошель и я.

Эрве меня давно и хорошо зналь по литературъ, но лично мы никогда не встръчались.

Онъ при мнъ же прочиталъ мою статью и горячо сталъ меня привътствовать. Эту мою статью онъ на другой же день помъстилъ на страницахъ своей газеты.

Ее цитировали во французской и иностранной прессъ и по телеграфу передали въ Россію. Тамъ она появимась съ сочувственными отзывами даже въ чуждыхъ для меня органахъ, какъ напр. въ «Новомъ Времени», гдъ меня все время преслъдовали.

Эрве отнесся ко мнѣ съ большимъ сочувствіемъ, когда я ему сказалъ, что ѣду въ Россію. Я объяснилъ ему, въ какой обстановкѣ ѣду. Когда я ему сказалъ, что у меня нѣтъ почти никакой надежды, что русское правительство, какъ слѣдуетъ, пойметъ мой пріѣздъ, и думаю, что оно сейчасъ же арестуетъ меня, то Эрве сталъ горячо со мною спорить.

Онъ сказалъ, что надо было быть идіотами, чтобы не только арестовать въ данныхъ условіяхъ, а не встрѣтитьменя съ полнымъ довъріемъ и не дать мнѣ въ самой Россіи возможность широко выступить въ печати съ такими статьями, какъ я ему прочелъ.

Эрве даже не хотълъ серьезно обсуждать моихъ возраженій. Онъ быль глубоко убъждень, что русское правительство пойдеть на самыя широкія уступки общественному мнънію, собереть около себя видныхъ представителей всъхъ партій, будеть опираться на Государственную Думу, дасть равноправіе всъмъ національностямъ и широкую автономію Польшъ.

Твердо въря въ это, онъ написалъ свою статью, поднявшую большой шумъ: «Браво, царь!», а потомъ «Да

здравствуетъ царь!»

Я возражаль Эрве и доказываль ему, что онъ слиш-

комъ хорошаго мнънія о нашемъ правительствъ.

Но, если я и не смотрълъ на русское правительство такъ оптимистически, какъ Эрве, то все-таки допускалъ, что въ такихъ политическихъ условіяхъ, какія сложились въ началъ войны, оно пойдетъ на кое-какія уступки. Я не могъ допустить того безумія, какое было имъ проявлено впослъдствій во время войны.

Когда я увзжаль изъ Франціи, Эрве даль мив письмо, гдв горячо рекомендоваль меня всвиъ французскимъ властямъ. Это письмо много помогало мив въ до-

porb.

Я не боялся реакцій.

Въ русскихъ кругахъ въ Парижъ многіе остались педовольны моими статьями о войнъ и нападали на меня за занятую мною позицію по отношенію къ русскому правительству. Говорили, что надо было хотя бы выждать событій и посмотръть, какую позицію займеть во время войны правительство.

Меня ръзко порицали за то, что я не отдъляю Россію отъ правительства и поддерживаю не русскій народъ, а именно — правительство.

Мнъ указывали, — но, конечно, я и безъ ихъ ука-

заній самь это виділь — что правительство по прежнему упорствуеть въ своей реакцій и въ тогдашнихъ своихъ замалчиваніяхъ таило возможность въ будущемъ самыхъ черносотенныхъ выпадовъ, и что оно не только шло сзади общественныхъ движеній, а систематически тормозило ихъ.

Заявленіе вел. кн. Николая Николаевича по польскому вопросу вскоръ было въ Петроградъ смягчено и

лишено своего первоначального значенія.

Яркія заявленія о равноправіи національностей со стороны самыхъ умъренныхъ и даже такихъ реакціонныхъ общественныхъ дъятелей, какъ Пуришкевичъ, потеряли свое ободряющее значеніе, когда всі увиділи, какъ отрицательно къ нимъ отнеслось на практикъ правительство.

Со стороны русскаго правительства совершенно не было такого искренняго и глубокаго призыва къ единенію общественныхъ силъ, какой былъ во Франціи, въ Англіи, а съ другой стороны въ Германіи.

Всв видвли зловещіе признаки стараго реакціоннаго упрямства правительства. Было совершенно ясно, что правительство сдаваться не хочеть. Оно, повидимому, не дрогнуло даже отъ надвигающейся общенаціональной опасности и попрежнему было слъпо, близоруко и, пользуясь войной, казалось, разсчитываеть только укрупить свои старыя позиціи.

Когда мив на это все указывали, я не отрицаль этого и самъ попрежнему ръзко продолжалъ критиковать реакцію, но я заявляль, что тымь не меные намь надо рышительно идти навстръчу правительству и во время войны оказать ему всяческое содъйствіе, чтобы насъ потомъ никто не могь упрекнуть, что мы боролись съ нимъ, когда отечество было въ опасности.

На этомъ я настаивалъ вотъ почему.

Во-первыхъ армія, способная защищать родину, была въ рукахъ этого правительства, и ни у кого, кромъ него, не было арміи, — измінить этого факта уже было нельзя.

Во-вторыхъ, если мы, лъвые и оппозиція, заимемъ должную позицію въ этой войнь, то мы сможемъ опираться и на русское общественное мнвніе и на союзниковъ и будемъ той силой, съ которой правительству придется считаться и во время войны, и послъ нея. Реакціи въ случав побъды я совершенно не боялся и считаль ее невозможной.

Въ-третьихъ, я былъ глубоко убъжденъ, что для Россіи будетъ громаднымъ несчастіемъ, если въ ней во время войны вспыхнетъ революціонное движеніе. Это не могло не быть счастьемъ для нъмцевъ и пораженіемъ дѣла союзниквъ. За это Россія, думалъ я, могла страшно поплатиться. Это было бы для нея величайшимъ несчастьемъ, даже и въ томъ случаѣ, если революціонное движеніе было бы удачнымъ и, пользуясь войной, въ Россіи покончили бы съ самодержавіемъ.

Для меня во время войны всѣ наши политическіе расчеты должны были быть подчинены защитѣ родины, даже если бы правительство не пошло бы къ намъ навстрѣчу, во время войны стало быть только укрѣплять свою реакціонную политику и свои монархическіе интересы поставило бы выше родины.

Я дѣлалъ оговорку только въ одномъ случаѣ: если русское правительство въ лицѣ царя и его министровъ измѣнитъ Россіи и для своихъ цѣлей будетъ заключатъ союзъ съ нѣмцами. Въ этомъ случаѣ я считалъ всѣхъ насъ и во время войны въ правѣ бороться съ такимъ правительствомъ всѣми средствами, вплоть до террора и цареубійства. Но я не допускалъ мысли о возможности такой двоедушной политики русскаго правительства. Поэтому у меня отпадали всякаго рода «если», и я рѣшительно, безоговорочно шелъ навстрѣчу русскому правительству.

Отношеніе французскаго общественнаго мнънія къ русскимъ.

Русскіе во Франціи стали популярны, какъ никогда раньше. Надежда на побъду надъ нъмцами у французовъ связывалась исключительно съ ними. Французы были убъждены, что безъ Россіи нъмцы прежде всего разобьють ихъ, а затъмъ и другихъ союзниковъ. Также думали объ этомъ и нъмцы.

Съ какимъ вниманіемъ всѣ тогда во Франціи слѣдили за движеніями русскихъ войскъ на границѣ въ началѣ войны намъ говорили факты повседневной жизни.

На мою маленькую квартирку на рю де ла Глассьерь, въ редакцію «Будущаго», приходили французы самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія и политическіе дѣятели, и журналисты, и просто обыватели съ просьбой написать и телеграфировать въ Россію, чтобы русскія войска скорѣе шли на нѣмцевъ.

Помню какъ однажды одна изъ служащихъ въ ближайшемъ почтовомъ бюро — до войны она меня знала только по имени, какъ часто приходившаго къ нимъ въ бюро, — пришла ко мнъ со слезами на глазахъ умолять телеграфировать въ Петербургъ, чтобы русскія войска были бы немедленно отправлены брать Берлинъ.

Она спрашивала меня, не могуть ли русскіе недѣли черезъ двѣ взять Берлинъ? Ея брата посылали прямо на фронть, и она надѣялась, что если къ тому времени Берлинъ будеть взятъ русскими войсками, то ему не придется воевать!

Да, Россія была тогда популярна и къ ней тянулись всѣ! Всѣ клялись въ вѣрности ей. Согласны были на всѣ условія, чтобы она только оставалась ихъ союзницей. О Россіи говорили съ глубочайшей вѣрой и уваженіемъ.

Русское правительство не шло навстръчу русскому обществу.

Какъ ни мало у меня было надежды, что русское правительство пойметь цёль моей поёздки, и какъ чи сильна была во мнё увёренность, что я буду арестовань, я тёмъ не менёе временами допускаль, какъ что-то мало вёроятное и то, что русское правительство сдёлаеть то же, что сдёлало французское: объявить амнистію политическимь, кто пойдеть навстрёчу къ нему и, въ частности, не только не арестуеть меня, но дасть мнё возможность открыто дёйствовать въ Петроградё — основать свою газету или принять участіе въ большихъ русскихъ газетахъ.

Отъ цълаго ряда газетъ я уже имълъ предложенія принять въ нихъ самое дъятельное участіе. Если еще по дорогъ въ Россію я могъ помъщать статьи и въ «Матэнъ»

и въ «Таймсъ», въ норвежскихъ и шведскихъ газетахъ и объ этихъ моихъ статьяхъ телеграммами сообщалось въ русскія газеты, то, конечно, въ Россіи я могъ бы организовать обширную кампанію въ пользу войны и соединить въ одно теченіе много патріотически настроенныхъ дъятелей лѣваго лагеря, какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Необходимость такой политики мнѣ казалась очевидной. Также на дѣло смотрѣли вмѣстѣ со мной и многіе заграницей, какъ Кропоткинъ и Плехановъ, и, какъ я потомъ узналъ, многіе изъ лѣвыхъ въ самой Россіи.

Но съ каждымъ днемъ войны, еще когда я былъ въ Парижъ и потомъ, по мъръ того, какъ я приближался къ русской границъ, мнъ становилось все яснъе, что русское правительство не пойметъ моего ръшенія демонстративно идти ему навстръчу и что мнъ, можетъ быть, жестоко придется расплачиваться за свою поъздку.

мой отъездъ изъ Парижа въ Поидонъ.

Въ Парижъ наканунъ отъъзда я присутствовалъ на грандіозныхъ похоронахъ Жореса. На нихъ я видълъ представителей всей Франціи, слившихся въ одномъ общенаціональномъ порывъ. Соціалисты и буржуа, католики и свободомыслящіе шли вмъстъ.

Надъ Парижемъ уже летали нъмецкие аэропланы и сбросили въ городъ нъсколько бомбъ. Были убитые и раненые. Но особеннаго впечатлънія на парижское населеніе эти бомбы не произвели.

Нъмецкія войска наступали на Парижъ. Подготовлялась уже знаменитая марнская битва. Было объявле-

но, что изъ Парижа уходитъ последній поездъ.

Когда я выважаль изъ Парижа черезъ Лондонъ въ Россію, у меня, кромъ билета, было въ карманъ всего 42 франка и никакихъ опредъленныхъ источниковъ для полученія ихъ гдъ бы то ни было. Ъхалъ я на «ура». Русское посольство охотно и легко выдавало даровые билеты и кое-какія деньги тъмъ, кто ъхалъ въ Россію. Людямъ съ политическимъ прошлымъ такія пособія выдавались въ еще большемъ количествъ. Мнъ предлагали выхлопо-

тать сумму, достаточную, чтобы довхать до самой Россіи. Но я не хотвль обращаться ни къ какимь офиціальнымь

русскимъ представительствамъ.

Въ Лондонъ мнъ пришлось жить въ двухъ шагахъ отъ русскаго консульства. Десятки лицъ изъ моихъ знакомыхъ получали и билеты, и средства на поъздку въ Россію. Но я и въ Лондонъ не ходилъ въ консульство брать деньги.

У меня была только одна надежда. Я отправился къ корреспонденту «Русскаго Слова» и просилъ его телеграфировать въ Москву въ редакцію, что я ъду въ Россію при такихъ-то условіяхъ, предлагаю свое сотрудничество

и прошу выслать мнъ авансъ.

Предшествующіе годы въ русскихъ газетахъ и въ «Русскомъ Словъ» — больше, чъмъ въ другихъ газетахъ — помъщались мои безчисленныя интервью, перепечатывались мои заграничныя статьи, свъдънія о моихъ изданіяхъ и т. д. Но самъ я ни разу не получалъ изъ редакціи гонорара. Гонораръ шелъ корреспондентамъ, которые брали у меня эти мои иногда очень сенсаціонные матеріалы.

На другой день послѣ посланной въ Москву въ «Русское Слово» телеграммы, когда у меня осталось всего 8 франковъ, я получилъ около 100 фунтовъ, что по тѣмъ временамъ представляло на русскія деньги свыше 1000 рублей. Этихъ денегъ мнѣ хватило не только на дорогу до самой русской границы, но и на все время моего пре-

быванія въ Петропавловской крипости.

Въ Лондонъ въ редакціи "Таймса".

Въ Лондонъ также, какъ и въ Парижъ, о русскихъ говорили, какъ о самыхъ желательныхъ союзникахъ. И тамъ для всъхъ было ясно, что война можетъ быть выиграна, если на сторонъ союзниковъ будетъ Россія. Государственные дъятели, представители печати и общества, англійская толпа, всъ клялись въ върности Россіи, какъ союзницъ. О Россіи и о русскомъ народъ говорили съ величайшимъ уваженіемъ. Вскоръ въ Англіи въ офи-

ціальномъ договорѣ всѣхъ союзниковъ были формулированы права Россіи въ дальне и ближне восточныхъ вопросахъ. За Россіей признавались неотъемлемыя права на проливы. Одновременно признавалась Россія императорская, государственная и Россія оппозиціонная. Не было рѣчи ни о какой другой Россіи, сколько нибудь похожей на большевицкую.

Меня пригласили зайти въ редакцію «Таймсъ». Тамъ съ величайшимъ сочувствіемъ отнеслись къ моей поъздкъ въ Россію.

Въ своемъ разговоръ съ главнымъ редакторомъ «Таймсь» я стояль на томь, что мы, республиканцы, оставаясь на почвъ крайнихъ лъвыхъ партій, ръшительно выступаемъ за войну совмъстно съ русскимъ правительствомъ и что для насъ, противниковъ даннаго, бюрократическаго русскаго строя, будеть несчастьемъ побъда нъмцевъ, а побъда нашего правительства въ этой войнъ для насъ не страшна, потому что послъ войны русское правительство не можеть остаться при своей нынёшней реакціи, и должно будеть идти на уступки. Редакторъ «Таймсъ» соглашался со мной и самъ объ этомъ говорилъ, какъ о чемъ-то совершенно установленномъ и не подлежащемъ никакому сомнънію. Послъ нашей бесъды я помъстиль въ «Таймсъ» большое письмо о задачахъ моей поъздки. Оно широко цитировалось во всей европейской прессъ, и тогда же, конечно, попало въ руки руководителей русской политики — задолго до того, какъ я явился въ Россію.

Обращаясь въ этомъ письмъ къ русскому правительству, я звалъ его идти на самыя широкія уступки обществу и повторяль всъ свои требованія, о которыхъ говориль и во французской прессъ: законодательная Государственная Дума, свобода печати и общественной жизни, національное равноправіе.

Въ то же самое время революціонеровъ и оппозицію я призываль къ единенію и совм'єстной работ'є съ правительствомъ.

Въ этомъ же письмъ я говорилъ, что ъду въ Россію, чтобы тамъ всъми силами поддерживать правительство, несмотря на то, что, можетъ быть, правительство не пой-

метъ занятой мной позиціи и захочеть во время войны сводить со мною старые счеты и арестуетъ меня.

Въ такомъ духъ я писалъ и далъ нъсколько интервью и въ другихъ англійскихъ газетахъ.

* *

Кропоткинъ горячо отнесся къ моей поъздив другіе эмигранты были противъ нея.

Изъ Лондона я съвздилъ въ Брайтонъ къ II. А. Кропоткину. Съ первыхъ же сказанныхъ имъ словъ мив было ясно, что онъ стоялъ опредвленно на сторонв союзниковъ противъ нъмцевъ. Такъ же относился къ войнв Плехановъ, какъ объ этомъ я, къ большому моему удовольствію, впослъдствіи узналъ.

Когда въ Брайтонъ я слушалъ вдохновенную ръчь Кропоткина, я думалъ: «вотъ кому бы слъдовало ъхатъ теперь въ Россію и тамъ «глаголомъ жечь сердца людей».

Разумъется сколько-нибудь разумное правительство, бывшее тогда на мъстъ русскаго, должно было само сдълать ръшительно все, чтобы Кропоткинъ тогда же пріъхаль въ Россію.

Когда впослъдствіи, ровно черезъ три года, я слышалъ въ Москвъ при тысячной аудиторіи на собраніи общественныхъ дъятелей ръчь этого самого Кропоткина во время полной деморализаціи арміи, во время торжества большевизма и общаго развала Россіи, я вспоминалъ нашу бесъду съ нимъ въ Брайтонъ въ первые дни войны и подумалъ: что бы дъйствительно сдълали ръчи этого замъчательнаго, настоящаго русскаго человъка, если бы онъ раздавались во время войны въ 1914—1916 г. г. съ трибуны въ той же Москвъ!

Кропоткинъ внимательно разспрашивалъ меня о моемъ рѣшеніи ѣхать въ Россію. Онъ высказалъ свое твердое убѣжденіе, что правительство не пойметъ моей поѣздки и несомнѣнно арестуетъ меня, что я долженъ притотовиться къ мести съ его стороны за всю ту борьбу, которую въ продолженіе многихъ лѣтъ я велъ заграницей противъ него. Но только тогда, когда онъ увидѣлъ, что я безъ колебаній рѣшиль ѣхать въ Россію, онъ горячр сталь поддерживать меня въ моемъ рѣшеніи и говориль о своемъ страстномъ желаніи самому ѣхать въ Россію.

Зато другіе, почти всѣ безъ исключенія члены русской колоніи въ Лондонѣ, какъ напримѣръ А. Тепловъ, какъ это было и въПарижѣ, рѣшительно возстали противъ моей поѣздки въ Россію. Они ее называли и безуміемъ и самоубійствомъ, и видѣли въ ней какое-то косвенное оправданіе того правительства, съ которымъ я все время боролся — и даже примиреніе съ нимъ.

Я имъ доказывалъ, что война нѣмцами ведется не противъ русскаго правительства, а противъ русскаго народа, и что русская армія, борясь вмъстъ съ нашими союзниками, защищаетъ дѣло демократіи противъ иѣмецкаго имперіализма, что въ случаѣ пораженія Россіи и союзниковъ, когда Германія выйдетъ изъ войны побѣдительницей, въ Россіи предстоитъ злая реакція, да и не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, что намъ, русскимъ революціонерамъ, нужно показать и русскому народу и русской арміи, что мы съ ними, что мы не измѣнники Россіи, и что, наконецъ, наша побѣда во время будетъ не побѣдой царизма, а побѣдой народа и, слѣдовательно, съ побѣдой на войнѣ, мы побѣдимъ и царистскую реакцію внутри Россіи.

Лондонцы провожали меня съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ хоронятъ близкаго человѣка. Года черезъ полтора, когда послѣ разнаго рода переживаній, я очутился въ Петроградѣ и велъ тамъ свою агитацію, я получилъ изъ Лондона письмо отъ этихъ товарищей, когдато хоронившихъ меня. Они горячо поздравляли меня съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ Сибири и откровенно признавали, что раньше они не поняли моей по-вадки.

Изъ Лондона корреспондентъ «Русскаго Слова» по телеграфу подробно сообщилъ въ Москву о встрѣчѣ со мной, о моемъ разговорѣ съ Кропоткинымъ и объ его отношеніи къ войнѣ, о задачахъ моей поѣздки въ Россію. Телеграммы эти, какъ и большинство другихъ телеграммъ о моей поѣздкѣ,не были пропущены русской цензурой иникогда не увидѣли свѣта, но на нихъ обратило серьезноевниманіе правительство.

Еще въ Лондонъ я видълъ русскія газеты, въ томъ числъ и «Новое Время», гдъ были помъщены телеграммы о моихъ статьяхъ во французской прессъ по поводу войны.

Въ нихъ сообщалось и то, что я ъду въ Россію. Такимъ образомъ, и русское правительство и русское общество задолго до моего пріъзда на финляндскую границу имъло свъдънія о томъ, что я ъду въ Россію, и съ какой цълью я ъду.

* *

Въ Христіаніи и Стокгольмѣ. Споръ: арестуютъ или не арестуютъ меня!

Изъ Лондона чрезъ Ньюкэстль я прибылъ въ Бергенъ въ Норвегіи, а оттуда въ Христіанію, гдѣ въ мѣстныхъ газетахъ далъ нѣсколько интервью о войнѣ. Здѣсь же я тогда видѣлся съ бывшимъ монахомъ Иліодоромъ. Онъ прочиталъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ приготовленной къ печати его книги «Святой Чортъ» — о Распутинѣ.

Затъмъ я прівхаль въ Стокгольмъ. Здъсь въ газетахь я помъстиль привезенное мною отъ Кропоткина открытое письмо шведскому профессору Стефенсу о войнъ.

Это была пламенная защита позиціи союзниковь и

самое безпощадное нападение на нъмцевъ.

Оно произвело огромное впечатлѣніе и въ Швеціи и внѣ ея. Было оно перепечатано въ англійской, французской и съ другой стороны — въ нѣмецкой прессѣ. Позднѣе, когда я вернулся изъ Сибири, я это письмо самъ издалъ въ Россіи.

Въ Стокгольмъ я встрътиль много русскихъ, вхавшихъ въ Россію, главнымъ образомъ, изъ Германіи, откуда они были изгнаны. Очень многіе изъ нихъ знали
изъ газетъ о моей поъздкъ въ Россію. Почти всъ они
были противъ нея. Даже тъ, кто стоялъ за войну, находили, что моя дъятельность заграницей во время войны
будетъ болъе продуктивной, чъмъ эта рискованная поъздка въ Россію, гдъ, по ихъ мнънію, меня ждетъ тюрьма
и только тюрьма, изъ которой мнъ никогда не выйти, и
откуда я никогда больше не могу подать голоса. Для

нихъ я былъ какимъ-то самоубійцей. Лидеръ шведскихъ соціалъ демократовъ Брантингъ, бывшій потомъ предсъдателемъ совъта министровъ, съ которымъ я видълся тогда, прекрасно понялъ цъль моей поъздки. Онъ всей душой сочувствовалъ мнъ, но онъ смотрълъ на царскій режимъ безнадежно и былъ вполнъ убъжденъ, что правительство сгноитъ меня въ тюрьмъ. Для него моя поъздка была хорошимъ порывомъ и въ то же время безполезной тратой силъ.

Среди русскихъ въ Швеціи очень немногіе смотрѣли на мою поъздку иначе. Однимъ изъ ръдкихъ исключеній былъ профессоръ Гредескуль, тотъ самый, который потомъ игралъ такую позорную роль у большевиковъ.

Онъ тогда былъ горячимъ патріотомъ и стоялъ за войну съ нѣмцами до конца. Онъ съ энтузіазмомъ сталъ говорить о моей поѣздкѣ въ Россію, и ни на одну минуту не допускалъ мысли, чтобы я могъ быть арестованнымъ. Онъ смотрѣлъ на правительство Николая II, какъ на правительство, которое ниже всякой критики, но въ данное среми, при данныхъ условіяхъ, по его мнѣнію, даже такое правительство не могло совершить такой ошибки.

Я горячо возражаль Гредескулу и съ увъренностью говориль, что я буду арестовань, но что, когда я буду сидъть въ тюрьмъ, тогда раздадутся голоса въ мою защиту, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, и что это, можетъ быть, современемъ заставитъ русское правительство вопреки своему желанію освободить меня.

Находясь еще въ Христіаніи, я о цѣляхъ моей поѣздки написалъ открытое письмо въ редакцію русскихъ и иностранныхъ газетъ на тотъ случай, если я буду арестованъ. Въ этомъ письмѣ я выяснилъ свой взглядъ на войну, выставилъ политическія требованія, какъ условія возможно успѣшнаго веденія войны и кончилъ свое обращеніе въ редакцію рѣзкимъ протестомъ противъ моего ареста, если бы онъ состоялся. Нѣсколько экземпляровъ этого письма я изъ Стокгольма послалъ въ русскія и заграничныя газеты и нѣкоторымъ своимъ друзьямъ эмигрантамъ въ Парижъ и Лондонъ, а одинъ экземпляръ я оставилъ у себя, чтобы онъ былъ взятъ при моемъ арестѣ.

Въ Стокгольмъ я номъстиль статьи о своей поъздкъ въ Россію въ «Соціалъ-Демократень», «Дагенсъ-Нюхе-

теръ» и далъ нѣсколько интервью для русскихъ газетъ. Тамъ я прожилъ дней десять и, еще не уѣзжая оттуда, въ полученныхъ изъ Россіи газетахъ «Рѣчь», «Русскія Вѣдомости» и др. я могъ прочитать мои интервью, данныя въ Швеціи, о цѣли моей поѣздки въ Россію. Въ нихъ я снова повторялъ, что хорошо знаю о возможности моего ареста, но что это меня не останавливаетъ.

Въ Стокгольмъ много было мною переговорено съдрузьями о поъздкъ въ Россію. Всъхъ я выслушалъ. Ихъ замъчанія во многихъ отношеніяхъ были для меня полезными, но я остался при томъ же ръшеніи, съ какимъ ъхаль изъ Парижа.

Отъъздъ изъ Стокгольма въ Россію.

Я купиль билеть на пароходь, идущій прямо въ Финляндію въ Раумо. Наканунь отъвзда, съ этимь билетомь въ кармань, я часа четыре гуляль по аллев «Страндвагень». Публики почти не было. Я старался приномнить все, что мнь говорили за и противъ моей повздки. Я прекрасно понималь, что повздка въ Россію для меня была рышительнымь шагомь въ моей жизни. Для меня не было ничего невъроятнаго, если бы сбылось предсказаніе большинства моихъ собестраниковъ-пессемистовь, и захлопнувшаяся за мною тюремная дверь никогда болье для меня не отворилась бы.

Хотя для меня въ это время уже не существовало сомнѣній — ѣхать или не ѣхать въ Россію, тѣмъ не менѣе, я счель нужнымъ еще разъ пересмотрѣть этотъ вопросъ. Я старался дать себѣ отвѣть на всѣ вопросы о поѣздкѣ, которые мнѣ ставили съ разныхъ сторонъ.

Впослъдствіи и въ тюрьмъ и въ ссылкъ я часто вспоминалъ этотъ послъдній вечеръ, проведенный мною въ Стокгольмъ. Уходя къ себъ въ отель съ аллеи «Страндвагенъ», я зналъ, что я безповоротно ръшилъ ъхать.

Въ отель я вернулся поздно вечеромъ и болъе уже не возвращался къ вопросу, ъхать или не ъхать, и ни съкъмъ объ этомъ болъе не говорилъ. Я зналъ, что завтра я ъду въ Россію.

Ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, ни въ Стокгольмъ ни прямо, ни косвенно я не обращался ни къ какимъ русскимъ властямъ заграницей съ просьбою о разръшеніи мнъ, эмигранту, ъхать въ Россію.

Ни лично, ни чрезъ третьихъ лицъ я не наводиль справокъ въ Россіи — ни въ Департаментъ Полиціи, ни въ какомъ другомъ учрежденіи о томъ, какъ будеть поступлено со мной, когда я пріъду въ Россію.

Я ѣхалъ на родину, какъ свободный гражданинь, и предоставилъ правительству дѣлать со мною все, что оно захочеть.

Русскія власти, задолго до моего прівзда въ Россію могли принять во вниманіе всв изввстія, нечатавшіяся въ газетахъ, они имвли много времени обдумать, что имъ двлать, — и они сдвлали распоряженіе на границв, какъ меня встрвтить.

На другой день (14 сентября) часа въ три съ набережной «Страндвагенъ» отходилъ нашъ пароходъ въ Финляндію прямо въ Раумо.

Меня пришли провожать кое-кто изъ знакомыхъ. Почти всв они были ръпшительно противъ моей тогдашней поъздки и снова стали убъждать меня остаться въ Стокгольмъ.

Я быль уже на пароходъ. Раздался первый, второй свистокъ. Знакомые съ берега все еще кричали мнъ: «Еще не поздно! Останьтесь!» Раздался третій свистокъ. Сходни нъкоторое время почему-то еще не были сняты. Съ берега продолжали убъждать меня сойти съ парохода.

До Раумо говорили мнѣ, остановокъ больше нѣть и вернуться уже не будетъ никакой возможности, а въ Раумо меня, несомнѣнно, арестуютъ.

Я не возражалъ на эти дружескія уговариванія, а только отшучивался.

Наконецъ, сходни были убраны. Пароходъ пошелъ. У меня какъ-то особенно легко стало на душѣ. Какъ будто начиналась для меня новая радостная жизнь.

ų.

на пароходь.

На пароходъ ъхали, главнымъ образомъ, русскіе. Было много, кто меня зналъ раньше, хотя бы по литературъ. Мы скоро сошлись, и темой разговоровъ была, главнымъ образомъ, моя поъздка въ Россію.

— Да развъ можно, чтобы васъ арестовали въ такое время? — тономъ, не допускавшимъ возраженій, гово-

риль проф. Тредескуль.

— Ну, конечно, вы будете арестованы! Васъ правительство никогда не освободить, — говорили другіе. — Ваша повздка въ Россію — безуміе! Своимъ прівздомъ вы только порадуете Департаментъ Полиціи. Да развълойметь васъ русское правительство? Да развъпростить васъ Департаментъ Полиціи за Азефа?

Но въ сущности было безполезно и поздно спорить о томъ, надо или не надо было мнъ ъхать, но мы все-таки

продолжали обсуждать этотъ вопросъ.

Пароходъ, не останавливаясь нигдъ, шелъ прямо въ

Раумо.

Телеграммы о днѣ моего предполагаемаго выѣзда изъ Стокгольма давно были посланы во всѣ русскія газеты. Власти, слѣдовательно, знали о немъ хотя бы только изъ этихъ телеграммъ.

Среди пассажировъ было много интересныхъ русскихъ. Начались споры и гаданія насчетъ надвигающихся великихъ событій.

Прекрасная теплая погода. Тихое, какъ зеркало море.

Не прекращаютъ попадаться чудные острова.

Удивительный закать солнца.

Все это дълало тогдашнюю поъздку особенно памятной и никогда незабываемой для меня.

Я разсказывалъ своимъ знакомымъ о своихъ парижскихъ впечатлъніяхъ, о бомбардированіи нъмцами Парижа, о впечатлъніи заграницей отъ обстръла Реймскаго собора, о своихъ встръчахъ съ Кропоткинымъ въ Англіи.

Мои спутники, только что вырвавшіеся изъ нѣмецкаго плѣна, разсказывали о проведенныхъ ими первыхъ недѣляхъ у нѣмцевъ въ Берлинѣ и т. д. Настроеніе у многихъ пассажировъ было очень нервное. Вдали, казалось, находились нъмецкія военныя суда.

На пароходъ все время ждали нападенія нъмецкихъ подводныхъ лодокъ. Временами бывали ложныя тревоти. Онъ особенно волновали пассажировъ ночью.

Послѣ семи лѣтъ бурной эмигрантской жизни внѣ Россіи, я, за кѣмъ такъ все время охотилась русская политическая полиція заграницей, добровольно возвращался на родину и возвращался при такой исключительной обстановкѣ.

Тъ, кто думалъ, что меня въ Финляндіи же арестують, прощались со мною, какъ съ человъкомъ, котораго они видять въ послъдній разъ.

На слъдующій день рано утромъ мы увидъли берега

Финляндіи.

мой арестъ.

Когда пароходъ причаливалъ къ Раумо, въ толив стоявшихъ на берегу наряду съ финнами, я съ особой радостью разглядълъ много русскихъ лицъ, какихъ въ эмиграціи я давно уже не видалъ.

Повсюду виднѣлись русскія надписи и русскіе костюмы. Съ берега до насъ долетали русскіе голоса, Слышалась русская военная команда. Одинъ за другимъ пассажиры стали сходить съ парохода.

Туть же въ десяти шагахъ отъ берега, подъ навъсомъ стояли низкіе столы. На нихъ пріважіе клали свои ве-

щи для таможеннаго досмотра.

Къ одному изъ этихъ столовъ подошелъ я со своимъ чемоданомъ и показалъ его таможенному чиновнику. Финляндскій таможенный чиновникъ, почти не смотря, поставилъ крестъ мъломъ на моемъ чемоданъ, и я снова сталъ его запирать.

Сзади я услышаль голось: «Прошу слѣдовать за мной!» Я оглянулся и увидѣль жандармскаго офицера, а за нимь двухь жандармскихь унтерь-офицеровь. Я имь сказаль: «Я вась понимаю».

Шагахъ въ тридцати находилось зданіе, въ которомъ помъщался жандармскій пость. Туда направился жандармскій офицеръ. Я пошелъ за нимъ. Въ рукахъ я несъ свой чемоданъ. За мною шли жандармскіе унтеръофицеры. Мнъ пришлось проходить мимо нъкоторыхъ изъ моихъ пароходныхъ спутниковъ, съ къмъ я только что спорилъ о томъ, арестуютъ меня или не арестуютъ. Я старался не смотръть на нихъ, чтобы не выдать своего съ ними знакомства. Они, конечно, поняли, что я арестованъ.

Я и сопровождавшіе меня жандармы шли молча. Когда мы вошли въ пом'вщеніе жандармскаго поста, жандармы сейчась же взяли у меня изъ рукъ мой чемодань. Офицеръ громко и ръзко даль приказъ:

— Обыскать!

Одинъ жандармъ схватилъ меня за правую руку, другой за лѣвую, двое другихъ стали меня обыскивать. Какъ змѣи ихъ руки скользили по моему тѣлу и ощупывали его. Я стоялъ, молча, стиснувъ зубы. Это было первое мое впечатлѣніе на родинѣ. За послѣдніе годы свободной жизни заграницей я отвыкъ отъ этихъ пытокъ.

Жандармы искали, нътъ ли у меня чего-нибудь спрятаннаго въ карманахъ, подъ одеждой. Одинъ изъ

нихъ спросилъ меня:

— Есть у вась регольверь?

Не отвъчая обыскивавшему жандарму, я обратился

къ жандармскому офицеру и сказалъ:

— Я— не мальчикь! Я зналь, куда вду. Я зналь, что въ Россіи есть жандармское управленіе. Я зналь, что вы меня арестуете и будете обыскивать. Я объ этомъ нисаль въ газетахъ, когда вхаль. Такъ неужелы вы думаете, что у меня можеть быть что-нибудь интересное для вась?

Мои слова будто озадачили русскаго сфицера. Онъ на нъсколько мгновеній задумался, потомъ ръзко сказаль

жандармскимъ унтеръ-офицерамъ:
— Скоръй кончайте обыскъ!

Жандармы, очевидно, съ полусловъ понимали свое начальство и почти прекратили обыскъ. Офицеръ спросилъ меня, что у меня есть въ моихъ вещахъ?

— Прежде всего, — сказаль я: — воть — мое заявленіе въ редакціи газеть, написанное на случай моего ареста. Оно уже послано въ редакцій. Воть номера газеть французскихь, англійскихь, шведскихь, поррежскихь, гдв я помъстиль статьи о моей поъздкъ въ Рессію. Больше интереснаго для васъ у меня ничего гъть. Когда я садился на параходь въ Стокгольмъ, я тщательно осмотръль свой чемоданъ и свои карманы, нътъ ли тамъ чего-нибудь для васъ интереснаго. И то, что я нашелъ интереснаго для васъ, я уничтожиль. На пароходъ, завидя Раумо, я еще разъ осмотръль весь свой багажъ, и хорошо знаю, что у меня нътъ ничего интереснаго для васъ.

Мой обыскъ кончился. Скоро кончился и мой несложный допросъ. Былъ составленъ протоколъ, и мнъ заявили, что я арестованъ, и что меня сегодня же увезутъ въ Петроградъ.

Я говорилъ о безсмысленности моего ареста на финляндской границъ, разъ я самъ добровольно ъду въ Петроградъ, и просилъ жандармскаго офицера телеграфировать, куда слъдуетъ, чтобы мнъ было разръшено ъхать безъ конвоя на свои средства до Финляндскаго вокзала въ Петроградъ, гдъ власти смогутъ сдълать со мною все, что захотятъ.

Телеграмма въ такомъ духѣ была отправлена жандармскимъ офицеромъ, но еще до отхода поѣзда полученъ былъ приказъ немедленно доставить меня въ Петроградъ подъ усиленнымъ конвоемъ.

"Зачъмъ вы пріъхали"?

До отхода поъзда оставалось нъсколько часовъ, и въ комнату, гдъ я находился, ко мнъ не разъ приходилъ по-бесъдовать арестовавшій меня жандармскій офицеръ.

Онъ, видимо, не разъ порывался о чемъ-то спросить меня. Затъмъ какъ-то неожиданно спросилъ меня:

— Если можно, г. Бурцевъ, скажите, пожалуйста, зачъмъ вы прівхали въ Россію?

Слово «зачѣмъ» онъ какъ-то особенно подчеркнулъ. Тутъ было и любопытство, и непониманіе, но не было никакой злобы... Наобороть, мнъ показалось, что онъ задаль этотъ вопросъ мнъ съ сочувствиемъ ко мнъ и одобряль то, что я приъхалъ.

Я повториль ему все то, что о цёляхъ моей поёздки я повторяль по дорогё всёмь своимь друзьямь, и про-

тивникамъ отъ Парижа до Раумо.

Временами онъ, повидимому, меня понималъ, но иногда ему хотълось объяснить мою поъздку иными причинами, чъмъ тъ, о которыхъ я ему говорилъ. Разъ онъдаже прямо спросилъ меня, — не стоятъ ли за моей спиной какіе-нибудь великіе князья, не ъду ли я по порученію какой-нибудь союзной державы? и т. д.

Я разсмъялся надъ этими его догадками и сказалъ, — онъ, видимо, на этотъ разъ понялъ меня и повърилъ мнъ, — что за мной не только нътъ никакихъ великихъ князей или великихъ державъ, но что я не принадлежу ни къ какой партіи, что я — русскій человъкъ, свободный журналистъ, врагъ даннаго режима, и ъду по личной иниціативъ, вопреки протестамъ большинства своихъ друзей. Я ему показалъ свое стило и сказалъ:

— Вотъ единственное оружіе, которымъ я борюсь!

Въ концъ нашего разговора я понялъ, почему мой неожиданный добровольный пріъздъ въ Россію такъ изу-

милъ этого жандармскаго офицера.

Передъ твмъ, какъ попасть въ Раумо, этотъ жандармскій офицеръ (его фамилія, кажется, Гейнцъ) былъ нъсколько лътъ на пограничной русско-нъмецкой желъзнодорожной станціи Вержболово, и вотъ всякій разъ, когда русская тайная полиція упускала меня изъ виду въ Парижъ, и жандармы думали, что я поъхалъ тайно въ Россію, этотъ офицеръ получалъ изъ Петрограда по телеграфу строжайшія приказанія принять всъ мъры для моей поимки.

Въ тъ годы въ ихъ жандармской средъ обо мнъ говорили не иначе, какъ о несомнънно будущемъ каторжникъ. Пуришкевичу принадлежало въ то время крылатое слово, сказанное имъ про меня: «Гдъ Бурцева поймаютъ, — тамъ его и надо повъсить!»

Арестовавшій меня въ Раумо жандармскій офицеръ, какъ и вообще многіе другіе жандармы, привыкъ на меня смотръть, какъ на непримиримаго своего врага. Въ продолженіе многихъ лътъ они не произносили моего имени

иначе, какъ въ сопровождении крупныхъ ругательствъ.

Одинъ изъ жандармскихъ полковниковъ, уговаривая кого-то дать показанія противъ меня, говорилъ обо мнѣ, какъ о человѣкѣ кровожадномъ, жестокомъ, безъ сердца, который на всѣхъ и на все смотритъ только съ точки зрѣнія пользы для своей агитаціи. Исчерпавъ весь свой лексиконъ разнаго рода ругательствъ по моему адресу, онъ, нѣсколько помолчавъ, сказалъ:

— Одно только надо сказать: не жидъ!

Другихъ достоинствъ онъ во мив найти не могъ.

Въ разсказъ о моемъ прівздъ въ Россію въ 1914 г я должень отмътить вообще одно новое, очень важное для меня обстоятельство въ моихъ тогдашнихъ отношеніяхъ къ представителямъ жандармскаго міра.

Въ разговорахъ со всѣми жандармами, тюремщиками, прокурорами, судебными слѣдователями, въ тюрьмахъ, подъ арестомъ, какъ и послѣ возвращенія изъ ссылки, все время до революціи, я всегда открыто имъ заявлялъ, что рѣшительно ничего не беру назадъ изъ того, что я говорилъ и дѣлалъ во время моей эмиграціи заграницей, и что у меня осталось прежнее отношеніе къ правительству и лично къ царю. Но, несмотря на это, я не могъ не видѣть къ себѣ совершенно иное отношеніе, чѣмъ это было раньше. Я чувствовалъ, что большинство враговъ моихъ обезоружено моимъ отношеніемъ къ войнъ, и что они сами не понимали тѣхъ Щегловитовыхъ, Маклаковыхъ, Джунковскихъ, которые считали возможнымъ и во время войны преслѣдовать меня за то, что я раньше дѣлалъ заграницей.

Передача меня изъ Финляндіи въ Россію вопрекн финляндскимъ законамъ.

По русскимъ законамъ, дъйствовавшимъ тогда въ Финляндіи, жандармы могли меня арестовать, извъстивъ объ этомъ финляндскаго генералъ-губернатора предварительно, если было возможно, еще до ареста, или въ крайнемъ случав, сейчасъ же послв ареста.

Но правительство такъ жаждало меня арестовать и придавало моему аресту такое значеніе, что хотя оно загодя знало, когда и на какомъ пароходѣ я пріѣзжаю, и мой аресть быль давно рѣшенъ въ Петроградѣ, тѣмъ не менѣе оно въ данномъ случаѣ сдѣлало для меня исключеніе. Для того, чтобы финляндскія власти не вздумали меня освободить или хотя бы только задержать мою выдачу изъ Финляндіи, русское правительство не предупредило ихъ о моемъ арестѣ.

Финляндскій генераль-губернаторь ген. Зейнъ находиль невозможнымь арестовать меня въ Финляндіи и когда узналь о моемъ аресть, то посль совыщанія съ вице-предсыдателемъ финляндскаго сената, онъ послаль въ Петроградъ министру внутреннихъ дыль телеграмму съ предложеніемъ объ отмыны моего ареста. Но на эту свою телеграмму Зейнъ не получиль никакого

отвъта.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ вмѣсто этого отдало въ тотъ же день приказъ немедленно доставить меня изъ Финляндіи въ Петроградъ, чтобы о моемъ арестѣ съ мѣстными финляндскими властями поговорить послѣтого, какъ меня успѣютъ доставить въ Петроградъ.

Для моего ареста, такимъ образомъ, министру внутреннихъ дѣлъ приходилось нарушать законы, но онъ предъ этимъ не останавливался. Ему такъ хотѣлось поскорѣе видѣть меня у себя въ рукахъ.

Изъ Раумо меня въ тотъ же день вечеромъ отправили въ Петроградъ въ отдъльномъ желъзнодорожномъ купо въ сопровождении жандармскаго офицера и четырехъ жандармскихъ солдатъ. По дорогъ всюду были посланы телеграммы.

На большихъ станціяхъ къ намъ въ вагонъ приходили жандармскія власти, уб'єдиться, ц'єль ли я, а впрочемъ, можетъ быть и изъ простого любопытства.

Въ Бълоостровъ, когда поъздъ тронулся, къ намъ вошелъ кондукторъ и, почтительно кланяясь жандармскому офицеру, по-русски, съ финскимъ акцентомъ спросилъ, какъ же будетъ насчетъ желъзнодорожныхъ билетовъ.

 «зайцами». Офицерь, не обращаясь къ кондуктору, небрежно сказалъ жандарму:

— Пошли ты его къ чорту!

Я смягчаю это выражение. Сказано было гораздосильнъе.

Жандармъ отвътилъ: «слушаюсь!» и, обернувшись затъмъ къ кондуктору, послалъ его туда, куда дальше послать нельзя...

Кондукторъ, какъ бомба, выскочилъ изъ вагона и быстро захлопнулъ за собою дверь. Потомъ снова отворилъ ее и, кланяясь, иъсколько разъ повторялъ:

— Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Съ тъмъ же поъздомъ, съ какимъ меня везли арестованнымъ въ Петроградъ, одинъ изъ моихъ пароходныхъспутниковъ Б. А. Гуревичъ везъ туда же мое открытое письмо въ редакцію русскихъ газетъ. Въ Петроградъ онъдоставилъ письмо въ редакцію «Ръчи». Сущность письма, кажется, была тамъ, тогда же напечатана. Кромъ того, это мое заявленіе было переиздано тайнымъ образомъ и распространено въ Петроградъ. Въ агитаціи по его поводу, по словамъ Гуревича, дъятельное участіе приняли І. В. Гессенъ и О. О. Грузенбергъ.

Кстати, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ я былъ арестованъ, черезъ то же Раумо благополучно проѣхалъ въ Петроградъ Нахамкесъ-Стекловъ. При объявленіи войны Стекловъ былъ арестованъ въ Берлинѣ, но вскорѣ былъ освобожденъ нѣмцами и съ инструкціями отъ нихъ поѣхалъ въ Петроградъ. Тамъ, подъ личиной русскаго патріота, онъ всю войну вплоть до революціи служилъ въ какихъ-то комитетахъ, обслуживавшихъ армію.

Въ Петропавловской крѣпости.

Въ Петроградъ на Финляндскомъ вокзалъ нашъ вагонъ отцъпили и перевели куда-то на запасный путь, гдъ меня при выходъ изъ вагона не могла увидъть какая-нибудь случайная публика.

Тамъ насъ ожидалъ большой нарядъ полиціи. Меня усадили въ четырехмъстную карету, вмъстъ со мною туда съли три околодочныхъ надзирателя съ револьверами и шашками.

Въ сопровождении спеціальнаго конвоя, окружившаго карету, меня повезли въ Петропавловскую кръпость.

Таковъ былъ необыкновенно торжественный въвздъ мой на родину послъ долгаго пребыванія заграницей.

Летвли десятки телеграммъ, въ Петроградв мобилизоваласъ «средиземная эскадра» (по знаменитому выраженію Гліба Успенскаго), въ движеніе были приведены десятки лицъ... Словомъ, отечество было въ опасности и его надо было спасать.

Видно было, «занимались они дѣломъ»!

И на эту скверную комедію, во время войны, ухлопывали народныя деньги и тратили столько энергіи.

Въ Петропавловской крѣпости меня посадили въ Трубецкой бастіонъ. Меня обыскали, сейчасъ же нарядили въ арестантскій халать и заперли въ одной изъ знакомыхъ для меня по моимъ прежнимъ сидъніямъ камеръ.

Въ кръпости меня ожидали уже жандармскіе чины, и они сейчась же приступили къ моему допросу.

Они зарегистрировали взятые при мнѣ въ Раумо документы: прежде всего — мое письмо въ редакцію и мои газетныя статьи. Затѣмъ я устно подробно объясниль имъ цѣль моего пріѣзда въ Россію.

Допрашивавшій меня жандармскій офицеръ, очевидно, имѣлъ спеціальныя инструкціи. Послѣ допроса, по его словамъ, онъ долженъ былъ съ своимъ докладомъ немедленно ѣхать въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Я просиль его сказать въ министерствъ, что мой арестъ огромная ошибка и чтобы ее поправить, необходимо немедленно сегодня же освободить меня, чтобы извъстіе о моемъ арестъ не попало въ печать прежде, чъмь его ошибочность не будетъ признана правительствомъ. Если же я не буду освобожденъ, то правительство прерветъ начатую мною агитацію въ европейской прессъ по поводу войны, и разрушитъ то, что для этого мною уже было сдълано заграницей. Я нъсколько разъ, подчеркивая, повторялъ, что впослъдствіи я буду открыто обвинять правительство въ этомъ и въ этомъ же его будуть обвинять и другіе.

Я просиль жандармскаго офицера объяснить въ министерствъ, что я настаиваю на немедленномъ съсемъ освобождени вовсе не потому, что меня пугаеть гюрьма. Если бы я боялся тюрьмы, то просто остался бы въ Парижъ или же вернулся туда изъ Стокгольма.

Мив казалось, что допрашивающій меня жандармскій офицерь поняль, что меня заставило вхать въ Россію. Но изъ его словъ и изъ тона, какимъ онъ говориль о моемъ двлъ, я поняль, что въ Министерствъ Внутреннихъ Дълъ Н. Маклаковъ и ген. Джунковскій настроены ръшительно противъ моего освобожденія.

Оба они, а въ особенности Джунковскій, котораго я не разъ лично задъвалъ въ «Будущемъ», очевидно, сподили со мною старые счеты.

Все, что я говориль допрашивавшему меня жандармскому офицеру, я тогда же написаль въ особомъ заявлении въ Министерствъ Внутреннихъ Дълъ на имя товарища министра внутреннихъ дълъ Джунковскаго.

Въ немъ я подчеркивалъ, что я прошу немедленнаго моего освобожденія не въ личныхъ интересахъ, а въ интересахъ общественныхъ.

Но ни въ этотъ вечеръ, ни на другой день я изъ министерства-не получилъ никакого извъстія о моемъ дълъ.

Что происходило тогда въ Министерствъ Внутреннихъ Дълъ въ связи съ докладомъ о моемъ арестъ,—я въточности не знаю. Но знаю только, что вскоръ послъ моего допроса было два засъданія совъта министровъ, гдъ поднимался вопросъ о моемъ освобожденіи.

Министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ (какъ онъ потомъ мнѣ разсказывалъ) настаивалъ, что я долженъ быть немедленно освобожденъ, и что правительство должно вообще идти навстрѣчу въ начатой мной агитаціи. На его сторонѣ былъ и Кривошеинъ. Извѣстіе о томъ, что нѣкоторые министры и общественные дѣятели настаивали на моемъ освобожденіи, тогда же попало въ русскую и заграничную печать. Но реакціонеры не хотѣли допустить и мысли о моемъ освобожденіи, и я былъ оставленъ подъ арестомъ.

Обстановка Трубецкого бастіона мнѣ живо напомнила, какъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ я первый разъ попалъ туда.

Здъсь мив было все знакомо. И сама камера, и ръшетки, и тюремные порядки, и прогулки на дворъ, и де

ревья на немъ.

Тогда они были маленькія, а теперь выросли и переросли тюремное зданіе. Съ тіхъ поръ много прошло времени и много утекло воды, и судьба бросала меня по всему світу.

Съ перваго же дня ареста у меня уже была почти полная увъренность, что меня не освободять, и у меня

впереди долгая тюрьма.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего ареста, при послѣднемъ допросѣ въ Петропавловской крѣпости, судебный слѣдователь объявилъ мнѣ о преданіи меня суду. Меня не обвиняли ни въ принадлежности къ партіи, ни въ какомъ-либо участіи въ революціонной борьбѣ. Въ вину мнѣ ставилось только нѣсколько цитатъ изъ мо-ихъ заграничныхъ изданій, — главнымъ образомъ, отзывы о личности царя. Я обвинялся такимъ образомъ только, какъ журналистъ.

Это было все, изъ за чего я быль арестовань и почему

была прервана моя агитація во время войны!

* *

Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. —Вопросъ Керенскаго: "зачѣмъ вы прівхали"?

Когда меня уже перевели въ Домъ Предварительнаго Заключенія, ко мнѣ, однажды, въ тюрьму явился, какъ мой защитникъ, А. Ф. Керенскій. Раньше я его лично не зналъ, но, конечно, много читалъ о немъ въ газетахъ, и какъ о защитникъ по многимъ громкимъ политическимъ процессамъ и какъ о членъ Государственной Думы.

Послъ первыхъ минутъ нашей радостной встръчи — мы говорили съ глазу на глазъ — Керенскій, какъ но-

жемъ ръзнулъ меня вопросомъ:

— Зачимо вы прівхали въ Россію?

Я почувствоваль, что я невольно сдълаль большіе глаза. Я никакъ не ожидалъ услышать такой вопросъ отъ своего защитника.

Такой вопросъ, въ тъхъ же самыхъ выраженіяхъ, я недавно слышаль въ Раумо отъ жандармскаго офицера, меня арестовавшаго, но тогда этотъ вопрось быль мн заданъ тономъ, который не заключалъ ничего укоризненненнаго. Наоборотъ, Керенскій говориль тэномъ, болѣє, чъмъ недовольнаго человъка, — тономъ обвинителя.

Дальнъйшій разговоръ съ Керенскимъ еще болѣе по-

разилъ меня.

— Какую вы сдълали громадную ошибку! Вы насъ поставили въ тяжелое положение. Мы не можемъ даже васъ защищать, когда на васъ нападають. Нужно всеми силами протестовать противъ этой войны, а вы ее защищаете! Вы этимъ оказываете поддержку правительству.

Керенскій сослался при этомъ на мнѣніе нѣкоторыхъ извъстныхъ литераторовъ-народниковъ, къ кому я писалъ изъ Парижа. По его словамъ, они въ началъ войны, дъйствительно, получили отъ меня изъ Парижа письмо, въ которомъ я имъ писалъ, что готовъ оставаться заграницей и начать тамъ агитацію за войну, если бы они мнъ помогать. Но они, по словамъ Керенскаго, совершенно не хотъли тогда меня поддерживать, потому что были противъ моего отношенія къ войнъ.

Я поняль, что Керенскій въ мою камеру принесь не только личное свое отрицательное отношение къ моему прівзду, но выражаеть мнвніе и многихь другихь изъ

лъваго лагеря.

Въ Петроградъ, собственно въ Петропавловской кръпости, я находился уже четыре мъсяца, но до меня не долетало почти никакихъ извъстій съ воли, и я не зналъ, какъ къ моему прівзду въ Россіи отнеслись въ русскомъ обществъ, и на этотъ счетъ строилъ только догадки.

Разъ, впрочемъ, еще въ Петропавловской кръпости,

мнъ казалось, что мнъ объ этомъ что-то сказали.

Однажды, во время моего допроса судебнымъ слъдователемъ по особо важнымъ дъламъ, въ присутствии прокурора, я наводящими вопросами, старался хоть что-нибудь узнать, какъ на воль отнеслись къ моему прівзду. Допрашивающій меня слѣдователь, какъ бы идя миѣ навстрѣчу, мимоходомъ сказаль, что ни въ Россіи, ни заграницей никто не писаль о моемъ пріѣздѣ; и за шумомъ войны никто даже на него не обратилъ вниманія. Этимъ онъ хотѣль мнѣ сказать, что я сдѣлалъ холостой выстрѣль и вообще напрасно пріѣхалъ въ Россію.

Эти слова слъдователя какъ будто меня ожгли.

Если бы это было правдой, то мив, двиствительно, пришлось бы посмотрвть на свою повздку въ Россію, какъ на политическую ошибку, которую поправить не было уже никакой возможности, потому что я былъ заперть въ четырехъ ствнахъ Трубецкаго бастіона. Въ такомъ случав правительство, конечно, никогда бы не выпустило меня изъ тюрьмы, какъ это и предсказывали мив многіе заграницей, а свело бы со мной свои старые большіе счеты. Но двло для меня заключалось, конечно, главнымъ образомъ не въ этомъ, а въ томъ, что если такъ, то вся моя повздка въ Россію, всв мои политическіе расчеты и планы были сплошной ошибкой. Для меня это было бы, конечно, болве, чвмъ холостой выстрвлъ.

Меня интересовало, понятно, не мивніе слівдователя, надо или не надо было мив прівхать въ Россію, а сущность его сообщенія. Я съ трудомъ показаль видъ, что не обратиль вниманія на его слова. Мив хотвлось, чтобы допросъ скорве кончился.

Послѣ допроса меня снова увели въ мою камеру, и я только тогда, когда остался одинъ въ камерѣ, понялъ какъ глубоко взволновали меня слова слѣдователя.

Какъ ужаленный бъгалъ я въ халатъ изъ угла въ уголъ по камеръ и снова въ сотый разъ отъ начала до конца пересматривалъ въ своей головъ все, что я когдалибо заграницей слышалъ о своей поъздкъ въ Россію, когда меня отговаривали ъхатъ туда.

Въ концъ концовъ, я успокоился. Я ръшилъ, что слъдователь сказалъ мнъ неправду — или для щълей допроса, или, потому, что не считалъ себя въ правъ говорить арестованному то, что тотъ отъ него хотълъ узнать.

Я быль убъждень, что такъ отнестись ко мнв на воль, какъ говорить слъдователь, не могли. Бъгая по камеръ, я не разъ вслухъ повторялъ себъ: нъть! нъть! это не возможно! Это неправда!

Скоро я вполив успокоился, и жизнь моя въ камерв протекала спокойно — за изучениемъ Радищева и Грибовлова, какъ и до этого памятнаго для меня допроса.

* *

Мои споры въ домѣ Предварительнаго Заключенія съ Керенскимъи Соколовымъ.

Слова Керенскаго нанесли миъ болъе тяжелый ударъ. Подъ какимъ-то предлогомъ я постарался скоръе прекратить это наше первое съ нимъ свиданіе и отложить продолженіе нашего разговора до слъдующаго раза.

Когда я вернулся къ себъ въ камеру, я былъ странно возбужденъ. Забъгалъ въ своей маленькой клъткъ, и предо мной снова всталъ старый вопросъ, — да неужели же мой пріъздъ въ Россію, дъйствительно, ошибка и холостой выстръль?

Цъть моей поъздки мнъ попрежнему была ясна. Для меня попрежнему не было сомнъній — надо ли было ъхать? Мнъ мучительно только хотьлось разгадать, гдъ у Керенскаго и тъхъ, отъ имени кого онъ говорилъ, опибка. Въ концъ концовъ, мнъ показалось, что я нашелъ опибку въ ихъ разсужденіяхъ, и скоро слова Керенскаго перестали меня волновать.

Для меня было ясно, что они все еще и во время войны остаются на почев революціонной агитаціи противь правительства, и въ нын'вшній грозный моменть, переживаемый нами, не хотять родину поставить выше своей партіи и не отдають себ'в отчета, во что можеть обойтись Россіи во время войны даже удачная революція. Мн'в было тяжело сознавать, что въ Россіи существуеть такое теченіе, и я понималь, какъ дорого оно можеть ей обойтись.

Но для меня попрежнему оставалось внѣ сомнѣній, что въ данное время въ Россіи не можетъ не быть государственнаго теченія, представители котораго поймутъменя, и съ которыми мы пойдемъ впередъ безъ Керенскихъ. Къ сожалѣнію, я не могъ съ какой-нибудь увѣренностью думать о томъ, что пойметъ насъ правительство и не сдѣлаетъ невозможнымъ нашу борьбу.

Во время слъдующаго свиданія съ Керенскимъ я попрежнему видълъ у него отрицательное отношеніе къ моему пріъзду, но мнъ казалось, что мои объясненія и моя въра въ необходимость этого пріъзда заставили его, а еще болье другихъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ на волъ, кто разговаривалъ обо мнъ съ Керенскимъ, нъсколько иначе отнестись къ нему. Это я видълъ изъ писемъ, которыя мнъ съ воли приносили мои знакомые.

Я, между прочимъ, тогда получилъ въсточку и отъ Лопатина. Онъ въ своемъ письмъ дружески, но съ упрекомъ говорилъ мнъ, что я сижу въ ямъ «самовыкопанной», но онъ мнъ сообщилъ и о томъ, съ какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ нъкоторые на волъ тогда отнеслись къ моему возвращенію въ Россію. Эти строки въ его письмъ были для меня большимъ праздникомъ.

Отношеніе къ моему прівзду Керенскаго, которое такъ глубоко меня задвло въ первый разъ, меня уже

болње не трогало.

До процесса ко мнв въ тюрьму, какъ третій защитникъ — второй защитникъ у меня былъ В. А. Маклаковъ, — приходилъ нъсколько разъ извъстный присяжный повъренный Н. Д. Соколовъ. Онъ помогалъ мнв въ сношеніяхъ съ моими друзьями на волъ и оказывалъ существенныя тюремныя услуги, а также былъ для меня очень полезенъ своими политическими информаціями. Но онъ еще болъе, чъмъ Керенскій, былъ пораженецъ.

Въ преувеличенныхъ разсказахъ онъ радостно сообщалъ мнѣ о развитіи сознательнаго революціоннаго движенія во всей странѣ и въ особенности въ арміи. Говорилъ онъ, какъ объ ошибкѣ, о моихъ призывахъ къ поддержкѣ правительства во время войны. Наши споры были горячіе, и мы чувствовали себя людьми чуждыми другъ другу, несмотря на одинаковое у обоихъ насъ отрицательное отношеніе къ той тупой, близорукой, царившей тогда реакціи, съ которой до войны мы часто боролись вмѣстѣ.

Я, защищавшій войну до конца, сидѣлъ въ тюрьмѣ, а ко мнѣ съ воли, въ качествѣ защитниковъ, приходили пораженцы!

*

Приближался мой процессъ.

Я рышиль своимь защитникомь на суды пригласить опредъленнаго представителя оборонческаго движенія и потому обратился къ члену Государственной Думы В. А. Маклакову, бывшему потомъ посломъ въ Парижъ. Но онъ въ это время былъ на фронтъ, и мой процессъ

изъ-за этого пришлось отложить на мъсяцъ.

Когда В. А. Маклаковъ пришелъ ко мнъ въ камеру въ Домъ Предварительнаго Заключенія, я ему сказалъ:

« Ну вотъ, В. А., я исполнилъ свое слово и прівхалъ

въ Россію!»

Онъ понялъ меня, о чемъ я говорилъ ему.

Еще задолго до войны я заявиль въ «Будущемъ», что ъду открыто въ Россію и въ тюрьмъ и на судъ буду поддерживать всв обвиненія противь правительства, съ

какими въ то время я выступаль въ печати.

Въ это время провздомъ въ Парижв былъ Маклаковъ, и онъ зашелъ въ редакцію «Будущаго». Какъ почти всъ другіе онъ старался убъдить меня, что я совершу безуміе, если я повду въ Россію, что правительство меня арестуеть, жестоко раздівлается со мною, и что моя повздка не будеть имъть никакого общественнаго значенія. Я, конечно, съ нимъ не соглашался. Прощаясь съ Маклаковымъ, я его спросилъ, согласится ли онъ быть моимъ защитникомъ, когда я прівду и буду сидвть въ тюрьмѣ?

— Ну, конечно, защищать-то я вась буду!

— Какъ видите, я тоже выполнилъ свое объщание и пришель къ вамь въ тюрьму! — сказалъ Маклаковъ.

Я сказалъ В. А. Маклакову, что когда вхалъ въ Россію, то не входиль ни въ какіе переговоры ни съ какими правительственными учрежденіями ни съ консульствами, ни съ Министерствомъ Внутреннихъ Дълъ, ни съ Де-партаментомъ Полиціи. Какъ свободный русскій гражданинъ, я считалъ своимъ правомъ заграницей дълать то, что я дълалъ, а также считалъ правомъ и возвращаться въ Россію, какъ возвращались всв остальные граждане, не спрашивая никакихъ спеціальныхъ разръшеній.

Я предупредиль Маклакова, что на процессъ заявлю, что не отказываюсь ни отъ чего изъ того, о чемъ писалъ и говорилъ заграницей, и свой прівздъ въ Россію буду объяснять тъмъ, что въ настоящее время всъ русскіе должны принимать участіе въ общей борьбъ съ общимъ врагомъ. Въ этомъ духъ я и просилъ построить мою защиту.

Мой защитникъ меня понялъ, и мы больше съ нимъ не обсуждали плана защиты, а когда онъ приходилъ ко мнъ въ тюрьму, мы говорили только о политикъ и о те-

кущихъ событіяхъ.

Судили меня 20 февраля 1915 года въ Петроградской Судебной Палатъ. Предсъдательствоваль сенаторъ Н. А. Крашенинниковъ. Дъло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. Въ залъ присутствовали только лица съ особаго разръшенія предсъдателя.

Судьи и большинство присутствующихъ были люди чиновные — въ орденахъ, со звъздами. На стънахъ висъли портреты Александра II, Александра III и Николая II. Около меня стояли жандармы съ саблями наголо.

Дѣло началось чтеніемъ обвинительнаго акта. Читалъ его секретарь суда звучнымъ голосомъ. Со скамьи подсудимыхъ я видѣлъ, какъ чтеніе нѣкоторыхъ пассажей обвинительнаго акта временами особенно отражалось на лицахъ слушателей.

Это было тогда, когда секретарь звучнымъ голосомъ читалъ наиболъе яркія инкриминируемыя мнъ цитаты

изъ моихъ изданій.

Въ этомъ торжественномъ засъданіи суда, въ присутствіи высшихъ представителей судебныхъ властей и въ присутствіи жандармовъ, молодой судебный чиноввикъ громко не разъ повторялъ всъ мои ръзкіе отзывы объ императоръ Николаъ II и мои обвиненія противъ него. Ръзкія выраженія о самомъ царъ, обычныя въ эмигрантской литературъ, не могли не ръзать ухо русскихъ обывателей, слушавшихъ ихъ на судъ.

Въ нъкоторыхъ мъстахъ секретарь, видимо, самь невольно запинался и съ трудомъ выговаривалъ слова.

.

Приговоръ.

Признаюсь, мить доставляло огромное удовольствіство данной обстановкть слышать эти слова на судть и наблюдать впечатленіе отъ чтенія инкриминируемых в мить цитать изъ «Будущаго».

Я нъсколько разъ какъ бы случайно, по очереди, осматривалъ сидъвшихъ сановныхъ чиновниковъ, чтобы

увидъть, какъ они воспринимають то, что слышатъ.

По поводу этихъ цитать, какъ я и ожидаль, предсъдатель палаты Крашенинниковъ спросиль меня, отказываюсь ли я отъ нихъ. Я отвътиль, что не беру ни одного слова назадъ изъ того, что писалъ заграницей.

Чтеніемъ обвинительнаго акта въ сущности весь процессъ и кончился. Не было ни одного свидътеля. Къдълу были пріобщены только моя статья въ «Таймсъ» о войнъ и еще нъкоторыя другія мои статьи.

Прокуроръ Г. Н. Ненарокомовъ произнесъ свою офиціальную рѣчь и требовалъ осужденія по І ч. 103 ст. въ каторжныя работы. Слово было потомъ предоставлено мнѣ.

Я заявиль, что я журналисть. Издаваль заграницей «Будущее». Принимаю отвътственность за все, что я писаль въ этомъ журналъ. Пріъхаль я въ Россію потому, что считаю эту войну общенаціональной, когда народъ и правительство должны идти вмъстъ.

Послъ меня говориль мой защитникъ В. А. Маклаковъ. Въ началъ своей ръчи онъ сдълалъ возраженія на обвинительный актъ. Мнъ было предъявлено обвиненіе по І ч. 103 ст., грозившей каторжными работами. Онъ указывалъ на возможнеть примъненія ко мнъ только-3 ч. этой статьи, по которой мнъ грозила ссылка на поселеніе.

— Свое преступленіе Бурцевь, — сказаль мой защитникь, — совершиль за предвлами досягаемости и, зная, что онь двлаеть и чвмъ рискуеть, явился въ Рессію. Если бы, придя сюда, онъ заявиль, что раскаивается въ томъ, что сдвлаль, мвняеть свои взгляды и приносить повинную, то все двло было бы довольно банально и мало интересно. Это было бы исключительно лич-

жымъ дъломъ самого Бурцева, и дъло васъ, судей, было бы опредълить степень искренности его раскаянія и тъ

послъдствія, которое оно вызываеть.

Но Бурцевъ вернулся сюда въ Россію и заявляеть, что онъ ни въ чемъ не покаялся и остался тъмъ же, чъмъ быль, что онъ явился сюда только потому, что во время войны хочетъ быть въ Россіи и хочетъ служить Россіи. Это его заявленіе и придаетъ процессу и нашему ръшенію громадное политическое значеніе. Если вы върите этому заявленію Бурцева и его искренности, а до сихъ поръ никто этого сомнънію не подвергаль, то судъ долженъ понимать, какое громадное политическое значеніе получить его приговоръ.

Въ началъ войны въ высочайшемъ манифестъ государь объявиль: «Въ грозный часъ испытаній да будуть забыты внутреннія распри. Да укръпится еще тъснъе единеніе царя съ народомъ, и да отразить Россія, поднявшаяся какъ одинъ человъкъ, дерзкій натискъ врага». Воть тв слова, съ которыми государь обратился ко всьмъ русскимъ подданнымъ, въ томъ числъ и къ Бурцеву. И Бурцевъ послъдовалъ этому призыву забыть внутреннія распри и вернулся сюда не затымъ, чтобы вести борьбу съ государемъ и правительствомъ, а участвовать въ этомъ подъемъ Россіи противъ ея внъшняго врага. Какъ вы, объявляющие свои приговоры именемъ императорскаго величества, можете, не ставъ въ противоръче съ его словами, карать Бурцева за то, что было имъ сдълано до этого призыва, и превратить этотъ призывъ къ единенію въ простой способъ вызвать Бурцева оттуда, гдь онь быль въ безопасности. Я знаю, что этоть манифесть не амнистія, что вы не имбете права миловать: но у вась есть право обращенія къ государю, и вы должны сказать ему, что, по вашему мненію, явка Бурцева после этого манифеста дълаетъ невозможнымъ примънение къ нему нормальнаго наказанія.

Во время перерыва засъданія я увидълъ, что мой защитникъ В. А. Маклаковъ быстро поднялся съ своего мъста и поздоровался съ проходившимъ мимо него высокимъ старикомъ. Затъмъ онъ подошелъ ко мнъ и спросилъ:

- Вы знаете, кто это?
- Я отвѣтилъ, что не знаю.
- Это графъ Витте! Я его спросилъ, какъ онъ попалъ сюда. Онъ отвътилъ: пришелъ посмотръть на Бурцева.
- В. А. Маклаковъ, очевидно, не могь понять, почему Витте пришелъ на меня посмотръть.

Съ Витте я не былъ знакомъ. Съ нимъ я никогда не видълся и отъ него никогда не получалъ писемъ. Но я ему нъсколько разъ писалъ, и Витте письма мои получалъ. Отвътить прямо мнъ никогда не ръшался, но по поводу моихъ писемъ онъ лично говорилъ съ разными лицами, и его отвъты тогда доходили до меня. Объ одномъ изъ моихъ писемь онъ упоминаетъ и въ своихъ воспоминаніяхъ. Я много разъ писалъ о Витте и мои статъи, я знаю, обращали на себя его вниманіе. Въ продолженіе многихъ лътъ велась между нами эта полемика, памятная и для него, и для меня.

Вотъ почему Витте пришелъ посмотръть на своего «знакомаго незнакомца». Больше я отъ Витте не имълъ никакихъ свъдъній. Онъ вскоръ послъ этого умеръ, когда я еще не былъ сосланъ въ Сибирь.

Ссылка на поселеніе.

Приговоръпо моему дѣлу поразилъочень многихъ, какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Сначала предполагали, что такой приговоръ вынесенъ только для того, чтобы царь имѣлъ возможность амнистировать меня немедленно послѣ его объявленія. Въ такомъ духѣ, говорятъ, былъ сдѣланъ докладъ царю предсѣдателемъ совѣта министровъ Горемыкинымъ. Съ этимъ, говорятъ, согласился было и царь, и Горемыкинъ кому-то объ этомъ успѣлъ сообщить. Но тутъ въ дѣло вмѣшилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ, братъ моего защитника, и министръюстиціи Щегловитовъ, — и было рѣшено амнистіи мнѣне давать, а выслать меня въ Сибирь.

На другой же день послѣ приговора мнѣ передали, какъ слухъ, что ни судъ, ни Щегловитовъ не хотѣли ходатайствовать о моемъ немедленномъ освобожденіи только потому, чтобы дать возможность самому Николаю ІІ по собственной иниціативѣ аннулировать приговоръ и сдѣлать нужный по тогдашнему времени жестъ и для русскаго и для европейскаго общественнаго мнѣнія. Но тѣ, кто распространялъ эти слухи, очевидно, имѣли въ виду только сложить отвѣтственность за мою высылку лично на Николая ІІ и снять съ себя обвиненіе. На самомъ дѣлѣ тѣ, кто настаивали на моей ссылкѣ, сводили счеты со мною и сами старались сослать меня подальше и поскорѣе.

Впослъдствіи, года черезъ два въ большевицкой тюрьмъ я о своемъ дълъ разговаривалъ съ Щегловитовымъ. Онъ откровенно признался, что самъ настаивалъ на моей высылкъ въ Сибирь. Когда говорилъ мнъ о своихъ опибкахъ, онъ указывалъ прежде всего на двъ: на то, что преслъдовалъ политическій Красный Кресть (въ тюрьмъ онъ самъ понялъ, какое значеніе имълъ политическій Красный Крестъ для заключенныхъ), и на то, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ настоялъ на моей высылкъ въ Сибирь.

Одинъ близкій мнѣ человѣкъ, имѣвшій возможность бесѣдовать съ Щегловитовымъ за нѣсколько дней до его разстрѣла большевиками лѣтомъ въ 1918 г. въ Москвѣ, передавалъ слѣдующія его послѣднія слова:

— Меня называють Ванькой Каиномъ. Клянусь, я не подписывалъ ни одного смертнаго приговора. Но я виноватъ предъ родиной въ томъ, что я, хотя и зналъ всѣхъ этихъ негодяевъ по именамъ (онъ говорилъ о большевикахъ Ленинѣ, Троцкомъ и др.), и они были у меня въ рукахъ, я ихъ не разстрѣлялъ. Если бы я это сдѣлалъ. ни Россія не переживала бы нынѣшнихъ ужасовъ, ни я не сидѣлъ бы теперь въ тюрьмѣ въ ожиданіи разстрѣла. Каюсь въ этой моей главной винѣ передъ родиной.

Когда Щегловитовъ называлъ большевиковъ «негодяями», онъ искренно чувствовалъ свое право такъ называть ихъ.

Еще черезъ день-два послъ приговора, В. А. Макла-

ковъ сообщилъ мнъ, что о моемъ освобождении уже нътъръчи, и что меня ръшено выслать въ Сибирь.

Никакой кассаціи я подавать не хотъль, предоставляя правительству дълать со мной, что ему угодно.

Черезъ двъ недъли приговоръ по моему дълу былъ приведенъ въ исполнение. Меня перевели въ Пересыльную тюрьму, обрили половину головы и одъли въ арестантский халатъ.

Многіе поняли цъль моего прівзда въ Россію.

Когда я вхаль въ Россію, мнъ хотълось, чтобы мой призывъ къ общенаціональной борьбъ во время войны быль услышанъ. Теперь, послъ процесса, я видъль, что благодаря аресту, суду и моей ссылкъ въ Сибирь всъ знали, что революціонеры моего образа мыслей горячо относятся къ войнъ и хотять сдълать все отъ нихъ зависящее для ея успъха — и не ихъ вина, если правительство не даетъ намъ возможности принять участіе въ общей борьбъ. Это въ одно и то же время была и моя личная побъда и побъда всъхъ тъхъ революціонеровь, которые принадлежали къ оборонческому направленію.

Предъ правительствомъ была диллема: или преслъдовать меня за мою предыдущую революціонную дѣятельность, — отъ нея я не отказывался и это все время усиленно подчеркиваль и въ печати и при арестѣ и на судѣ — и тогда тѣмъ самымъ демонстративно показать, что оно свои полицейскіе интересы ставитъ выше интересовъ національной войны или освободить меня, какъ революціонера, являющагося защитникомъ войны и такимъ образомъ показать, что оно ставитъ интересы войны выше полицейской борьбы.

У правительства была блестящая возможность сдълать красивый жесть, но оно не было способно идти навстрвчу общественнымъ теченіямъ и выбрало первый путь.

Заграницей, въ особенности въ Парижъ, гдъ такъ дорожили помощью Россіи во время войны, понимали, что она можетъ быть только тогда, когда правительство будетъ опираться на общенаціональное движеніе. Такъ на мой аресть, а затъмъ на ссылку мою въ Сибирь посмотръли, какъ на призракъ, быть можетъ, очень незначительный, но очень яркій, того, что дълается въ Россіи. Густавъ Эрве написалъ въ своей газетъ статью, гдъ сказалъ, что къ моему осужденію относится, какъ къ ошибъкъ, и высказалъ надежду, что я скоро буду амнистированъ. И съ этихъ поръ заграницей начались хлопоты относительно моего освобожденія. Скоро въ этомъ приняли участіе Вивіани, предсъдатель совъта министровъ, и даже президентъ республики Пуанкаре.

Изъ тюрьмы и по дорогъ въ ссылку я продолжалъ громко говорить о необходимости единенія и общаго фронта. Мои статьи и заявленія съ призывомъ къ единенію продолжали появляться въ самыхъ распространенныхъ изданіяхъ и заграницей и въ Россіи.

Съ радостью встрътили извъстіе о моемъ аресть и ссылкъ въ Сибирь заграницей такіе пораженцы, какъ с.-р. Черновъ. Въ своей статьъ «Повърилъ!» онъ со злорадствомъ говорилъ о «наивности», съ какой я повхалъ въ Россію и пошелъ навстръчу императору Николаю II и его правительству. Было ли это съ его стороны политиканствомъ, или онъ, дъйствительно, предполагалъ, что я не зналъ, куда я ъду и върилъ русскому правительству, — это безразлично.

Во всякомъ случат, русское правительство, вмъсто того, чтобы использовать предлагаемыя ему возможности бороться противъ пораженцевъ, дало пораженцамъ, какъ В. Чернову, хорошій поводъ нападать на него.

Радостные и въ одно и то же время злобные крики пораженцевъ долетали до меня въ тюрьму и гъ ссылку.

Для нихъ мое осуждение было новымъ аргументомъ для призыва къ немедленной борьбъ съ правительствомъ во время войны.

Обвиненіе правительства въ реакціи и призывъ къ уступкамъ тогда часто повторялись въ связи съ моимъ дъломъ. Въ ръчахъ тъхъ, кто настаивалъ на измъненіп политики правительства, мое дъло было удобнымъ аргументомъ.

Защищать отношение правительства къ моему дълу не могли даже его защитники. Само правительство скоро сознало, что оно сдълало ошибку.

Впослѣдствіи про меня говорили, что для правительства я былъ «размѣнной монетой». Желая идти навстрѣчу обществу, оно дѣлало какія-нибудь уступки въ моемъ дѣлѣ и на обвиненія въ реакціи говорило: «Да мы вернули вамъ Бурцева!» — «Вотъ мы его поселили въ Твери!» «Вотъ разрѣшили ему пріѣхать въ Петербургь!» «Вотъ разрѣшили ему писать въ литературѣ!» и т. д.

Я повхаль въ Сибирь съ убъжденіемъ, что я достигь объихъ моихъ цълей: я высказался о необходимости общественнаго объединенія во время войны и то, что я хотъль сказать объ этомъ, услышали всь — въ Россіи и заграницей, а съ другой стороны, мит удалось тому правительству, которое я многіе годы обвиняль въ реакціи и непониманіи народныхъ интересовъ, бросить обвиненіе, что оно даже въ самый роковой моментъ русской исторіи идеть вразръзь съ національными интересами и во время войны не хотъло общенаціональной борьбы.

По этапу въ Сибирь.

Заковали въ наручники. — Споры въ арестантскомъ вагонъ за и противъ войны.

16 марта насъ, осужденныхъ въ ссылку, отправили въ Сибирь черезъ Вологду, Пермь и Томскъ.

Большинство изъ насъ, въ томъ числъ и я, были за-

кованы въ наручники.

У самыхъ воротъ пересыльной тюрьмы нашу арестантскую партію встрътила компанія молодежи — родственники и знакомые вмъсть со мной высылаемыхъ въ Сибирь политическихъ, изъ которыхъ нъкоторые просидъли много лътъ въ Шлиссельбургской кръпости и теперь шли на поселеніе. Они видъли наручники на монхъ рукахъ.

Когда мы сидѣли уже въ вагонѣ, эта молодежь подошла къ моему окну, и я успѣлъ черезъ одного конвойнаго солдата передать имъ письмо для моихъ товарищей. Такое же письмо я послалъ своимъ друзьямъ въ Петроградъ и съ дороги. Сообщеніе о томъ, что я высланъ въ Сибирь закованнымъ въ наручники, появилось въ печати и по поводу него въ тюремномъ вѣдомствѣ возникла переписка.

Помощникъ тюремнаго инспектора запросилъ начальника петроградской пересыльной тюрьмы о томъ, правда ли, что я былъ закованъ въ наручники. Начальникъ пересыльной тюрьмы отвътилъ: «Наручники были наложены начальникомъ конвоя штабсъ-капитаномъ Исаевымъ. О причинахъ, по коимъ это было сдълано, мнъ неизвъстно».

Телеграмма о снятіи наручниковъ съ меня была послана, но была получена нашимъ конвоемъ только тогда, когда мы подъвзжали къ Красноярску.

По этой самой дорогь я когда-то, почти тридцать льть передь тымь, въ 1887 г., быль высланъ первый разъ въ Сибирь въ большой политической партіи. Насъ везли тогда подъ особо строгимъ конвоемъ, но отношеніе къ намъ было — по тюремному — корректное. На этотъ разъ, въ 1915 г., насъ, 7—8 человыкъ политическихъ, отправляли уже въ общеуголовномъ тюремномъ вагонъ III класса, съ рышетками. Въ немъ было набито столько арестантовъ, что днемъ и ночью приходилось сидъть.

Почти всё мы были закованы въ кандалы. Лязгъ кандаловъ раздавался въ ушахъ все время — съ утра до ночи. Крикъ, ругань. Конвой былъ нарочито грубъ, съ рукоприкладствомъ, толчками, руготней. Въ такой обстановкъ насъ везли 6—7 дней до Красноярска.

Въ вагонъ я сидълъ на скамейкъ съ однимъ большевикомъ, ярымъ врагомъ происходившей войны. И вотъ оба мы, закованные, пользуясь большимъ досугомъ, вели нескончаемые диспуты за и противъ войны, за и противъ большевизма.

Всѣ высылаемые политическіе, а также и конвойные, знавшіе по какому дѣлу я высылаюсь и каково мое отношеніе къ войнѣ, съ изумленіемъ спрашивали меня,

какъ это могло случиться, что меня высылають въ Сибирь.

Въ этихъ конвойныхъ, настоящихъ бурбонахъ, кто такъ отвратительно относился къ намъ, и тогда нельзя было не видъть совершенно готовыхъ будущихъ больше виковъ. По всей въроятности, этого рода лица и были первыми, на кого впослъдствіи сталь опираться Ленинъ въ своей «планетарной революціи».

Въ Красноярской тюрьмь.

Письмо въ «Русское Слово». — «И все-таки меня освоболятъ!»

Въ красноярской пересыльной тюрьмъ я просидълъ мъсяца два, пока не вскрылся Енисей и насъ можно было отправить дальше на пароходъ на мъсто назначенной намъ ссылки въ Туруханскій край.

Трудно забыть эту красноярскую тюрьму.

Въ большомъ двухэтажномъ зданіи было по нъсколько камеръ въ каждомъ этажъ. Мы всъ сидъли въ общихъ камерахъ. Днемъ насъ на часъ выпускали на сбщія прогулки на дворъ. Въ нашей камеръ было 7-9 политическихъ и человъкъ 40 уголовныхъ — убійцъ, воровъ и грабителей.

Почти всв уголовные, какъ и мы, политическіе, были въ арестантскихъ костюмахъ.

Въ тюрьмъ насъ посъщали время отъ времени мъстные политические ссыльные и помогали полготовиться къ дальнъйшему путешествію. У насъ всъхъ, кто быль въ тюрьмъ, съ къмъ мы

встръчались по дорогъ, кто приходилъ къ намъ на свиданіе, была всегда общая одна и та же тема для раз-

говоровъ — война.

Мнъ часто приходилось давать объясненія, почему я считаю необходимымъ быть за войну и почему я думаю, что революціонная борьба съ правительствомъ данное время очень легко можеть быть использована нъмцами въ ихъ имперіалистическихъ интересахъ и поможетъ имъ въ борьбъ съ союзниками.

Особенно памятенъ мнъ одинъ эпизодъ изъ нашей красноярской тюремной жизни.

Изъ красноярской тюрьмы я нелегально послаль письмо къ моимъ друзьямъ въ Москву съ описаніемъ нашей дороги до Красноярска. Въ письмъ я говорилъ о войнъ и о ближайшихъ политическихъ перспективахъ. Я писалъ между прочимъ о томъ, что хотя я и сосланъ въ Сибирь на поселеніе на «въчныя времена», но что тъмъ не менъе надъюсь еще въ этомъ году быть свободнымъ человъкомъ и увидъться со своими друзьями въ Москвъ и въ Петроградъ.

Это частное письмо неожиданно для меня мои друзья цъликомъ помъстили на страницахъ «Русскаго

Слова».

Когда «Русское Слово» съ этимъ письмомъ попало въ камеру нашей красноярской тюрьмы, всъ мои товарищи стали высмъивать меня за мой оптимизмъ, а нъкоторые изъ нихъ даже нападали на меня за несерьезное отношеніе къ политическимъ вопросамъ, хотя бы и въчастныхъ письмахъ, но которыя иногда могутъ появляться въ печати.

Но несмотря на ихъ нападки, я продолжалъ увъренно настаивать на томъ, что правительство не сможеть долго держать меня въ ссылкъ и что я буду скоро освобожденъ и возвращенъ изъ Сибири, несмотря на всю его ненависть ко мнъ и за мою агитацію противъ царя, и за мою борьбу съ Департаментомъ Полиціи.

Черезъ нъсколько мъсяцевъ всъ увидъли, что я

быль правъ.

Изъ Красноярска въ Енисейскъ.

Въ Енисейской тюрьмь. — На «душегубкахъ» внизъ по теченію Енисея. — Ссылка въ село Монастырское Туруханскаго округа.

Въ началъ мая мъсяца Енисей тронулся и нашу партію, человъкъ въ 200, отправили съ первымъ пароходомъ изъ Красноярска въ Енисейскъ.

Въ ожиданіи возможности отправить насъ дальше, — я быль назначень въ ссылку въ Туруханскій кгай за 2000 версть отъ Красноярска ниже по Енисею, — намъ въ Енисейскъ пришлось дожидаться еще съ недъю дальнъйшей отправки.

Этой енисейской тюрьмы я никогда не забуду. Это — старинное зданіе съ очень массивными ствнами, со сводами, съ двойными рвшетками.

Насъ, человъкъ 100, помъстили въ камеръ, гдъ можеть помъщаться самое большее человъкь 25. Спать намъ приходилось не только подрядъ на нарахъ, но и подъ нарами, въ проходахъ, около самыхъ дверей. Когда, особенно ночью, приходилось выходить изъ камеры, это было сложнымъ и труднымъ дъломъ. Приходилось тревожить десятки людей. Отворенныя окна и форточки ничего не помогали, — намъ буквально нечъмъ было дышать. Трудно даже понять, какъ мы тогда не задохнулись въ нашей камеръ. Грязь была неописуемая. Пищу намъ приносили въ грязныхъ вонючихъ ведрахъ, отъ нея несло чвмъ то невообразимо мерзкимъ. Насъ, политическихъ, было человъкъ 20, остальные — уголовные самаго ужаснаго типа, вырожденцы даже среди уголовныхъ. Въ этой тюрьмъ я пробылъ только недълю, но это едва ли не самое тяжелое воспоминание во всей моей жизни.

Съ тяжелой головой, какъ будто отравленный, я вышель изъ енисейской тюрьмы, — и, находясь даже на свѣжемъ воздухѣ, долго еще не могъ забыть атмосферы этой тюрьмы.

Послѣ, отъ Енисейска, насъ подъ усиленнымъ конвоемъ везли на лодкахъ внизъ по теченію рѣки Енисея. Намъ давали или одну сравнительно большую, или двѣ малыхъ лодки. На 10—15 высылаемыхъ полагался одинъ стражникъ и нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ, сопровождавшихъ насъ, которые въ то же время были и гребцами. Для меня полагался еще одинъ спеціальный стражникъ.

Въ день мы проплывали 20 - 25 верстъ и потомъ останавливались на ночевку. Деревни, расположенныя по Енисею, въ 15 - 20 дворовъ, были очень рѣдки. Въ каждой изъ нихъ мы по большей части встрѣчали товарищей нашихъ, раньше насъ туда прибывшихъ и годами тамъ жившихъ. Крестьянскія лодки были небольшія п притомъ самаго примитивнаго устройства. Мы ихъ называли не иначе, какъ «душегубками». Вода обыкновенно текла изо всѣхъ щелей, ѣхать въ нихъ можно было только постоянно отливая воду. Лодки всегда низко сидѣли въ водѣ, и она едва не захлестывала ихъ.

Во время хорошей погоды эти переъзды на лодкахъ, послъ нашего сидънія по тюрьмамъ, — со мной ъхали товарищи послъ 5 - 7 лътъ содержанія ихъ въ каторжной тюрьмъ — послъ енисейской тюрьмы, несмотря на

свое однообразіе, были необыкновенно пріятны.

Но было очень опасно вхать во время дождя и вътра. Погода въ это время года была вообще холодная, по ръкъ ледъ еще не прошелъ и его было много на берегу. Все еще дышало зимой. Енисей въ этомъ мъстъ полторы-двъ версты шириной, и вотъ, на нашихъ душегубкахъ, когда во время бури намъ приходилось переплывать съ одного берега на другой, не только было холодно и вътренно, но было и очень опасно.

Въ непогоду, перевзжая Енисей, мы не разъ считали себя уже погибшими, наши лодки захлестывались волнами, и мы въ нъсколько рукъ едва успъвали отливать воду изъ лодки. Однажды, когда мы увидъли, что буря все усиливается и усиливается, мы направили нашу лодку къ берегу и теряли уже надежду спастись. Съ большимъ трудомъ мы подошли къ берегу, но здъсь набъжавшая на насъ волна опрокинула насъ всъхъ съ нашимъ багажемъ въ воду. Къ счастью, было не глубоко, и мы скоро выбрались на берегъ и затъмъ вытащили туда и лодку и весь нашъ багажъ. Здъсь на берегу, мы разожгли большой костеръ, сварили чай, закусили и, только когда буря нъсколько стихла, отправились дальше.

На вольномъ поселеніи.

На свободъ... въ Туруханскомъ краъ! — Въ странъ комаровъ и мошекъ. — Изъ огня да въ полымя. — Переводъ въ село Богучанское.

Недвли черезъ двв-три утомительнаго однообразнаго путешествія я прибыль въ назначенное мив мвсто ссылки — въ село Монастырское, Туруханскаго окруза. Это административный центръ края. Моихъ товарищей по большей части разослали по маленькимъ деревнямъ или мвстечкамъ этого края, а меня, какъ находящагося подъ усиленнымъ надзоромъ, оставили въ селъ Менастырскомъ.

Меня приняли въ полицейскомъ правлении и ч впервые чуть ли не чрезъ годъ послъ Раумо, вышелъ «на свободу» безъ стражи. Но это было гдъ то далеко, полъ полярнымъ кругомъ!..

Въ селъ Монастырскомъ была телеграфная станція, церковь, больница и, конечно, тюрьма, судья, нъсколько

лавокъ, обслуживающихъ весь округъ.

Здѣсь я нашель человѣкъ 25 ссыльныхъ. Между ними былъ большевикъ Свердловъ, кто послѣ революцін, вернувшись изъ Сибири, сыгралъ въ Россіи такую ужасную роль, какъ ближайшій помощникъ Ленина. Онъ умѣлъ подладиться къ начальству и пользовался особыми привиллегіями. Тамъ я встрѣтилъ и Сталина, будущаго преемника Ленина. Туда же вслѣдъ за мной былъ присланъ и Каменевъ со своими товарищами по тогдашнему процессу соц.-дем. депутатовъ 4-ой Думы.

Поселился я въ маленькомъ крестьянскомъ домикъ. Гулялъ въ окрестностяхъ, ловилъ рыбу, но никакъ не могъ приспособиться къ тамошней жизни. Трудно передать, какъ бываетъ отравлена, особенно для новичковъ, жизнь въ этомъ краю милліардами комаровъ и мелкой мошки. Всъ ходятъ въ самыхъ густыхъ съткахъ, но онъ мало помогаютъ. Какъ ни укутываетесь въ эту сътку, комары и мельчайшія мошки добираются до вашего лица и вашихъ рукъ и безпощадно кусаютъ. Въ первые дни я не могъ себъ представить, какъ можно жить въ этихъ условіяхъ. Особенно въ нелъпомъ положеніи приходилось быть, когда приходилось пить и ъсть. Вы невольно должны были хоть немножко поднимать сътку съ вашего лица и тутъ къ вамъ въ ротъ набрасывались миріады мошекъ.

Нъсколько дней подрядъ я, буквально, не могъ заснуть ни одного часу. Пришлось устроить пологъ. Но прежде, чъмъ самому туда забраться, необходимо было каждый разъ выкуривать оттуда комаровъ и мошекъ. Но это мало помогало. Иногда цълыя ночи я прогуливалъ напролеть. Въ это время года въ Туруханскомъ краю ночей собственно нътъ. Солнце почти не сходитъ съ горизонта — ночью свътло, какъ днемъ. Сидя у ребя дома, вы и ночью свободно можете писать и читатъ, не нуждаясь въ освъщении. Зато зимой бываетъ круг-

лыя сутки ночь.

Черезъ мъсяцъ, когда я не то, что сталъ привыкать къ тамошней жизни, а сталъ только осваиваться съ нею, какъ неожиданно мнъ объявили, что меня переводятъ въ новое мъсто ссылки, въ село Богучанское той же Енисейской губерніи. Это было еще болъе глухое мъсто, чъмъ село Монастырское.

Енисейскому губернатору кто-то сказалъ, — а онъ этому повърилъ, — что въ село Монастырское черезъ Ледовитый океанъ можетъ быть изъ-заграницы прислана морская экспедиція для устройства мнъ побъга.

Это очень обезпокоило губернатора. Объ этомъ узналъ богучанскій исправникъ, бывшій тогда случайно,

проъздомъ, въ Красноярскъ.

Онъ былъ очень извъстенъ своей строгостью по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ. Для того, чтобы выслуживаться, онъ просилъ доложить губернатору, что онъ ручается за то, что я никоимъ образомъ не смогу бъжать, если я буду присланъ подъ надзоръ къ нему въсело Богучанское.

Оказалось, нашелся такой исправникъ, который хо-

тълъ имъть меня у себя...

Тогда было ръшено перевести меня изъ села Мона-

стырскаго въ село Богучанское.

Изъ села Монастырскаго до Енисейска я ѣхалъ на пассажирскомъ пароходѣ въ сопровожденіи двухъ стражниковъ. Далѣе пришлось, какъ и раньше, ѣхать на лодкахъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ стражниковъ по рѣкѣ. Тунгускѣ. Рѣка очень быстрая и лодку намъ пришлось самимъ все время тянуть на бичевѣ.

Богучанское — маленькое село въ 50—60 дворовъ. Дома расположены по одной улицъ вдоль ръки... Тамъ я встрътилъ того самаго исправника, который въ Красноярскъ далъ губернатору слово укараулить меня и не допустить моего побъга, какого я и не собирался дълать, такъ какъ иначе и не поъхалъ бы въ Россію.

Онъ приставилъ ко мнѣ спеціальную стражу. Стражники по очереди обязательно безотлучно должны были быть около меня и никогда не упускать меня изъ виду. Они ходили за мной по пятамъ, и ночью не отходили отъ

дверей моей избы.

Въ Богучанскомъ я встрътилъ человъкъ 20—25 ссыльныхъ.

Тамъ были представители разныхъ теченій, по большей части «пораженцы»; по были и такіе, которые стояли, полобно мив, за войну. У насъ постоянно велись горячіе диспуты. Между нами было много пессимистовъ. Ивкоторые предсказывали долгіе годы реакціи въ Россіи, а я доказываль, что правительство должно скоро пасть, и что оно падеть твмъ скорве, чвмъ правильные мы займемъ позицію по отношенію къ войнів и этимь поставимъ правительство въ необходимость идти вмість съ нами.

Когда приходила почта, то всё мы, ссыльные, живше оть почты до почты, обыкновенно собирались въ

конторъ.

Амнистія.

При насъ вскрывали почтовые чемоданы. Туть же мы вст читали свои письма и газеты и дёлились другъ съ другомъ полученными извъстіями.

Однажды кто-то изъ ссыльныхъ, развернувъ номеръ Русскаго Слова», сталъ вслухъ громко читать корреспонденцію изъ Петрограда. Предварительно онъ усиълъ уже се пробъжать глазами, и она очень его взволновала.

Истроградскій корресподенть по телефону сообщаль вы московскую газету, что подъ вліяніемъ событій правительство ношло на уступки и экстренно собираетъ Государственную Думу и что въ кулуарахъ Думы министръ внутреннихъ дѣлъ Щербатовъ, въ разговорѣ съ Милоковымъ и др. депутатами, какъ на первый признакъ поворота правительства въ либеральную сторону, указалъ на то, что постановлено возстановить меня въ правахъ и вернуть изъ ссылки, и что высочайшее постановленіе по этому вопросу уже состоялось.

Надо ли говорить, какое впечатлъніе произвело на меня и на моихъ товарищей это совершенно неожиданное навъстіе. Газета читались на почтъ въ присутствіи очень много ссыльныхъ и обывателей и въ присутствіи того самаго стражника, который долженъ былъ не отставать отъ меня ни на шать.

Съ этимъ номеромъ газеты въ рукахъ я отправился къ исправнику. Онъ, оказывается, уже зналъ объ этомъ извъстіи. Я спросилъ его:

— Итакъ я могу уважать?

Онъ отвътилъ миъ:

— Ни въ коемъ случаъ!

Потомъ, обращаясь къ стоявшему тутъ стражнику, повышеннымъ голосомъ, какъ бы выкрикивая, сказалъ:

— Продолжать слъдить за ссыльно-политическимъ Бурцевымъ такъ же, какъ ты слъдилъ за нимъ до сихъ поръ! Не отпускать его ни на одинъ шагъ и не разръшать ему выходить изъ черты деревни!

Затвив, обратившись ко мнв, онъ другимъ тономъ

сказалъ

— Для меня не существуеть ни газеть, ни государственной думы. Для меня существують только распоряженія моего губернатора.

Когда я получу предписаніе освободить вась, только

тогда вы можете увхать.

Если губернаторъ сообщить мнѣ, что государственная дума назначила васъ генераль-губернаторомъ, тогда я.. (при этихъ словахъ исправникъ всталъ изъ за писъменнаго стола, подошелъ близко ко мнѣ, вытянулся въ струнку, сдѣлалъ мнѣ подъ козырекъ, сталъ ѣсть меня глазами) — тогда, — продолжалъ исправникъ, — я вамъ скажу: «Ваше высокопревосходительство! приказывайте, все будетъ исполнено!» А до тѣхъ поръ вы для меня ссыльно-поселенецъ и я вамъ не разрѣшу выйти изъ за черты деревни.

Я видълъ передъ собой типичнъйшаго представителя сибирской администраціи. Несомнънно, онъ убъдительно разговаривалъ съ енисейскимъ губернаторомъ, когда давалъ слово, что ни въ коемъ случаъ не допустить моего побъга и когда говорилъ ему, что онъ покажетъ Бурцеву, что такое ссылка!

Но я зналь, что оставаться мнв подъ властью этого бурбона придется недолго и я съ своими товарищами не мало смвялся надъ его угрозами.

На слѣдующій день меня снова вызвали къ исправнику. Я и мои товарищи не сомнѣвались въ томъ, что отъ губернатора получена бумага о моемъ освобожденіи и меня вызывають объявить ее мнѣ.

Жъ моему великому изумленію исправникь торжественно прочиталъ миѣ бумагу губернатора о немедленномъ переводѣ меня подъ строжайшимъ конвоемъ въ село Монастырское, Туруханскаго края.

Сначала я подумалъ, что это простое недоразумъ-

ніе, но скоро я поняль въ чемъ діло.

Когда я еще быль вь сель Монастырскомь и тамь была получена бумага о моемъ переводь вь село Богучанское, я даль телеграмму своимь друзьямь въ Красноярскъ, чтобы они снеслись съ Петроградомъ и добились того, чтобы, когда я буду проъздомъ изъ села Монастырскаго въ гор. Енисейскъ, я быль оставленъ или въ самомъ Енисейскъ, или возвращенъ въ село Монастырское, въ это время года, когда я еще могь туда вернуться на пароходъ.

Такъ вотъ, въ отвътъ на это ходатайство моихъ друзей я получилъ изъ Петрограда въ Богучанскомъ запоздалое разръшение... вернуться въ село Монастырское! Но я былъ уже не въ Енисейскъ, а въ Богучанскъ,

Но я быль уже не въ Енисейскъ, а въ Богучанскъ, и возвращаться въ село Монастырское не представляло для меня никакого смысла. Мнъ не было никакой охоты еще разъ испытать мучительное путешествіе на лодкъ въ продолженіе мъсяца. Кромъ того, въ данное время мы всъ знали, что я уже свободный человъкъ, амнистированный, и остаюсь въ Богучанскомъ селъ только потому, что еще не пришла бумага отъ губернатора.

Сколько я ни объяснялъ это исправнику, онъ стоялъ на своемъ, что онъ долженъ немедленно выслать меня

обратно въ село Монастырское.

Я ръшилъ, что въ Енисейскъ, черезъ который мнъ придется проъзжать, найдутся болъе толковые люди и менъе чиновники. Я задержусь тамъ до полученія бумаги изъ Красноярска отъ губернатора о своемъ освобожденіи и мнъ не придется ни въ тюрьмъ сидъть въ ожиданіи отправки этапа, ни снова ъхать этапомъ въ Туруханскій край.

Мое освобожденіе нѣкоторыхъ изъ богучанскихъ ссыльныхъ поколебало въ ихъ пессимизмѣ, и они стали допускать, что очевидно наступаетъ снова «весна».

Но большинство объяснило мое освобождение только исключительными причинами отношения ко мнв заграни-

цей, а вообще попрежнему ничего не ждали впереди, кром'в сугубаго торжества реакціи, и свое положеніе въ ссылк'в считали затяжнымъ — особенно въ случа'в побъды союзниковъ.

Когда я садился въ лодку въ Богучанскомъ, чтобы ъхать въ Енисейскъ, ссыльные пришли на берегъ провожать меня. Они провожали меня съ горячими пожеланіями.

Съ лодки я имъ всѣмъ при стражникахъ кричалъ: «До скораго свиданія въ Петроградѣ и Москвѣ! Россія скоро будетъ свободной!»

Я зналъ, что мои слова будутъ переданы исправнику, а черезъ исправника они дойдутъ до губернатора и т. д. Именно поэтому я особенно и считалъ нужнымъ громко говорить объ освобождении всъхъ въ ближайшее время.

Подъ конвоемъ стражниковъ я снова поплылъ въ лодкъ внизъ — сотни верстъ — по Тунгускъ. По дорогъ каждыя 20-25 верстъ мы мъняли лодку.

Въ деревняхъ, гдъ мы останавливались, почти всюду были ссыльные. Мнъ снова пришлось съ ними вести безконечные разговоры о войнъ, пораженчествъ, о реакціи и т. д.

Всюду у меня находились и горячіе единомышленники и самые горячіе противники, кто смотръль на мою дъятельность прежде всего какъ на поддержку реакціи и не понимали, какъ я, Бурцевь, могу говорить о поддержкъ правительства во время войны.

Въ селъ Рыбномъ, гдъ намъ нужно было мънять лодки, я неожиданно встрътилъ богучанскаго исправника.

Я не узналь исправника, настолько онъ сталь любезень. Онъ просиль не поминать его лихомъ и сказаль: «Если бы вы знали, какія инструкціи я имѣль относительно вась!» Затѣмъ онъ добавиль, какъ бы въ свое оправданіе: «я — топоръ! Мной машуть и я рублю».

Я хорошо поняль его.. Онъ получиль новый циркуляръ и сдълался по отношенію ко мнъ совершенно новымь человъкомь въ духъ этого циркуляра.

Снова на свободъ.

Кто хлопоталь о моемь освобожденіи. — Возвращеніе изъ Сибири. — Вмьсто Выборга въ Тверь. —. «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней ныть!»

Ни мой защитникъ, ни мои друзья и ни я во хлопотали послъ приговора о моемъ освобожденіи.

Но, оказывается, объ этомъ хлопотали совершенно въ иныхъ сферахъ.

Заграницей и особенно въ Францін къ моей высылкъ въ Сибирь отнеслись прежде всего, какъ къ большой политической ошибкЪ, недопустимой во времи войны при данныхъ политическихъ условіяхъ. Такъ смотрым на ссылку не только мои личные друзья-французы, какъ Густавъ Эрве, нынъшній редакторъ «La Victoire», но и очень многіе другіе политическіе дъятели во Франціи, въ томъ числъ и президентъ республики Пуанкара п пресъдатель Совъта Министровъ Вивіани. Они ръшили сдёлать попытку уб'вдить русское правительство въ необходимости идти навстр'вчу общественному мнвнію и освободить меня изъ Сибири. Изъ Парижа французское министерство съ согласія Пуанкарэ обратилось съ такого рода просьбой, черезъ Палеолога, къ русскому правительству и лично къ Николаю II. Объ этомъ Палеологь впослъдствии разсказывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ. отвъть на представленія французскаго дипломата русское правительство амнистировало меня, и я неожиданно для себя быль освобождень изъ Сибири.

Съ проходнымъ свидътельствомъ въ карманъ я вышелъ отъ исправника въ Рыбинскомъ свободнымъ русскимъ гражданиномъ.

Въ тотъ же день я сълъ на отходившую въ Енисейскъ бельшую баржу. На душъ было легко. Насъ, пассажировъ, было человъкъ тридцать. Тутъ были — священникъ, чиновникъ, крестьяне, сельскія учительницы, солдаты, возвращающіеся на фронтъ. Они по газетамъ знали, кто я, а также и то, что я только что освобожденъ изъ ссылки. Наши разговоры шли, разумъется,

главнымъ образомъ, о войнъ, въ частности, много мы гово-

рили о моемъ прівздв въ Россію.

Въ Енисейскъ я получилъ новое проходное свидътельство. Мнъ предложили выбрать мъстомъ жительства какой-нибудь городъ, кромъ столицъ, университетскихъ городовъ и мъстъ, находящихся близко къ театру войны. Сначала я выбралъ Выборгъ въ Финляндіи, но въ Красноярскъ еще черезъ нъсколько дней меня др-гналъ отказъ поселиться въ этомъ городъ. Я выбралъ Тверь и повхалъ туда.

Въ Сибири еще, когда я вхалъ по желвзной дорогв въ Москву, — ѣхалъ я дней шесть, а съ остановкой все-го дней двънадцать, — я, наконець, увидълъ кошмар-ную русскую жизнь — и на этотъ разъ не изъ-за тюрем-

ныхъ ръшетокъ.

Предъ моими глазами прошли разнообразные типы съ различными взглядами, различныхъ общественныхъ положеній, разныхъ національностей. Были интеллигентные люди, рабочіе, солдаты, крестьяне, доктора, инженеры, студенты, гимназисты, сельскіе учителя и т. д. Меня поражало богатство силь у этихъ людей, ихъ даровитость, ихъ способности, знанія. Свободная мысль била въ нихъ ключемъ. Въ нихъ чувствовались залежи огромныхъ силъ. Казалось, заграницей этого нъть, что Россія богаче ея силами и внутренно свободне. Во всякомъ случав, что-то могучее заключала въ себв та народная масса, сотни разнообразныхъ представителей, которой промедькнули за это время передъ моими глазами. Я всюду слышаль о колоссальныхь, неисчерпанныхь богатствахь страны — объ огромныхь лъсахъ, рудникахъ со сказочными богатствами руды, угля, о рыбныхъ левляхъ. Я провзжалъ по необъятнымъ сибирскимъ житницамъ и невольно повторялъ знаменитыя слова, которыми начиналась наша исторія: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нъть!»

Съ горячимъ сочувствіемъ меня встрічали всюду при возвращении изъ Сибири.

Дорогой я повидался со многими выдающимися, честнъйшими людьми, глубокими патріотами. Они любили народъ русскій. Любили Россію. Хотъли ей служить, — особенно въ тотъ страшный моментъ, который переживала Россія. Люди различныхъ взглядовъ и различныхъ профессій — мы чувствовали близость другъ къ другу. Тяжелыя событія еще болъе сблизили насъ.

То, о чемъ я говорилъ, когда вхалъ послв амнисти

изъ Сибири въ Россію, было понято очень многими.

Въ томъ, что я говорилъ, никто не могъ не видъть моей ненависти къ реакціи и моего страстнаго желанія идти навстръчу русской арміи и нашимъ союзникамъ. Мнъ сочувствовали въ широкихъ безпартійныхъ слояхъ русскаго общества, для которыхъ я, какъ эмигрантъ, революціонеръ, писатель, котораго русское правительство все время преслъдовало, недавно быль еще какимъ-то пугаломъ. Для нихъ я какъ-то сразу сталъ и понятенъ и близокъ. Отъ меня они чего-то ждали и на меня надъялись. Такъ же ко мнъ отнеслись и нъкоторые революціонеры, и люди, не имъющіе ничего общаго съ революціей, мало раньше понимавшіе и мало интересовавшіеся революціонными вопросами. Болье того: такое же сочувственное отношеніе къ себъ я встрътиль тогда не только у многихъ представителей стараго режима, находившихся у власти, но и у прямыхъ моихъ прошлыхъ офиціальныхъ праговъ, представителей полицій и жандармовъ.

Все это могло показаться для многихъ очень неожиданнымъ. Но въ томъ, что это должно быть такъ, я былъ глубоко убъжденъ еще и тогда, когда садился въ

Стокгольм' на пароходъ ' хать въ Россію.

Сливъ задачу освободительнаго движенія съ общенаціональной борьбой въ этой войнѣ, я своей поѣздкой въ Россію ставилъ борьбу съ правительствомъ имп. Николая И на такую почву, на какой правительству бороться было очень трудно. Благодаря этому я не только нашелъ поддержку у своихъ старыхъ друзей, но и обезоруживалъ своихъ крайнихъ враговъ.

Это я увидълъ еще въ Раумо черезъ пять минутъ

послъ моего ареста.

Жандармскій офицеръ, цълые годы ловившій меня, не могъ не сознать, что петроградскій приказъ о моемъ аресть, во всякомъ случаь, не по времени, и что мнъ мъсто не въ тюрьмъ, а въ редакціяхъ газетъ, гдъ бы я могъ защищать общенаціональное дъло, поставленное передъ Россіей этой войной.

То же самое я видълъ и потомъ — въ тюрьмъ, на судъ, на этапалъ во время ссылки въ далекую Сибирь, дерогой, когда я возвращался въ Европейскую Россію. Вездъ, гдъ говорили о моемъ дълъ, нападали и не могли не нападать на правительство за это близорукую и вредную политику.

Когда послъ моего освобожденія я прибыль вь Енисейскъ, на почтъ, куда я пришелъ получать письма «до востребованія», совершенно неожиданно для себя я натолкнулся на группу, какъ потомъ оказалось, самыхъ черносотенныхъ чиновниковъ, которые разсматривали только что полученый номерь «Искры», наиболье распространеннаго тогдашняго иллюстрированнаго журнала, издававшагося въ Москвъ при газетъ «Русское Слово», гдъ были помъщены — мой портреть (я быль снять вь арестантскомъ халатъ), снимокъ съ моей избы, въ которой я еще такъ недавно жилъ въ с. Монастырскомъ и общій видь этого села. Почтовые чиновники громко говорили между собой обо мнѣ, выражая полное сочувствіе и негодование на правительство за мою ссылку. Въ это время я подошель къ столу, гдв выдають письма до востребованія, и назваль свою фамилію. Меня узнали и скоро въ этой черносотенной почтовой конторъ всъ и чиновники и публика, побросавъ свои дъла, слились въ общій митингь, и у нась началась общая бесъда.

Такое отношеніе ко миѣ — вѣрнѣе, къ моему дѣлу, — какое я неожиданно встрѣтилъ въ почтовой конторѣ въ Енисейскѣ, все время было по дорогѣ въ Россію.

Оборонцы и пораженцы.

Война. — Призывъ къ борьбъ за спасеніе Россіи.

Но если въ Сибири и при своемъ возвращени въ Европейскую Россію я видѣлъ доказательства сочувствія къ себѣ за мое отношеніе къ войнѣ, то встрѣчалъ я и много протестовъ. Мнѣ часто приходилось выдерживать очень рѣзкую борьбу съ противниками войны. Ихъ было много, и они прочно держались на сво-

ихъ позиціяхъ тъмъ болье, что ихъ ежедневно поддер-

живало правительство своими ошибками.

Въ Сибири по дорогъ въ ссылку, на разстоянии ивсколькихъ тысячъ верстъ, на каждомъ этапъ и въ каждой деревенькъ, гдъ были ссыльные, встръчались или прямые большевики, или полубольшевики. При этихъ встръчахъ, каждый день все съ новыми людьми, у насъ велись нескончаемые страстные споры о войнъ. Большевики доказывали необходимость воспользоваться ею для сверженія правительства. Повсюду были два лагеря — оборонцы и пораженцы. Пораженцы доходили до пропаганды необходимости активно помогать нъмцамъ и бороться съ русскими войсками.

Въ Туруханскъ я велъ такіе странные споры противъ войны съ Свердловымъ и другими видными

большевиками.

Ихъ глубоко возмущало мое обвинение Ленина за его пропаганду пораженчества (большаго о Ленинъ я тогда еще не зналъ), какъ предателя и мой призывъ помогать правительству во время войны.

Тогда они были далеки отъ надежды на скорую революцію, и только готовились къ ней. Даже посл'в мартовской революціи 1917 г. Каменевъ мечталъ только о конституціи и посылалъ поздравительныя телеграммы

вел. кн. Михаилу Александровичу.

Для тогдашняго правительства было очень не трудно сдёлать войну общенаціональной, но оно не хотёло на это рёшиться. Больше, чёмъ объ успёхё войны, оно заботилось о томъ, чтобы не пострадало благополучіе бюрократіи. Всякій шагъ въ развитіи общественности приходилось брать у него съ боя.

Правительство и представители русской общественности были какъ бы врагами.

Еще болъе опредъленно враждебныя отношенія

были между правительствомъ и лъвыми партіями.

Какъ и прежде, правительство во время войны продолжало вести борьбу съ освободительнымъ движеніемъ, съ печатью, съ земствами, революціонными партіями и продолжало политику репрессій по отношенію къ полякамъ, финнамъ, евреямъ и т. д.

При такихъ условіяхъ людямъ съ моими взглядами на войну, какъ на общенаціональное дѣло, и съ моимъ

призывомъ къ единенію между правительствомъ и народомъ, было, дъйствительно, не легко работать. Я не могъ не видить всей сложности этого конфликта, и выходъ изъ него для насъ былъ очень труденъ.

Мы стремились къ тому, чтобы правительство оставило свою реакціонную политику и свою д'вятельность подчинило общенаціональнымъ задачамъ. Кое-что намъ удавалось сд'влать, но далеко не все, что нужно было.

На представителей правительства мы, впрочемъ, не смотрѣли, какъ на сознательныхъ измѣнниковъ и союзниковъ нѣмцевъ въ этой войнѣ. Мы тогда не вѣрили широко циркулирующимъ разсказамъ о сношеніяхъ царя съ нѣмцами и знали, что, конечно, личной его цѣлью была побѣда надъ нѣмцами совмѣстно съ союзниками. Но мы видѣли, что побѣда въ этой войнѣ для тогдашняго правительства не является всепоглащающей цѣлью, и что оно болѣе всего опасается торжества освободительнаго движенія, какъ своего собственнаго пораженія, и ради этого прямо вредитъ дѣлу войны.

Въ это же самое время мы не видъли никакихъ условій для революціонной борьбы съ правительствомъ.

Всякое же неорганизованное революціонное движеніе, по нашему мивнію, могло въ то время быть только па руку ивмцамъ и могло, въ конців концовъ, сослужить только хорошую службу русской реакціи. Поэтому мы были прэтивь какихъ-либо революціонныхъ возстаній во время ьойны и были глубоко уб'вждены, что позиція, занятая нами во время войны, не только поможеть нашимъ союзникамъ покончигъ съ ивмецкимъ имперіализмомъ, но въ будущемъ поможеть намъ одержать и окончательную поб'вду надъ русской реакціей и выведетъ Россію на путь здероваго, широкаго освободительнаго развигія.

Въ Самаръ, Твери, Москвъ и Петроградъ свободнымъ человъкомъ.

По проходному свидътельству, которое я получиль въ Енисейскъ, я обязанъ былъ, не останавливаясь нигдъ, явиться въ Тверь и тамъ отбывать полицейскій надзоръ.

Но не дорогъ я на нъсколько дней остановился въ Самаръ. Видълъ тамъ много общественныхъ дъятелей. Между прочимъ, у меня была очень любопытная встръча съ извъстнымъ Челищевымъ, вскоръ неожиданно умершимъ. Впослъдствіи въ Петроградъ я, въ видъ некролога, описалъ свою съ нимъ встръчу.

Въ мъстныхъ самарскихъ газетахъ я далъ нъсколько интервью такого же характера, какія я даваль запраницей, когда ъхалъ въ Россію. Я горячо привътствовалъ Гос. Думу и образовавшійся тогда прогрессивный блокъ. Защищая войну, борясь съ пораженцами, я въ то же самое время ръзко выступалъ противъ проявленій реакци.

Изъ Москвы, я не завзжая въ Тверь, тайно съвздиль въ Петроградъ. Видълъ тамъ В. И. Семенскаго, Керенскаго и др., — и только послъ этого поъхалъ въ Тверь.

Въ Твери я нашелъ много интеллигентныхъ людей, но съ первыхъ же дней моего прівзда въ Тверь я убъдился, что правительство не оставило меня и тамъ безъ своего особаго вниманія. Я увидѣлъ, какъ въ этомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ вся моя жизнь была у всѣхъ, какъ на ладонкѣ, за мной стали ходить по пятамъ приставленные ко мнѣ сыщики. Ко мнѣ подсылались тайные агенты, перехватывались письма и, наконецъ, изъ Петрограда былъ присланъ агентъ, который поселился въ одной со мной гостиницѣ.

Мъсяцъ спустя я изъ Твери сталъ хлопотать о томъ, чтобы мнъ было разръшено переъхать на нъкоторое время въ Петроградъ. Въ это время произошла перемъна въминистерствъ внутреннихъ дълъ.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Н. Хвостовъ, принадлежалъ къ правымъ организаціямъ. Опъ былъ ярый противникъ нѣмцевъ и искренно желалъ побъды Россіи. Но въ общественныхъ кругахъ онъ былъ очень непопуляренъ, а въ первые же дни послѣ вступленія въминистерство онъ сумѣлъ еще сильнѣе всѣхъ возбудитъ противъ себя. Скоро, однако, онъ почувствоваль необходимость идти навстрѣчу общественному мнѣнію.

Въ одномъ изъ первыхъ докладовъ царю онъ сталъговорить о необходимости разръшить мнъ жить въ Петроградъ, — и получилъ на это согласіе. Такимъ образомъ, въ ноябръ 1915 года мнъ разръшили прівхать въ Петроградъ.

Когда Хвостова упрекали въ реакціонности, онъ говорилъ: «Да, вотъ я же разрѣшилъ Бурцеву пріѣхать въ Петроградъ», и онъ этимъ сильно кичился. Сдѣлалъ онъ это, какъ потомъ онъ самъ лично разсказывалъ мнѣ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ сидѣли у большевиковъ зъ тюръмѣ, потому, что понималъ мое отношеніе къ главному вспросу русской жизни того времени — къ войнѣ, и зналъ, что побѣду Россіи вмѣстѣ съ союзниками надъ нѣмцами я тогда ставилъ на первый планъ.

Итакъ, выбхавъ изъ Раумо въ Петроградъ въ сентябръ 1914 г., я наконецъ попалъ туда (черезъ село Монастырское Туруханскаго округа)... зимой 1915 г. Но на этотъ разъ я попалъ уже не въ Петропавловскую кръпость и сталъ жить въ Петроградъ свободнымъ чело-

въкомъ.

Я могь принимать участіе въ прессъ и вести ту пропоганду за общенаціональную борьбу во время войны, ради которой я и вытально въ Россію изъ Франціи, какъ только война началась.

Русская революція.

Въ Петроградъ въ концъ 1915 года я прівхаль съ тъми же надеждами, съ какими въ августъ 1914 г. выъхалъ изъ Парижа.

Но мнъ тамъ скоро пришлось убъдиться въ отсут-

ствіи какой бы то ни было разумной власти.

Однимъ изъ виднъйшихъ представителей власти вскоръ стало одно изъ самыхъ непопулярныхъ лицъ —

Штюрмеръ. Этимъ именемъ было сказано все.

Около правительства не было никого изъ сочувствующихъ ему общественныхъ дѣятелей, а стремившіеся идти къ нему навстрѣчу вынуждены были уходить въ сторону. Было ясно, что правительство и не сознаетъ необходимости общественной поддержки.

Въ такой обстановкъ сбострялось оппозиціонное теченіе въ странъ и въ Думъ. Обострялось и революціон-

ное настроение.

Большевики явно поднимали голову.

Я списался съ заграницей, со своими друзьями-эмигрантами. Они просили меня прівхать изъ Россіи и рисовали самыя радужныя картины нашихъ совмістныхъ выступленій предъ заграничнымъ общественнымъ мивніемъ въ защиту союзнической борьбы. Я обратился офиціально за разрішеніемъ выйхать заграницу.

Всемъ было понятно, для чего я долженъ былъ вхать. Общественные дъятели были очень довольны

этими моими планами.

Но я получиль отказъ. Отказъ быль такъ непонятенъ, что мы просили М. А. Стаховича переговорить лично съ Штюрмеромъ. Штюрмеръ категорически отказалъ Стаховичу въ его просъбъ и объяснилъ свой отказътакъ:

— Мы не можемъ Бурцева отпустить заграницу. Онъбудеть тамъ писать про Распутина.

Воть о чемъ Штюрмеръ думалъ во время войны!

Такимъ образомъ, рушились мои тогдашнія надежды

на поъздку заграницу.

Намъ было понятно, чъмъ во время войны можетъ поплатиться Россія, благодаря революціи, которой могли легко воспользоваться пораженцы.

Поэтому, мы всёхъ — и своихъ и не-своихъ — предостерегали противъ революціи. Но во дворцё продолжался хаосъ. Исторія съ Распутинымъ компрометировала все правительство.

Развалъ власти былъ таковъ, что сравнительно невначительное волненіе въ Петроградъ, въ связи съ недостаткомъ продовольствія въ концъ февраля 1917 г., въ нъсколько дней совершенно неожиданно для власти и для самихъ революціонеровъ, смело все правительство. Власть захватили революціонныя партіи, близкія по свочить тенденціямъ къ большевизму — пораженцы, съ которыми мы боролись все время.

Революція устранила изъ русской жизни и то, что было осуждено уже исторіей. Были поставлены широчайшія задачи, вызывавшія энтузіазмъ въ активныхъ политическихъ кругахъ и надежду въ широкихъ народныхъ массахъ. Хотѣлось върить, что драгоцънныя завоеванія революціи укръпятся и войдуть въ жизнь.

Но... скоро намъ пришлось переживать очень тяжелое разочарованіе.

Революціонная власть иначе, чъмъ старое правительство, но можеть быть, еще въ большей степени, чъмъ оно,

проявило безволіе и негосударственность.

Она сразу же дала возможность развиваться въ самыхъ ужасающихъ формахъ большевицкимъ и анархическимъ теченіямъ и не мъшала большевикамъ во время войны организовать переворотъ для захвата власти.

Провокаторы среди большевиковъ.

Въ январъ 1912 г. въ Прагъ «тайно» собрался съъздъ соціалъ-демократовъ, главнымъ образомъ большевиковъленинцевъ. На немъ были делегаты изъ Россіи и изъ за границы. Всего было 28 человъкъ: Ленинъ, Зиновьевъ, каменевъ и др. Съъздъ собирался при крайне конспиративныхъ условіяхъ. О немъ въ эмиграціи никто ничего не зналъ. Но въ немъ приняли участіе четыре провокатора: Малиновскій, Романовъ, Брендинскій и б. членъ ІІІ Государственной Думы Шуркановъ. Такимъ образомъ, если объ съъздъ никто не зналъ въ эмиграціи, то о немъ, во всъхъ деталяхъ, какъ онъ собирался, какіе делегаты пріъзжали изъ Россіи, гдъ онъ происходилъ, какія ставилъ себъ цъли и какія принялъ ръшенія, все прекрасно знали Департаментъ Полиціи въ Петербургъ и австрійская полиція.

Съвздъ благополучно собрался и благополучно окончилъ свои занятія. Русская и австрійская полиція всвмъ делегатамъ дала возможность увхать, кому куда

было нужно.

Ни Ленинъ, ни его ближайшіе товарищи не знали, что все это они д'влали какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ по попустительству Департамента Полиціи и н'вмцевъ.

На съвздъ Ленинъ настоялъ на формальномъ отдъленіи большевиковъ съ ихъ Центральнымъ Комитетомъ изъ обще-партійной соціалъ-демократической организаціи. Объявлена была борьба всъмъ остальнымъ эсдековскимъ теченіямъ. Было постановлено: начать изданіе въ Петербургъ ежедневной газеты «Правды», принять

участіе въ выборахъ въ Государтвенную Думу, отъ Москвы кандидатомъ въ Государственную Думу выставить Малиновскаго и т. д.

Этотъ пражскій съёздъ большевиковъ былъ исходной точкой для развитія всей дальнёйшей дёятельности ле-

нинской организаціи.

Черезъ нъсколько мъсяцевъ послъ этого съъзда Ленинъ, въ маъ 1912 г. договорился въ Парижъ съ прівзжавшими туда иностранными делегатами, среди которыхъ были поляки, которые, отъ имени нъмцевъ, предложили ему со всей его революціонной организаціей переъхать изъ Парижа въ Краковъ. Ему гарантировали, что его тамъ, какъ русскаго революціонера, готовящаго революцію въ Россіи, не будуть тревожить.

Ленинъ тогда же перевхалъ въ Краковъ и до самой войны 1914 г. велъ изъ Австріи свои сношенія съ революціонными организаціями въ Россіи, и никто ему въ этомъ не мъшалъ — ни Департаментъ Полиціи, который все зналъ, что дълалось у него, ни нъмецкія власти, которыя для своихъ цълей, въ виду войны, тогда не безпо-

коили Ленина.

Какъ велись переговоры Ленина о перевздв изъ Парижа въ Краковъ, большевики хранятъ гробовое молчаніе. Если нѣмцы, за два года до войны, разрѣшили для своихъ цѣлей Ленину перевхать къ нимъ и оттуда разлагать русскую государственную машину для цѣлей предстоящей войны, то, конечно, дѣло было очень секретнымъ. Дѣло шло о предательствѣ Россіи русскими революціонерами. Заключать этотъ договоръ Ленину приходилось послѣ при очень конспиративныхъ условіяхъ, о которыхъ и въ настоящее время молчатъ біографы Ленина, обслѣдовавшіе самыя мельчайшія подробности его жизни.

Такъ же они молчать о сношеніи Ленина и большевиковъ вообще съ нъмцами и о полученіи отъ нихъ денегъ.

Объ этомъ молчатъ одновременно и нѣмцы и боль-

Такіе же переговоры нѣмцы тогда вели съ представителями различныхъ другихъ народностей, населяющихъ Россію. Они много разсчитывали на ихъ измѣну.

Кром'в Ленина, однако, никто изъ русскихъ на эти переговоры не откликнулся.

Въ Краковъ, а лътомъ въ ближайшемъ курортъ, Порошинъ, Ленинъ принималъ пріъзжавшихъ къ нему изъ Россіи. Къ нему пріъзжали революціонеры-большевики, члены большевицкой фракціи Государственной Думы, представители рабочихъ организацій въ Россіи, пріъзжали иностранные революціонеры, — всъ кто имълъ дъло съ ленинской организаціей.

Тамъ у него бывали и такіе провокаторы и предатели, какъ Малиновскій и Ломовъ. Бѣлецкій, директоръ Департамента Полиціи, впослѣдствіи хвастался, что ему была извѣстна, до мелочей, вся жизнь Ленина въ Австріи.

Ленинъ изъ Австріи руководилъ изданіемъ въ Петербургъ «Правды» и другими изданіями. Къ нему за инструкціями пріъзжали изъ Россіи наиболье отвътственные организаторы революціоннаго-рабочаго дімженія. Члены большевицкой фракціи Государственной Думы получали всъ инструкціи отъ Ленина изъ Австріи. Многія ръчи, произносившіяся въ Думъ Петровскимъ и Бадаевымъ, были цъликомъ написаны Ленинымъ въ Краковъ.

Все, что впослъдствіи проявиль въ своей дътельности Ленинъ въ Россіи послъ 1917 г., — было подготовлено заграницей, въ Австріи, еще до войны.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Бадаевъ знакомить насъ съ тѣмъ, что дѣлалось у Ленина въ Краковѣ и Порошинѣ. Онъ же разсказываетъ намъ, что въ большевицкой партіи представлялъ собой провокаторъ Малиновскій все время, начиная съ съѣзда въ Прагѣ.

Какую иногда комедію разыгрывали члены Департамента Полиціи съ въдома русскихъ министровъ, въ Государственной Думъ, видно, напр., изъ разсказа Бадаева о томъ, какъ выступалъ Малиновскій съ соціалъдемократической деклараціей при открытіи IV Государственной Думы.

Вл. Бурцевъ.

Русскіе большевики до революціи.

Какъ Ленинъ за границей готовияся къ революціи.

Бадаевъ и его «Воспоминанія». — Ленинъ все время работаль при помощи провокаторовъ. — Провокаторы на большевицкомъ съвздъ Вевъ Прагь въ 1912 г. — Перевздъ Ленина передъ войной, лытомъ 1912 года, съ согласія нъмцевъ, изъ Парижа въ Австрію. — Тамъ Ленинъ до войны готовилъ революцію въ Россіи подъ покровительствомъ Департамента Поличий и нъмцевъ.

Въ 1929 г. въ Россіи были изданы воспоминанія члена большевицкой фракціи 4-й Государственной Думы А. Е. Бадаева: «Большевики въ Государственной Думъ. Большевицкая фракція 4-й Государственной Думы и революціонное движеніе въ Петербургъ».

Эти воспоминанія особенно интересны для нась потому, что они не носять никакого личнаго характера, и ихъваторъ самь по себъ никогда въ большевицкомъ движеніи не игралъ самостоятельной роли.

Онъ всегда былъ прежде всего членомъ партіи большевиковъ, а, върнъе сказать, прежде всего онъ всегда былъ — «ленинецъ» и даже не въ смыслъ особой преданности идеямъ Ленина, но по безусловной своей подчиненности лично Ленину. Онъ былъ какъ бы отраженіемъ Ленина. Въ этомъ отношеніи его воспоминанія и его дъятельность очень характерны и не только для исторіи ленинизма, но и нля исторіи всего русскаго большевицкаго движенія, такъ какъ Ленинъ имѣлъ право говорить: «большевицкая партія — это я!»

Бадаевъ — рабочій. До/1912 г., до его выборовъ въ Государственную Думу, онъ быль преданнымъ, типичнымъ партійнымъ большевицкимъ работникомъ на мелкихъ роляхъ. Но, какъ членъ Государственной Думы, онъ сразу занялъ видное политическое положеніе и ярко сталъ афишировать большевицко-революціонное движеніе до самаго своего ареста въ 1914 г.

Какъ членъ большевицкой думской фракціи, Бадаевъ былъ очень дѣятеленъ. Онъ, какъ революціонеръ заговорщикъ, игралъ видную роль въ конспиративномъ революціонномъ движеніи большевиковъ того времени. Онъ часто выступалъ въ Государственной Думѣ. Какъ большевицкій пропагандистъ, разъѣзжалъ по Россіи. Въ 1912 — 14 годахъ съ революціонными цѣлями не разъ ѣздилъ за границу къ Ленину.

По поводу этихъ строкъ о Бадаевъ одинъ извъстный меньшевицкій дъятель писалъ мнъ слъдующее: — приведу его мнъніе, какъ мнъніе очень компетентнаго человъка.

«До выборовъ въ Думу Бадаевъ вообще никакой роли не игралъ и въ организацію не входилъ. Его именно потому и выбрали, что изъ всёхъ рабочихъ выборщиковъ, большинство среди которыхъ составляли меньшевики, правымъ выборщикамъ показался наименъе культурнымъ. наиболъе сърымъ, и они ръшили, что такой депутать для нихъ будеть наименье опасень. Но въ Думъ Балаевъ, съ самаго начала пошелъ въ ногу съ большевиками, которые очень умъло держали его въ рукахъ и использовали для разной работы. Роли во внутренней жизни фракціи онъ не игралъ. Былъ не ораторъ и ръчи произносиль по запискамъ. На совъщаніяхъ фракціи не выступаль, т. к. не имъль своего мнънія и не скрываль, что въ дълахъ не разбирается. Большевики умъло приспособили его къ веденію кассы, къ офиціальному издательству газеты и прочее. Со временемъ онъ показалъ себя человъкомъ по своему стойкимъ и честнымъ. Послъ революціи онъ пошель по кооперативной части, быль руководителемъ ЕПО *) Птб., затъмъ въ 1921 г. въ

^{*)} Единое Потребительское Общество.

Москвъ. Въ политикъ, до разгрома оппозиціоннаго блока Троцкій—Каменевъ—Зиновьевъ роли не играли. На выходныя роли его пускали только послъ разгрома, когда появилась нужда въ людяхъ съ какимъ-либо прошлымъ».

Въ ноябръ 1914 г. Бадаевъ, вмъстъ съ другими членами большевицкой думской фракціи былъ арестованъ, судился въ Петербургъ и былъ сосланъ на поселеніе въ

Восточную Сибирь.

Въ 1917 г., послъ революціи, онъ вернулся изъ ссылки и съ тъхъ поръ все время играетъ въ большевицкомъдвиженіи, если не самостоятельную, то во всякомъ случать видную и отвътственную роль.

Его воспоминанія написаны въ довольно спокойномъ историческомъ тонъ, но, конечно, съ сильно большевиц-

кими тенденціями.

Ниже мы приводимъ четыре очень характерныхъ отрывка изъ его воспоминаній. Они, словами типичнаго и отвътственнаго большевика, знакомятъ насъ съ нъкоторыми очень важными моментами изъ исторіи большевицкаго движенія.

Изъ этихъ матеріаловъ мы можемъ видёть, въ какихъ условіяхъ развивался большевизмъ въ Россіи.

Бадаевъ о большевикахъ.

I. Романъ Малиновскій.

(Провокаторъ).

Уходъ Малиновскаго изъ Государственной Думы. — Малиновскій — провокаторъ. Участіе охранки въ выборахъ Малиновскаго по директивамъ Департамента Полиціи. — Аресты Свердлова и Сталина. — Малиновскій въ фрикціи Гос. Думы. — Почему Малиновскій ушелъ изъ Думы? — Судъ надъ Малиновскимъ.

На другой день посл'в возвращенія въ Думу исключенных депутатовъ (въ ма'в 1914 г.), около 4 часовъ дня, въ кабинетъ Родзянко вошелъ Малиновскій и, бросивъ на столъ какую-то бумагу, сказалъ:

— Прощайте!

На вопросъ Родзянко, что это значить, Малиновскій отвътиль: «Прочтите, сами узнаете!» а затъмъ кратко сообщиль, что слагаеть съ себя депутатскія полномочія и вътсть же день убзжаеть за границу.

Въ это время изъ членовъ нашей фракціи въ зал'я засъданія быль одинъ только Мурановъ. О заявленіи Малиновскаго Мурановъ немедленно сообщиль намъ по телефону. Черезъ полчаса, когда всъ мы собрались въ пом'ященіи фракціи, заявленіе объ уход'я Малиновскаго было уже оглашено предсъдателемъ.

Уходъ Малиновскаго изъ Думы быль для насъ полной неожиданностью. Никакихъ разговоровъ или даже намековъ о возможномъ уходъ до того времени мы отъ него не слыхали. Сложеніе депутатскихъ полномочій, не толь-

ко безъ согласія центральныхъ органовъ партіи, но даже безъ заявленія во фракцію, было такимъ неслыханнымъ вопіющимъ поступкомъ противъ партійной дисциплины, такимъ исключительнымъ проявленіемъ отступничества и ренегатства, что въ этотъ моментъ мы даже представить себъ не могли, чъмъ все это было вызвано.

Къ Малиновскому былъ командированъ тов. Петровскій, потребовавшій отъ него немедленной явки во фракцію, для дачи объясненій. Малиновскій отказался, заявивь, что онъ якобы такъ взволнованъ, что никакихъ объясненій сейчась дать не можеть. Когда намъ былъ переданъ этотъ отвѣтъ, мы рѣшили вновь командировать Петровскаго, который долженъ былъ категорически настоять на явкѣ Малиновскаго. Но и на этотъ разъ тотъ отказался подчиниться требованію фракціи. Въ сильно возбужденномъ состояніи, почти совершенно невмѣняемый, Малиновскій кричалъ:

«Судите меня! д'ълайте, что хотите, а я товорить не желаю!»

Съ перваго же дня мы опубликовали въ «Правдѣ» все, что было извѣстно во фракціи объ уходѣ Малиновскаго. Въ ближайшій понедѣльникъ (послѣ воскресныхъ дней «Правда» не выходила), редакціей былъ выпущенъ экстренный номеръ газеты съ точнымъ изложеніемъ всѣхъ имѣвшихся во фракціи свѣдѣній. Затѣмъбыла помѣщена точная сводка, день за днемъ, съ описаніемъ всѣхъ предпринятыхъ фракціей шаговъ для выясненія причины и обстановки ухода Малиновскаго. Не имѣя пока данныхъ для обвиненія Малиновскаго въ какихъ-нибудь преступленіяхъ, фракція, однако, сразу же выступила съ рѣзкимъ и рѣшительнымъ осужденіемъ его дезорганизаторскаго поступка.

Въ напечатанномъ въ «Правдъ» заявленіи фракція писала:

«...Малиновскій самъ заявиль въ моменть его выборовь, что онъ соглашается баллотироваться «по просьбъ россійской соціаль-демократической рабочей партіи». Этимъ было выражено то основное начало поведенія рабочаго депутата на выборахъ, которое, безусловно, обязательно съ точки зрѣнія всякой организаціонной партіи. Само собой разумѣется, что сознательнымъ рабочимъ необходимо съ особенной строгостью отстаивать

это основное начало въ борьбъ противъ всъхъ буржуазныхъ и мелкобуржуазныхъ партій, которыя часто дають мандаты въ парламентъ карьеристамъ и не соблюдаютъ никакой дъйствительно партійной дисциплины. Въ нарушеніе всего этого, Малиновскій сложиль съ себя депутатскія полномочія, не посов'єтовавшись ни съ руководящимъ учрежденіемъ, ни со своей ближайшей коллегіей — Р. С. Д. Р. фракціей. Такой поступокъ безусловно недопустимъ ни для одного организаціоннаго и сознательнаго рабочаго, будучи нарушеніемъ дисциплины и анархическимъ шагомъ... Поступокъ этотъ заслуживаетъ прямого осужденія, ровняясь поступку часового, дающаго свой пость самовольно... Признание Малиновскаго, что онъ не посчитался съ отвътственностью, совершая свой «убійственный» шагь, нисколько не смягчаеть его поступка, которымъ онъ поставилъ себя внѣ нашихъ рядовъ. Р. С. Д. Р. фракція приглашаетъ всѣхъ сознательныхъ рабочихъ поддерживать это рѣшеніе, чтобы сдълать невозможнымъ впредь среди марксистко-организованнаго пролетаріата повтореніе подобныхъ поступ-КОВЪ...»

Рабочая масса отозвалась на уходъ Малиновскаго такъ именно, какъ мы расчитывали. Въ нашу фракцію и въ редакцію «Правды» начали поступать телеграммы, привѣтствія, резолюціи, въ которыхъ клеймился измѣнническій поступокъ Малиновскаго и одновременно выражалось полное довѣріе и поддержка работѣ фракціи.

Временный ущербъ, который былъ нанесенъ дезертирствомъ Малиновскаго, былъ возстановленъ единодушной поддержкой всѣхъ передовыхъ организованныхъ труппъ рабочаго класса. Наша шестерка, превратившаяся теперь въ пятерку, перестроила свои ряды. Какъ съ думской трибуны, такъ и внъ Думы фракція, съ еще большимъ напряженіемъ, продолжала вести революціонную борьбу.

Я описаль здёсь въ краткихъ чертахъ какъ самый фактъ ухода Малиновскаго, такъ и ту обстановку, въ которой онъ произошелъ. Причины, побудившія Малиновскаго на этотъ шагъ, такъ и остались, въ то время, неизвъстными. Мы объясняли поступокъ Малиновскаго, и это казалось более или мене правдоподобнымъ въ то время, только нервной усталостью и потерей душевнаго

равновъсія. Нъкоторыя присущія Малиновскому черты характера — повышенная нервность, горячность, неуравновъщенность, которыя часто проявлялись у него въ его отношеніяхъ съ окружающими, — какъ будто давали ос-

нованія придти къ такому выводу.

Только посл'в революціи въ полной м'вр'в раскрылись истинныя причины поведенія Малиновскаго. Архивы Департамента Полиціи, ставшіе достояніемъ гласности, среди прочихъ провокаторовъ раскрыли и фигуру Малиновскаго. Матеріалы этихъ архивовъ, а зат'вмъ судънадъ Малиновскимъ даютъ намъ теперь возможность узнать всю исторію его предательства и провокаціи.

Начало провокаторской дъятельности Малиновскаго относится къ 1910 г., когда онъ былъ зачисленъ агентомъ московской охраны подъ кличкой «Портной». Въ это время онъ жилъ въ Москвъ, куда переъхалъ послъ высылки изъ Петербурга. Можно однако предположить, что еще раньше, въ Петербургъ, Малиновскій находился въ какихъ-то отношеніяхъ съ охранкой, но полностью его провокаторская работа развернулась именно въ Москвъ.

Арестованный вмъсть съ группой партійныхъ работниковъ по какому-то дълу, Малиновскій предложилъ свои услуги охранному отдъленію. Предложеніе его было принято. Съ тъхъ поръ онъ сталъ дъятельнымъ и энергичнымъ агентомъ охранки, которая давала ему важныя порученія и всячески направляла его провокаторскую работу.

Человъкъ очень способный и неглупый, Малиновскій старался какъ можно глубже проникнуть въ партійныя организаціи и завести какъ можно больше связей. Онъ появлялся на всъхъ собраніяхъ, бывалъ въ рабочихъ клубахъ, профессіональныхъ обществахъ, всюду выступалъ, говорилъ и принималъ энергичное участіе въ организаціонной работъ. Характерно, что въ это время Малиновскій одновременно изображалъ себя и меньшевикомъ и большевикомъ. Среди меньшевиковъ онъ ругалъ большевиковъ, а среди послъднихъ представлялся горячимъ противникомъ меньшевизма. Какъ тъхъ, такъ и другихъ Малиновскій выдавалъ охранкъ.

По его указаніямъ производились аресты партійныхъ работниковъ и даже разгромы цёлыхъ организацій. Въ охранку Малиновскій сообщаль свъдънія о предполагавшихся и состоявшихся собраніяхъ, о кличкахъ и дъиствительныхъ фамиліяхъ нелегальныхъ партійцевъ, о составъ партійныхъ органовъ ,адреса складовъ литературы, типографій, словомъ — о всёхъ сторонахъ тельности партіи. По его доносамъ и указаніямъ была ликвидирована въ Москвъ въ 1910 г. русская коллегія ЦК, руководившая работой соціаль демократовъ въ Рессін. Онъ даль матеріаль для провала группы примиренческаго направленія «Возрожденіе» во главъ съ товарищемъ Милютинымъ. Благодаря его указаніямъ былъ ликвидированъ вновь формировавшися въ Тулъ руководящій центръ большевиковъ и арестованы В. Ногинъ, Г. Лейтейзенъ-Линдовъ и Софія Смиловичъ. Ему были обязаны своими арестами агенты ЦК т. т. Ф. Голощекинъ, Б. Бреславъ, рядъ меньшевиковъ — Шеръ, Чиркинъ и др. На совъсти Малиновскаго за это время его московской «работы» лежали многочисленные аресты революціонныхъ работниковъ, которыхъ онъ «освіщаль» въ охраняв.

Для того, чтобы оградить Малиновскаго отъ «провала» полиція арестовывала его вмість съ другими участниками какого-либо раскрытаго собранія. Продержавъ Малиновскаго для приличія нісколько дней охранка выпускала его на свободу, тогда какъ арестованные нимъ попадали либо на продолжительное время въ тюрьму, либо подвергались ссылкъ. Иногда, осторожности рали, охранка вмъстъ съ Малиновскимъ выпускала вськь, но черезъ пару недёль арестовывала остальных в снова.

Влагодаря своей осторожности, ловкости и несомнъннымъ недюжиннымъ способностямъ, Малиновскій началъ довольно быстро выдвигаться въ партійной средъ. Еще раньше, въ Петербургъ онъ показалъ себя какъ способный и сильный работникъ профессіональнаю движенія. Въ теченіе трехъ л'єть, съ 1906 по 1909 г., Малиновскій быль секретаремь нетербургскаго профессіональнаго союза металлистовъ, одного изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ богатыхъ квалифицированными силами союзовъ. Уже одно это указывало на большія способности

Малиновскаго и на его умѣніе добиваться вліянія на рабочія массы.

Все это создавало Малиновскому ту популярность, которая дала возможность выставить его кандидатуру въ Государственную Думу. Крайне честолюбивый, Малиновскій приняль всё м'вры для того, чтобы провести свою кандидатуру въ члены Думы. Однако, несомнънно, что имъ въ этомъ отношеніи руководили и другія соображенія. Директоръ Департамента Полиціи Бълецкій своихъ показаніяхъ по дълу Малиновскаго быль арестовань послъ революціи и затымь разстрылянъ) говорилъ, что Малиновскій, стараясь пройти Думу, расчитываль упрочить свое положение въ охранкъ и повысить при этомъ получаемое изъ полиціи жалованіе. Вошедшій уже во вкусь провокаціи, Малиновскій готовился развернуть свою предательскую работу въ еще большихъ размърахъ.

Малиновскій самъ доказывалъ охранному отдъленію, какъ «выгодно» для полиціи имъть въ Думъ своего «освъдомителя». Уговаривать охранку, конечно, не пришлось. Она съ радостью ухватилась за этотъ проектъ, который вполнъ отвъчалъ нравамъ и пріемамъ полицейской работы. Вопрось о проведеніи въ члены Думы «агента московскаго охраннаго отдъленія Портного» обсуждался въ самой верхушкъ царской полиціи и Департаментъ Полиціи получилъ «благословеніе» отъ самого министра внутреннихъ дълъ Макарова. Въ Москву полетъли шифрованныя телеграммы отъ Бълецкаго и его помощника, пресловутаго Виссаріонова, о томъ, чтобы московская охранка приняла всъ мъры къ устраненію всъхъ препятствій для участія Малиновскаго въ выборахъ.

Первымъ такимъ препятствіемъ было то, что Малиновскій въ прошломъ нѣсколько разъ судился по уголовнымъ дѣламъ. По закону человѣкъ, имѣвшій судимость, лишался права быть избраннымъ въ депутаты Думы. При помощи и содѣйствіи охранки Малиновскій отправился къ себѣ на родину въ Польшу и тамъ за взятку писарю получилъ подложную справку о несудимости.

Другое затрудненіе было связано со стажемъ работы, необходимомъ для участія въ выборахъ. Малиновскій работалъ на какой-то небольшой фабрикъ подъ Мо-

сквой. Какъ разъ къ моменту избирательной компаніи должень быль окончиться необходимый для стажа шестимъсячный срокъ его работы. За нъсколько недъль до выборовь у Малиновскаго обострились отношенія съ однимъ изъ мастеровъ фабрики, и ему грозило увольне-Чтобы избавить Малиновскаго отъ этой опасности, мастеръ по распоряженію Департамента Полиціи былъ арестованъ. Его продержали въ тюрьмъ ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы онъ не мъшалъ выборамъ Малиновскаго. Все-таки Малиновскій быль уволенъ съ фабрики и тогда, путемъ подкупа конторшика. получиль удостовърение о томъ, что онъ находился въ «отпуску». Такимъ образомъ, при помощи полиціи это препятствие къ выборамъ Малиновскаго было устранено.

Въ это же время Малиновскій развиль энергичную работу по устраненію своихъ конкурентовъ — другихъ кандидатовъ въ депутаты. Въ результатъ онъ добился того, что остальные кандидаты были сняты и избраніе его въ Думу было обезпечено.

Когда Малиновскій попаль въ Государственную Думу, передъ нимъ открылось новое широкое поле провокаторской дъятельности. Онъ становится однимъ изъсамыхъ главныхъ сотрудниковъ охранки. Малиновскаго «ведетъ» самъ директоръ Департамента Полиціи Бълецкій.

Въ списки сотрудниковъ охраны Малиновскій въ Петербургь быль зачислень подь кличкой «Х». Жалованіе онь получаль сперва 500 рублей въ мѣсяцъ, а затьмъ 700 руб. Кромѣ того, охранка выдавала ему наградныя и оплачивала отдѣльно наиболѣе важныя «свѣдѣнія». На квартирѣ у Малиновскаго за счетъ полиціи быль установленъ телефонъ, по которому онъ условленнымъ шифромъ сговаривался съ Бѣлецкимъ о свиданіяхъ. Эти свиданія обычно происходили въ отдѣльномъ кабинетѣ какого-либо ресторана. Бѣлецкій являлся туда вмѣстѣ со своимъ помощникомъ Виссаріоновымъ, который записывалъ все, что сообщалъ Малиновскій. Обыкновенно, какъ показывалъ потомъ Бѣлецкій, онъ задавалъ Малиновскому заранѣе заготовленные вопросы, тотъ отвѣчалъ на нихъ, и тутъ же Бѣлецкій да-

валъ распоряженія объ обыскахъ, арестахъ, высылкахъ и т. д. При этомъ соблюдалась крайняя осторожность, чтобы не «провалить» Малиновскаго. Когда Департаменть Полиціи въ февралъ 1913 г. ръшилъ арестоватъ т. Е. Розмировичъ, по совъту Малиновскаго, этотъ арестъ былъ произведенъ въ Кіевъ, чтобы на Малиновскаго не падало какихъ-либо подозръній. По его же настоянію, черезъ мъсяцъ, когда выяснилось, что арестъ тов. Розмировичъ все-таки возбудилъ въ заграничномъ центръ кое-какія подозрънія, она была освобождена изъ тюрьмы.

Свъдънія, которыя сообщаль Малиновскій, для полиціи имъли очень цънный характеръ, такъ какъ быль въ курсв не только двль въ думской фракціи, но и подпольной работы партіи. Въ видъ примъра того, какой вредъ наносилъ Малиновскій, можно указать слъдующее. Онъ систематически держалъ Департаментъ Полиціи въ курсъ всего, что происходило въ редакцін «Правды». Онъ не только сообщаль о лицахъ, собраніяхъ, происходившихъ въ редакціи, явкахъ, но и освъдомляль Бълецкаго о финансовомъ положении «Правды». Этимъ самымъ, по собственному признанію Бълецкаго, онъ давалъ полиціи возможность наносить удары газеть штрафами, конфискаціями и т. п. въ наиболье трудные для редакціи моменты. Вмість съ тымь отъ Малиновскаго Бълецкій узнаваль фамиліи всьхъ сившихъ деньги на поддержку «Правды», а также подписчиковъ. Эти списки служили для полиціи руководящими указаніями для арестовъ и другихъ репрессій. Таковъ вредъ, который приносилъ провокаторъ Малиновскій только нашей газеть.

Ораторскія способности Малиновскаго дізлали его однимъ изъ наиболіве часто выступавшихъ членовъ фракціи. Онъ хорошо владізль ораторской техникой, владізлъ жестомъ, свободно держался на трибунів. Но, если внимательно разобраться въ содержаніи его різчей и въ тіхъ формулировкахъ, которыми онъ пользовался, то легко убіздиться, что всів его різчи носили гораздо боліве «приглаженный» характеръ, чімъ різчи другихъ членовъ нашей фракціи. Въ то время, какъ остальные рабочіе депутаты сознательно обостряли свои выступленія, говорили напроломъ, Малиновскій постоянно обходиль наиболіве острыя мівста, стараясь какъ-нибудь замазать по-

длинно революціонную постановку вопроса, принималь всъ мъры, чтобы выхолостить ръчь, лишить ее того революціоннаго содержанія, которое партія считала обязательнымъ и необходимымъ во всъхъ думскихъ выступле-

ніяхъ нашей фракціи.

Если Малиновскому приходилось выступать на какихъ-либо открытыхъ собраніяхъ внъ Думы, тамъ для «обезвреженія» его ръчей примънялся болъе простой способъ. Присутствовавшіе на собраніи представители полиціи, по указанію своего начальства, уръзывали ръчь Малиновскаго въ заранъе обусловленныхъ съ нимъ мъстахъ. Такъ было съ выступленіемъ Малиновскаго на съъздъ торгово-промышленныхъ служащихъ въ Москвъ, который въ это время былъ значительнымъ общественнымъ явленіемъ.

Предательская дъятельность Малиновскаго во время пребыванія въ Думъ была цъликомъ связана съ Петербургомъ, такъ какъ по охранкъ онъ былъ подчиненъ самому Департаменту Полиціи. Но, какъ оказывается, онъ въ этотъ періодъ не порвалъ связи и съ московской охранкой. Во время своихъ наъздовъ въ Москву, Малиновскій давалъ различныя свъдънія, разъяснялъ и «освъщалъ» то, что нужно было московскимъ охраникамъ, за что получалъ отъ нихъ отдъльную плату. Каждый его прівздъ въ Москву имълъ результатомъ новые аресты революціонныхъ работниковъ.

Въ Петербургъ Малиновскій сообщалъ Бълецкому о засъданіяхъ фракціи, предположеніяхъ и планахъ депутатовъ, маршрутахъ ихъ поъздокъ и впечатлъніяхъ, ко-

торыя они привозили съ мъстъ.

Предупрежденный Малиновскимъ, Департаментъ Полиціи давалъ распоряженія мъстнымъ охранкамъ — всячески мъшать собраніямъ съ участіемъ членовъ нашей фракціи. По требованію полиціи, Малиновскій даже далъ ей однажды на просмотръ партійный архивъ фракціи, изъ котораго Бълецкій сдълалъ нужныя для себя выписки. Бълецкій въ своихъ показаніяхъ разсказываетъ также о передачъ ему Малиновскимъ транспорта нелегальной литературы, который былъ доставленъ въ Петербургъ. Правда, всю литературу Малиновскій не ръшился отдать полиціи, но все же значительное коли-

чество привезенной съ такимъ трудомъ партійной лите-

ратуры пропало.

Йаъ боязни подвести провокатора подъ разоблаченія охранка соблюдала нѣкоторую осторожность въ арестахъ тѣхъ партійныхъ товарищей, которые соприкасались зъ Петербургѣ съ Малиновскимъ. Однако, когда въ Петербургѣ появились Свердловъ и Сталинъ, Департаментъ Полиціи потребовалъ отъ Малиновскаго, чтобы онь ихъ выдалъ для ареста.

Обстоятельства, сопровождавшія арестъ Свердлова, были слѣдующія. Свердловъ, только что бѣжавшій изъссылки, скрывался у меня на квартирѣ. За нимь, ечевилно, по указаніямъ того же Малиновскаго, полиція установила слѣжку. Однажды ко мнѣ явился дворникъ и, описавъ примѣты Свердлова, спросилъ, не находится ли тотъ въ моей квартирѣ. Конечно, я заявилъ, что ни-

кого постопонняго у меня нътъ.

Во всякомъ случав, скрываться у меня Свердлову было уже не безопасно. Мы рвшили въ этотъ же день перевести его куда-нибудь въ другое мъсто. Условившись заранъе со Свердловымъ, я и Малиновскій вечеромъ вышли на улицу, чтобы посмотръть, все ли безопасно. Кругомъ никого не было, мы зажгли папиросы — это былъ условленный сигналъ. Свердловъ отвътилъ тоже условнымъ сигналомъ — потушилъ свътъ и опустилъ раму. Переждавъ нъсколько минутъ, онъ вышелъ на дворъ. Мы помогли ему перелъзть черезъ заборъ, затъмъ, онъ одолълъ еще заборъ дровяного склада и вышелъ на набережную, гдъ ждалъ его заранъе нанятый избозчикъ. Заъхавъ къ Малиновскому, Свердловь оттуда пробрался къ Петровскому. Въ ту же ночь на квартиръ Петровскаго онъ былъ арестованъ. Оказывается, Малиновскій, такъ «хлопотавшій» о безопасности Свердлова, сообщилъ въ охранку по телефону адресъ човаго убъжища Свердлова.

Въ тъ же дни Малиновскій выдаль Сталина. Только что совершившій свой очередной побъть изъ ссылки, Сталинь скрывался и не показывался на улицъ. Полиція съ нетерпъніемъ ожидала перваго случая, когда онъвыйдеть на улицу. Случай этотъ скоро представился. Въ залъ Калашниковской биржи устраивался концертъ,

«сборь съ котораго долженъ былъ поступить на изданіе «Правды» и другія революціонныя цѣли. Такіе концерты обычно въ большомъ количествѣ посѣщались сочувствовавшей интеллигенціей и рабочими. Приходили туда и легально живущіе партійцы и даже нелегальные работники, въ шумѣ толны успѣвавшіе встрѣтиться и переговорить съ кѣмъ надо. Сталинъ рѣшилъ отправиться въ зданіе Калашниковской биржи. Малиновскому это было извѣстно, и онъ сообщилъ объ этомъ въ Департаментъ Полиціи. На нашихъ глазахъ Сталинъ былъ схваченъ охранникомъ въ тотъ же вечеръ въ одномъ изъ помѣщеній биржи.

Аресты Свердлова и Сталина — два примърл, до какой степени предательства дошелъ Малиновскій. Изърукъ въруки передаль онъ полиціи виднъйшихърабстниковъ нашей партіи, каждый побъть которыхъ изъссылки былъ сопряженъ съ невъроятнъйшими трудностями и съ исключительнымъ личнымъ героизмомъ и мужествомъ.

Взаимоотношенія Малиновскаго съ другими членами нашей фракціи съ самаго начала были неровными. Чрезвычайно тщеславный и честолюбивый, Малиновскій очень часто, при обсужденіи — казалось бы — незначительныхъ вопросовъ, выходилъ изъ себя, нервничалъ, впадалъ въ истерику. Со стороны членовъ фракціи это его поведеніе встръчало постоянный отпоръ. Въ результатъ у насъ происходили частыя тренія и конфликты, которые не могли не нарушать правильнаго хода фракціонной работы.

Одно изъ ръзкихъ столкновеній съ Малиновскимъ произошло въ фракціи за нъколько дней до его ухода изъ Думы. При обсужденіи вопроса, какъ реагировать на исключеніе на 15 засъданій депутатовъ лъвыхъ фракцій, Малиновскій настаиваль на необходимости бросить Думу и обратиться къ массамъ съ призывомъ къ немедленному революціонному выступленію. Несомнѣнно, что этотъ планъ Малиновскаго носилъ провокаціонный характеръ. Но надо думать, что, настаивая на такой формѣ реагированія противъ исключенія лѣвыхъ депутатовъ, Малиновскій одновременно подготовлялъ почву для своего ухода изъ Думы, такъ какъ къ этому момен-

ту, какъ оказывается, Департаментъ Полиціи уже ръпиль его убрать.

Зимой 1914 г. въ Министерствъ Внутреннихъ Дълъ произошли перемъны. Товарищемъ министра, въдающимъ жандармеріей и полиціей, былъ назначенъ небезызвъстный генералъ Джунковскій, бывшій московскій генералъ-губернаторъ. Назначеніе Джунковскаго повлекло за собой перемъны въ составъ Департамента Полиціи. Былъ убранъ директоръ Департамента Бълецкій и его помощникъ Виссаріоновъ. Взамънъ ихъ Джунковскій назначилъ своихъ людей. Съ уходомъ Бълецкаго положеніе Малиновскаго въ охранкъ пошатнулось. Джунковскій ръшилъ избавиться отъ Малиновскаго.

Самъ Джунковскій въ своихъ показаніяхъ объясниль, что онъ, молъ, не считалъ возможнымъ терпѣтъ такое «безобразіе», когда агентъ полиціи состоитъ членомъ Государственной Думы. Врядъ ли этому объясненюм можно повѣрить. Вѣрнѣе всего, та дѣятельность Малиновскаго, которую онъ долженъ былъ волей-неволей вести, какъ членъ фракціи, все же представлялась опасной для полиціи. Съ другой стороны, возможно, здѣсь играли роль и обычныя «вѣдомственныя» соображенія. Новое начальство, какъ это часто бывало, хотѣло скомпрометировать всю работу своихъ предшественниковъ и показать видъ, что оно устанавливаеть новый курсъ.

По распоряженію Джунковскаго, начальникъ охраннаго отділенія предложиль Малиновскому выйти изъсстава членовъ Думы и немедленно убхать за границу. Предъ отъбздомъ онъ получиль отъ полиціи 6.000 р. въ

родь, такъ сказать, выходного пособія.

Въ Думѣ единственный, кто зналъ истинныя причины ухода Малиновскаго, былъ Родзянко. По словамъ Родзянко, дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ. Утромъ въ день опубликованія деклараціи вернувшихся послѣ исключенія лѣвыхъ депутатовъ, къ Родзянко кто-то позвонилъ по телефону, и сообщилъ ему текстъ деклараціи, который лѣвыя фракціи держали въ секретѣ. Родзянко рѣшилъ выяснить, въ чемъ дѣло. Тогда Джунковскій разсказалъ ему, что Малиновскій — агентъ охраннаго отдѣленія и, что въ Департаментѣ Полиціи уже рѣшено его убрать. Эти свѣдѣнія Родзянко скрылъ отъ Думы, не сказавъ объ этомъ никому изъ депутатовъ. Такимъ

образомъ причины ухода Малиновскаго долгое время такъ и оставались тайной.

Послѣ своего ухода изъ Думы и поѣздки заграницу Малиновскій совершенно пропаль съ горизонта. Въ началѣ войны онъ былъ мобилизованъ и вскорѣ же попалъвъ германскій плѣнъ. Оттуда вернулся въ Россію уже послѣ революціи. Онъ былъ обнаруженъ и арестованъ.

5 ноября 1918 г. въ Москвъ надъ Малиновскимъ состоялся судъ Революціоннаго трибунала. Многочисленныя показанія свидътелей, въ томъ числъ главныхъ руководителей царской полиціи (Бълецкаго, Виссаріонова, Джунковскаго, Золоторева, Макарова и др.), а также цълый рядъ документовъ и личныхъ расписокъ Малиновскаго, извлеченныхъ изъ нъдръ охранки, нарисовалъ отвратительную картину его предательства.

Жизнь Малиновскаго являлась сплошнымъ клубкомъ преступленій. Всѣ свои способности, свой умъ, волю, провокаторъ использоваль только для одной цѣли какъ можно дороже продаться, какъ можно больше нанести вреда освободительному движенію рабочаго класса. Стараясь расшатать всю организацію въ цѣломъ, Малиновскій не гнушался мелкими предательствами, выдавая отдѣльныхъ революціонныхъ работниковъ, тѣхъ самыхъ, съ которыми онъ наканунѣ сговаривался о работѣ партіи.

На судъ, гдъ дъятельность провокатора была освъщена съ достаточной полнотой, Малиновскій, конечно, не могъ отрицать своего преступленія. Онъ избраль другой способъ защиты. Въ своихъ показаніяхъ и въ ръчи передъ трибуналомъ Малиновскій пытался доказать, что онъ сталъ провокаторомъ потому, что запутался въ сътяхъ охранки. Исторію своей провокаціи Малиновскій изображаль какъ огромную личную трагедію, сопровождавщуюся мученіями и терзаніями совъсти, — какъ тупикъ, куда онъ былъ загнанъ и откуда у него не было никакого выхода. Но тутъ же сбивалсь съ этого положенія, онъ признавался: «... на первое предложеніе я не могъ не согласиться, и не потому, что я этого не переживаль, а просто я не хотълъ потому, что я не видълъ

возможности справиться съ той двойственной ролью, которую я долженъ былъ нести. Когда же, какъ говорилъ на судъ Малиновскій, охранка пригрозила ему разоблаченіемъ его уголовнаго прошлаго, онъ сразу согласился стать провокаторомъ. Тутъ — уже для меня вопросъ былъ совершенно ръшенный, тутъ уже я не колебался ни въ чемъ, ни вопроса объ угрызеніи совъсти у меня не было...»

Несмотря на позу истиннаго самобичеванія, которую заняль Малиновскій на судѣ, и туть, въ самую рѣшительную минуту своей жизни, онъ лгаль. По показаніямь руководителей московской охранки, которые врядъ ли имѣли основаніе искажать истину, Малиновскій самъ при первомъ же допросѣ послѣ ареста заявиль, что желаеть дать откровенныя показанія начальнику охраннаго отдѣленія. И, наконецъ, есть свѣдѣнія, что еще за два-три года передъ этимъ Малиновскій добровольно совершиль свой первый доносъ въ петербургскую охранку.

Такъ же, какъ и по вопросу о началъ своего провокаторства, Малиновскій лгаль на суді объ обстоятельствахъ, заставившихъ его уйти изъ Государственной Думы. Онъ доказывалъ, что ущелъ изъ Думы, переживая величайшую личную трагедію, онъ добился отъ Департамента Полиціи разръшенія сойти со сцены, уйти одновременно и отъ политики и изъ охранки... «Не буду говорить, какъ это было, это не важно, но важно, что я получилъ отъ Бълецкаго согласіе на уходъ... Джунковскому я категорически заявиль, что мой уходь изъ Думы быль не по приказанію кого-нибудь, а потому, что создались условія, при которыхъ я никоимъ не могъ исполнять своихъ функцій по цізлому ряду причинъ моральнаго характера и по цёлому ряду другихъ». Намъ извъстно, какія дъйствительно причины заставили уйти Малиновскаго. Онъ не только не просилъ «освободить» его отъ охранки, а наоборотъ, когда съ приходомъ Джунковскаго его положение пошатнулось, Малиновский упрашиваль уже ушедшаго въ отставку Бівлецкаго помочь въ возстановленіи его связей съ Департаментомъ Полиніи.

Ложь въ показаніяхъ Малиновскаго была такъ же разсчитана, какъ вся занятая имъ передъ судомъ поза искренняго раскаянія и признанія тяжести, совершен-

ныхъ имъ преступленій. Онъ самъ говорилъ, что другого приговора, кромѣ высшей мѣры наказанія, онъ не ждеть. Но, говоря такъ, Малиновскій, несомнѣнно, думаль, что этими словами онъ купитъ себѣ какое-то снисхожденіе. Несомнѣнно, что и самое возвращеніе его въ Россію послѣ революціи объяснялось надеждой Малиновскаго на то, что добровольная явка какъ-нибудь спасеть его отъ неминуемой участи. Это была послѣдняя ставка авантюриста. Судъ революціи не могъ простить его неизгладимыхъ преступленій передъ рабочимъ классомъ. Революціонный трибуналъ приговорилъ Малиновскаго къ разстрѣлу.

Малиновскій быль и остается въ исторіи какъ одинь изъ самыхъ крупныхъ провокаторовъ и предателей. Для насъ, однако, важны не столь сама преступная личность Малиновскаго, для которой нътъ никакого оправданія, сколько тотъ объективный вредъ, который онъ нанесъ дъ-

лу революціонной борьбы.

Въ дълъ Малиновскаго есть однако одинъ моментъ, показывающій, что дъятельность Малиновскаго имъла и обратную, вредную для царскаго правительства сторону. Въ двойственной игръ, которую велъ Малиновскій, вторая его роль, какъ члена большевицкой фракціи, заставляла Малиновскаго выступать съ думской трибуны съ революціонными ръчами, вести соотвътствующую агитацію и т. д. Въ тотъ періодъ въ каждый данный моментъ эта дъятельность давала нужный для нее результатъ. Волей-неволей царское правительство лило воду на мельницу революціи.

Въ своихъ собственноручно написанныхъ показаніяхъ по дѣлу Малиновскаго, В. И. Ленинъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ положеніе, создавшееся для полиціи въ связи съ провокаторствомъ Малиновскаго.

«Ясно, что проводя провокатора въ Думу, устраняя для этого соперниковъ большевизма и т. п., охранка руководилась грубымъ представленіемъ о большевизмѣ. Я бы сказалъ — лубочной карикатурой на него: большевики-де будутъ «устраивать вооруженное возстаніе». Чтобы имѣть въ рукахъ всѣ нити этого подготовляемаго возстанія — съ точки зрѣнія охранки — пойти на все, чтобы провести Малиновскаго въ Госуд. Думу и въ Ц.К.

А когда охранка добилась и того и другого, то окавалось, что Малиновскій превратился въ одно изъ звеньевъ длинной и прочной цѣпи, связывавшей (и при томъ съ разныхъ сторонъ) нашу легальную базу съ двумя крупнѣйшими органами воздѣйствія партіи на массы, именно съ «Правдой» и съ думской с.-д. фракціей. Оба эти органа провокаторъ долженъ былъ охранять, чтобы оправдать себя передъ нами.

Оба эти органа направлялись нами непосредственно, ибо я и Зиновьевъ писали въ «Правду» ежедневно, а резолюціи партіи опредѣляли цѣликомъ ея линію. Воздѣйствіе на 40—60 тысячъ рабочихъ было так. обр. обезпечено. Тоже и съ думской фракціей, въ которой особенно Мурановъ, Петровскій, Бадаевъ, работали все болѣе независимо отъ Малиновскаго, расширяли свои связи. воздѣйствовали сами на широкіе слои рабочихъ»

2. Ръчь Малиновскаго въ Государствениой Думъ.

15 ноября 1912 г. собралась 4 Госуд. Дума. Всего было 442 депутата, соц.-демократовъ — 14, изъ нихъ большевиковъ — 6. 5 декабря была прочитана въ Думь правительственная декларація. На нее отъ имени соц.-демокр. отвъчаль правымъ Малиновскій. Его ръчь предварительно была одобрена въ Краковъ Ленинымъ, въ думской соціалъ-демократической фракціи большевиками и меньшевиками и въ Департаментъ Полиціи — ел директоромъ Бълецкимъ.

Когда Малиновскій произносиль свою рычь вь Гос. Думь, то вь министерской ложь его слушаль Бълец-кій, руководившій его провокаторской дъятельностью.

Правительственную декларацію въ 4-ой Думѣ огласилъ 5 декабря 1912 г. предсѣдатель совѣта министровъ Коковцовъ. Его сопровождали всѣ царскіе министры и высшіе правительственные чиновники, сплэшь заполнившіе министерскую ложу. Парадъ дополнялся полнымъ составомъ президіума на думской трибунѣ, переполненными ложами и хорами для публики, присутствіемъ иностранныхъ пословъ съ своими свитами и т. д.

Коковцовъ началъ съ похвалъ 3-ей Думъ, которая за пять лътъ пропустила двъ съ половиной тысячи всякато рода законовъ. Такое похвальное поведене предшествовавшей Думы ставилось въ примъръ и 4-ой Думъ, отъ которой правительство ожидало, очевидно, полобной же склонности къ законодательной вермишели. Затъмъ

предсъдатель совъта министровъ перешель къ перечисленію реформъ, которыми правительство собиралось облагодътельствовать страну. Во всъхъ областяхъ управленія правительство объщало произвести «крупныя» преобразованія: по части мъстнаго земскаго самоуправленія — укръпленіе и улучшеніе «полицейскаго» строя въ качествъ обезпеченія неприкосновенности личности — упрощеніе паспортныхъ формальностей, введеніе болъе строгаго закона о печати; по народному просвъщенію — поддержка и обезпеченіе церковно-приходскихъ школъ и усиленіе школьной инспекціи и т. д. Коковцовъ закончиль свою ръчь призывомъ къ Государственной Думъ приступить къ обсужденію предлагаемыхъ ей законопроектовъ, «безъ партійныхъ предубъжденій въ согласномъ стремленіи всъхъ работать на пользу всъмъ намъ одинаково дорогого отечества». Въ переводъ на общепонятный языкъ, Думу призывали ставить штамиъ на всъхъ предложеніяхъ царскаго правительства и не мъшать ему вести свою политику.

Отвътныя ръчи на декларацію правительства начались 7 декабря и продолжались въ теченіе нъсколькихъ думскихъ засъданій. Наша отвътная декларація была

оглашена въ первый же день преній.

На выработку деклараціи с.-д. фракція затратила вначительное количество времени. Подготовка къ ней началась еще до открытія Думы, съ первыхъ же засѣданій послѣ организаціи фракціи. Задача деклараціи была чрезвычайно отвѣтственна: она должна была выявить основныя требованія рабочаго класса и изложить программу его передового отряда — соціаль-демократической партіи. Совершенно естественно, что при обсужденіи проекта деклараціи рѣзко столкнулись позиціи большевицкой и меньшевицкой фракціи. Фракція выступила отъ имени всей соціаль-демократіи, а между тѣмъ программныя противорѣчія въ это время уже были чрезвычайно обострены. При такомъ положеніи выработка единой деклараціи с.-демократической фракціи представляла огромныя трудности и вылилась въ напряженную борьбу между нашей большевицкой группой и делутатами-меньшевиками.

Выступать съ деклараціей, по предложенію меньшевиковь, было поручено зам'єстителю предс'ядателя фракціи Малиновскому. Со стороны меньшевиковъ это было тактическимъ ходомъ. Поручая огласить заран'я и точно разработанную декларацію большевику, меньшевицкая группа разсчитывала въ будущемъ отыграться на этомъ и вознаградить себя съ лихвой на другихъ выступленіяхъ. Посл'я небольшой вступительной р'ячи Малиновскій огласилъ сл'ядующій тексть деклараціи. Приводимъ ее по стенографическому отчету:

«Выступая на трибуну 4-ой Государственной Думы, соціаль-демократическая фракція заявляеть, что ея дъятельность будеть неразрывно связана съ дъятельностью соціаль-демократическихь фракцій прежнихь созывовъ. Россійская соціаль-демократія является отрядомъ меарміи соціалистическаго пролетаріата. ждународной Обостреніе классовыхъ противоръчій въ современномъ обществъ усиливаетъ классовую борьбу въ немъ. Все учащаются боевыя схватки могильщиковъ современнаго общества, — класса наемныхъ рабочихъ, — съ господами положенія — классомъ капиталовъ. Все шире, интенсивнъе и грандіознъе становится эта борьба, отъ побъды къ побѣдѣ идетъ международный пролетаріать. близится время его последней победы, — осуществленіе соціализма.

Наши предшественники во всъхъ трехъ Думахъ энергично выступали притивъ милитаризма, и въ полномъ согласіи съ ними и соціалистическимъ интернаціоналомъ, мы, стоя въ настоящее время лицомъ къ лицу съ разгоръвшимся на Балканахъ пожаромъ, отъ имени россійскаго пролетаріата, со всей энергіей протестуемъ противъ попытокъ господствующихъ реакціонныхъ и либеральныхъ классовъ Россіи — втянуть Россію въ войну подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Мы присоединяемся къ соціалистическому конгрессу въ Базелъ и одновременно объявляемъ войну войнъ...» (Справа шумъ и голоса: «довольно!»).

Предсъдатель. Членъ Государственной Думы Малиновскій, благоволите держаться въ предълахъ деклараціи и не касаться тъхъ декларацій, которыя сюда не относятся. Держитесь въ предълахъ вопроса.

Малиновскій. ... Это есть декларація соціаль-демократической фракціи. «Соціаль-демократическая фракція вполнѣ понимаеть и сочувствуєть стремленіямь балканскихь народовь освободиться оть опеки великихь державь, господствующіє классы которыхь, вь своихъ корыстныхь цѣляхь, стараются увѣковѣчить культурную, экономическую и политическую отсталость и раздробленность балканскихъ народностей.

Но мы, вмъстъ со всъми балканскими соціалистами, съ негодованіемъ отвергаемъ политику династическихъ и хищническихъ интересовъ балканскихъ реакціонеровъ, связывающихъ исторически необходимое дѣло возрожденіе Балканъ съ кровавой бойней. Такой путь способенъ только ослабить силу сопротивленія эксплуатируемыхъ народныхъ массъ на Балканахъ и привести къ еще большему укръпленію милитаризма, служащаго... (шумъ справа, звонокъ предсъдателя) ...въ рукахъ господствующихъ классовъ всъхъ странъ орудіемъ для усиленія эксплуатаціи и угнетенія трудящихся массъ.

Привътствуя усилія пролетаріевь балканскихъ государствъ прекратить кровопролитіе и разръшить балканскій вопросъ путемъ созданія балканской федеративной демократической республики, мы заявляемъ, что нигдъ... (шумъ справа, звонокъ предсъдателя) ...ни на Балканахъ, ни въ Персіи, ни на Дальнемъ Востокъ нътъ такихъ интересовъ трудящихся классовъ Россіи, которые оправдывали бы вооруженное столкновеніе.

Поэтому мы протестуемъ противъ захватной политики русскаго правительства и заявляемъ, что всякія внѣшнія авантюры и, связанное съ ними усиленіе ужасовъ милитаризма, способны лишь усилить раззореніе и порабощеніе народовъ Россіи и затруднить не рѣшенные послѣ 1905 года самыя насущныя задачи политическаго раскрѣпощенія страны. Эта очередная задача стала еще настоятельнѣе и острѣе послѣ пятилѣтняго существованія третьей Государственной Думы, гдѣ правящая бюрократія какъ правительства паразитическихъ элементовъ и помѣщичьихъ капиталистическихъ группъ нашла себѣ, благодаря перевороту з іюня, послушныхъ сотрудниковъ вълицѣ третьедумскаго большинства; еще большить усиліемъ народнаго разоренія и безправія оказалось это сотрудничество.

Земельная политика бюрократін и третьедумскаго большинства обострила безземеліе крестьянскихъ массъ, ихъ сословную порабощенность и внесла разореніе и анархію въ жизнь русской деревни. Финансовая политика, по прежнему, покоится на истощающихъ населеніе косвенныхъ налогахъ, пьяномъ бюджетъ и еще болъе прежняго сводится къ наполненію кармановъ господствующихъ группъ и къ расходованію свыше трехмилліарднаго бюджета на непроизводительныя цъли. Вся экономическая политика стала колоссальнымъ тормазомъ для развитія производительности страны.

Возросшая дороговизна жизни тяжелымъ гнетомъ ложится на массы городского населенія. Правительство, поддержанное третьедумскимъ большинствомъ, съ одной стороны, парализовало силы населенія въ борьбѣ съ этими бѣдствіями, подавляя всякую попытку къ самодѣятельности, съ другой — еще больше обострило гнетъ дороговизны, покровительствуя организаціямъ капитала, усиливающимъ эксплуатацію потребителей. На рабочій классъ обрушивается безконечная цѣпь преслѣдованій его организацій — политическихъ, профессіональныхъ, кооперативныхъ и другихъ, въ то время какъ боевыя организаціи крупныхъ капиталовъ пользуются полнымъ просторомъ.

Вырванное напоромъ рабочаго движенія признаніе необходимости страхованія рабочихъ осуществлено третьей думой въ видѣ законовъ, которые, не улучшая нынъшнее положеніе рабочихъ массъ, во многихъ отношеніяхъ дѣлаютъ шагъ назадъ по сравненію съ фактически дъйствовавшимъ страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ и врачебной помощи рабочимъ.

Въ области государственнаго устройства торжествующая реакція продолжаетъ идти по пути з іюня 1907 года, послѣ того, какъ большинство, созданное актомъ з іюня, Думы привѣтствовала этотъ актъ. За большимъ государственнымъ переворотомъ послѣдовалъ рядъ малыхъ: нарочитый роспускъ думы на три дня, массовыя разъясненія избирателей, особенно еврейскихъ, безконечная цѣпь ухищреній при дѣланіи выборовъ въ 4-ую Думу; сенатское разъясненіе, пытающееся упразднить свободу слова съ думской трибуны. Система политическаго провока-

торства остается однимъ изъ главныхъ устоевъ правительственной политики.

Однимъ изъ преступнъйшихъ актовъ провокаціи былъ заговоръ противъ соціалъ-демократической фракціи второй Государственной Думы (голосъ справа: «довольно»), призванный служить дълу государственнаго переворота з іюня 1907 года. Третья Дума, созданная этимъ переворотомъ, конечно, одобрила этотъ актъ правительственной провокаціи.

Произволъ центральной и мъстной администраціи превышаєть теперь все испытанное Россіей до 1905 г. Въ переполненныхъ политическими плънниками реакціи тюрьмахъ, они подвергаются такимъ издъвательствамъ, пыткамъ и актамъ варварской мести, которыя были не мыслимы въ «доконституціонное» время. Мы стали очевидцами такихъ преступленій правительства, какъ массовый разстрълъ ленскихъ рабочихъ въ угоду ихъ беззастънчивыхъ эксплуататоровъ. И весь этотъ безграничный произволъ находилъ себъ неизмънное одобреніе большинства третьей Думы.

То же большинство довело до пышнаго расцвѣта систему натравливанія одной національности на другую. (Голоса справа: «наказъ!» Чхеидзе съ мѣста: «Да, наказъ о рабочихъ») съ тѣмъ, чтобы легче было раздѣлаться со всѣми ними. Особенно дикую форму приняла травля еврейской народности; для этого не постѣснялись сдѣлать попытку возстановить легенду мрачнаго средневѣковья, пустивъ въ ходъ кровавый навѣтъ о ритуальныхъ убійствахъ. Этой цѣли были призваны служить всѣ органы власти, вплоть до щегловитовскаго суда».

ганы власти, вплоть до щегловитовскаго суда».

Предсъдатель. Членъ Государственной Думы Малиновскій, я просиль бы Васъ говорить своими словами, а

не читать.

Малиновскій. «Это декларація... (справа смѣхъ и рукоплесканія. Голоса слѣва: «Просимъ!» Звонокъпредсѣдателя). ... Активное содѣйствіе третья Дума оказала правительству въ его стремленіи разрушить финляндскую конституцію и въ его насильственной русификаторской политикѣ на окраинахъ, которая по отношенію къ Польшѣ нашла свое яркое проявленіе въ отторженіи Холмщины.

При поддержкъ 3-ей Думы развернулась во всю варварская система министерства Кассо, разгромившая выслую школу и установившая казарменную атмосферу въсредней и низшей школъ; наконецъ, полицейскій гнетъсталъ душить печать, какъ никогда, особенно же рабочую. Вся эта разрушительная противонародная политика, точно мертвая петля, душитъ страну. Россія шла бы навстръчу разложенію и гибели, если бы не движеніе живыхъ силъ народа...»

Предсъдатель. Членъ Государственной Думы Малиновскій, я вновь обращаю Ваше вниманіе на § 140 наказа, который чтеніе ръчей не допускаеть, а разръшаеть

пользоваться краткими заметками и выдержками.

Малиновскій. «Въ своей рѣчи я держался очень краткихъ замѣтокъ, а это заявленіе.

Предсъдатель. Членъ Государственной Думы Малиновскій, покорнъйше прошу съ предсъдателемъ не спо-

рить.

Малиновскій (читаеть): «... разсвивая атмосферу общественной реакціи и вовлекая въ борьбу съ третьеіюньскимъ режимомъ тв слои населенія, которые не принадлежать къ лагерю контръ-революціи, своими массовыми забастовками противъ ленскихъ разстрвловъ и смертныхъ приговоровъ, своимъ протестомъ противъ травли
инородцевъ и политики военныхъ авантюръ, первомайской забастовкой и борьбой за свободу своихъ организацій, свидвтельствуютъ о томъ, что волна рабочаго движенія растеть, и близится время, когда рабочій классъ во
главъ новаго освободительнаго движенія народныхъ
массъ выступить за полную демократизацію государственнаго строя.

Учитывая, съ одной стороны, чреватое тяжелыми послѣдствіями положеніе, созданное въ странѣ господствомъ дворянско-плутократической клики, а съ другой стороны — наростающую волну рабочаго движенія, соціалъ-демократическая фракція 4-ой Государственной Думы будеть, исходя изъ соціалъ-демократической программы, согласовать свои дѣйствія съ выдвинутыми движеніемъ рабочихъ массъ очередными задачами».

Предсъдатель. Членъ Государственной Думы Малиновскій, § 143 наказа требуеть подчиненія оратора указаніямъ предсъдателя. Прошу Вась не пользоваться та-

кимъ исключительнымъ чтеніемъ вашей рѣчи. (Голоса слѣва: «просимъ!» Степановъ съ мѣста: «онъ документъчитаетъ, а не рѣчь». Справа смѣхъ).

Малиновскій. «Въ интересахъ представляемаго нами рабочаго класса мы будемъ отстаивать введеніе 8-мичасового рабочаго дня, широкаго рабочаго законодательства и государственнаго страхованія рабочихъ отъ болъзней, несчастныхъ случаевъ, инвалидности, старости и безработицы, а такъ же страхованія материнства для всъхъ категорій трудящихся за счеть государства и предпринимателей и съ гарантіей полнаго самоуправленія страхуемыхъ.

Отстаивая всѣ эти требованія, соціаль-демократическая фракція будеть д'виствовать съ твердымъ сознаніемъ своего права говорить прежде всего отъ имени многомилліонной массы рабочихъ, которая, разрушая всъ цейскія преграды, неизм'єнно посылала во всі Думы только соціаль-демократических депутатовь. Но, кром'в того, весь ходъ выборовъ въ 4-ую Государственную Думу даеть намъ полное основание заявить, что соціаль-демократія, представленная въ Государственной Дум'в немногочисленной фракціей, является въ странъ самой крупной изъ враждебныхъ современному порядку силъ, такъ какъ за соціаль-демократовь, кром' рабочихь, голосуеть, несмотря на самыя для насъ неблагопріятныя, условія, все большее количество городскихъ избирателей. На соціаль-демократію возлагають свои надежды угнетенныя народности; наконецъ, соціаль-демократій несомнънно принадлежитъ симпатія огромнаго большинства всвхъ твхъ, кого уродливый избирательный законъ вовсе не допускаеть къ избирательнымъ урнамъ. Защита всвхъ декомратическихъ слоевъ населенія возлагается на партію рабочаго класса, кром' того, еще и ненадежностью и анти-демократическимъ духомъ либеральной буржуазін въ Россін.

Чувствуя и поддерживая свою органическую связь съ рабочимъ классомъ, стоящимъ во главъ движенія всъхъ демократическихъ слоевъ населенія, соціалъ-демократическая фракція будетъ стараться своей думской работой поддерживать и расширять проявленія его организованной самостоятельности. Насъ не пугаетъ ни сложность, ни трудность стоящихъ передъ нами задачь. За

насъ непреложные законы общественнаго развитія». (Шумъ).

Предсъдатель. Членъ Государственной Думы Малиновскій, не читайте, пожалуйста, иначе я буду принуж-

денъ лишить Васъ слова.

Малиновскій. Лишайте! «Исходя изъ нихъ, мы предвидѣли революціонное движеніе 1905 г. и въ періодъ контръ-революціи предсказывали теперь уже начавшіяся новыя выступленія рабочаго класса за ближайшія требованія и конечную цѣль россійской соціалъ-демократіи. Эта твердая увѣренность вселяеть въ насъ бодрость и въ 4-ой Думѣ работать для приближенія того часа, когда всенародное Учредительное Собраніе положить начало полной демократизаціи государственнаго строя Россіи и тѣмъ самымъ расчистить пролетаріату путь для борьбы за освобожденіе оть цѣпей наемнаго рабства, для борьбы за соціализмъ».

Оглашенная Малиновскимъ декларація не совпадала полностью съ выработаннымъ фракціей текстомъ. Стоя на трибунѣ и читая написанный тексть, Малиновскій выпустиль цѣлый большой обзацъ, въ которомъ заключалась критика Государственной Думы и требованіе полновластнаго народнаго представительства. Послѣ словъ: «соціалъ-демократическая фракціи 4-ой Государственной Думы будетъ, исходя изъ соціалъ-демократической программы, согласовать свои дѣйствія съ выдвинутымъ движеніемъ рабочихъ массъ очередными задачами», въ выработанномъ текстѣ деклараціи былъ слѣдующій пункть: «Въ противовѣсъ призрачной власти третьеіюльской

«Въ противовъсъ призрачной власти третьейольской Думы, превратившейся въ канцелярію для проведенія видовъ и намъреній бюрократіи, мы выдвинемъ требованіе полновластнаго народнаго представительства. Однимъ изъ серьезныхъ препятствій къ осуществленію демократической организаціи народнаго представительства является избирательный законъ з іюня. Противонародный характерь этого закона, его роль орудія въ рукахъ бюрократіи для испытанія воли народа, для замъны выборныхъ депутатовъ назначенными свыше, съ необычайной яркостью сказался при выборахъ въ 4-ую Государственную Думу, когда бюрократія могла по своему получить большинство депутатовъ, выбранными 7 тысячами отко-

мандированных къ урнамъ чиновниковъ саблеровскаго въдомства. Въ противовъсъ этому избирательному закону с.-демократическая фракція будетъ добиваться всеобщаго и равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и религіи».

Кромъ этихъ фразъ, Малиновскій пропустиль и нъсколько послъдующихъ строчекъ въ текстъ деклараціи.

На наши вопросы Малиновскій отвъчаль, что онь самъ не знаеть, что съ нимъ произошло, и самъ не можеть понять, какимъ образомъ онъ выпустилъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ деклараціи. Мы объяснили этоть поступокъ тѣмъ волненіемъ, которое испытываль Малиновскій, выступая первый разъ съ думской трибуны. Очевидно, на него подъйствовала вся обстановка думскаго зала, окрики предсъдателя и враждебные выкрики съ правыхъ скамей. Это объясненіе казалось намъ въ то время вполнѣ правдоподобнымъ, тъмъ болѣе, что мы сами по себъ знали, какія трудности приходилось преодолъвать при первомъ выступленіи съ трибуны.

Истина выяснилась только впоследствіи, когда провокаторская роль Малиновскаго была разоблачена и когда рядь обнаруженныхъ документовъ и подробное слъдствіе выяснили всю картину его предательства. Тексть деклараціи Малиновскій, оказывается, заранве показаль директору Департамента Полиціи Бълецкому, который въ свою очередь познакомиль съ нею министра внутреннихъ дълъ Макарова. Декларація вызвала большое замъщательство среди руководителей полицейскаго въдомства, предложившихъ Малиновскому внести иѣлый «смягчающихъ» поправокъ. Малиновскій, боясь вызвать подозрѣнія съ первыхъ же дней думской работы, всячески отказывался и въ концъ концовъ согласился выпустить лишь одинь, наиболье безпоконвщій полицію, пункть о «народоправствъ». Это и было продълано Малиновскимъ, воспользовавшимся тъмъ, что какъ разъ передъ этимъ пунктомъ Родзянко сделалъ ему очередное замъчаніе. Какъ бы впоныхахъ, послъ окрика предсъдателя, Малиновскій, перелистывая, «пропустиль» цълый кусокъ изъ лежавшей передъ нимъ рукописи деклараціи.

Отъ полиціи Малиновскій получилъ, кромѣ того, директиву вести себя на трибунѣ наиболѣе раздражаю-

щимъ предсъдателя способомъ, чтобы Родзянко въ концъ концовъ лишилъ его слова. Однако, Малиновскій, очевидно, не сумълъ этого сдълать, и Родзянко такъ и не понялъ сигнала Малиновскаго, крикнувшего въ отвътъ на предупрежденіе предсъдателя о лишеніи его слова: «Лишайте!» Декларація, хотя и съ изъянами, была дочитана до конца.

Несмотря на провокацію Малиновскаго, декларація соціаль-демократической фракціи была оглашена съ думской трибуны полностью. Изъ стенограммы она была перепечатана въ «Правдѣ», по закону имѣвшей право опубликовать стенографическіе отчеты думскихъ засѣданій. Въ результатѣ текстъ деклараціи получилъ широкое распространеніе въ рабочихъ массахъ, къ жоторымъ она и была обращена. Требованія, которыя выдвигались въ деклараціи, ея критика черносотеннаго строя и царскаго правительства сыграли свою роль въ подъемѣ революціоннаго настроенія и въ усиленіи борьбы рабочаго класса противъ царизма.

3. Тайный съвздъ большевиковъ въ Краковъ (въ Австріи) съ участіемъ провокаторовъ.

Ленинъ принималъ активнъйшее участіе изъ Кракова въ выборахъ въ 4-ю Гос. Думу большевицкой эсъ-дековской фракціи. Посль выборовъ онъ присылалъ подробнъйшія инструкціи большевикамъ-депутатамъ для ихъ выступленій, какъ въ Думь, такъ и внъ ее. Во время перваго же перерыва засъданій въ Гос. Думь въ конць 1912 г. всъ большевицкіе депутаты (вмъсть съ Малиновскимъ) ъздили въ Краковъ на совъщаніе съ Ленинымъ и присутствовали тамъ на засъданіяхъ Центральнаго Комитета. Возвращаясь въ Россію депутаты получили отъ Ленина обстоятельныя инструкціи для работы въ Гос. Думъ. Нъкоторыя ръчи, произнесенныя въ Гос. Думъ Петровскимъ, Бадаевымъ и др., были всецъло составлены въ Краковъ Ленинымъ.

Выборы въ Думу осенью 1912 г., начало работы, а затъмъ вся послъдующая дъятельность нашей шестерки проходили подъ непосредственнымъ руководствомъ тов. Ленина. Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ онъ прислушивался ко всъмъ настроеніямъ рабочихъ во время выборовъ, слъдилъ за нелегальными предвыборными собраніями, посылалъ свои директивы и указанія, направлялъ избирательную кампанію «Правды» и т. д. Въ редакцію газеты онъ посылалъ статью за статьей, въ которыхъ призывалъ рабочихъ отдать свои голоса большевикамъ и разоблачалъ закулисную борьбу ликвидаторовъ.

Сразу послѣ выборовъ, какъ только рабочіе депутаты съвхались въ Петербургъ, Владиміръ Ильичъ тится объ организаціи фракціи, интересуется каждымъ депутатомъ въ отдъльности, подытоживаетъ результаты избирательной компаніи, выясняеть, въ какой обстановкъ происходили выборы, съ какими наказами прівхали депутаты. Изъ Кракова была прислана спеціальная кета для избранныхъ отъ рабочихъ курій депутатовъ. Въ девятнадцати пунктахъ этой анкеты — подробные вопросы о ходъ избирательной кампаніи и о самихъ бранныхъ въ Думу рабочихъ депутатовъ. Анкета чрезвычайно подробно останавливалась на степени участія рабочихъ въ выборахъ, причинахъ недостаточной явки на избирательныя собранія, бойкотистскихъ настроеніяхъ. распространени предвыборной литературы, бахъ составленія кандидатскихъ списковъ, спорахъ собраніяхъ, составъ уполномоченныхъ, выступленіяхъ другихъ политическихъ партій, репрессіяхъ во время выборовъ и т. д. Вопросы касались всъхъ сталій выборовъ. начиная отъ избранія уполномоченныхъ и кончая выборами депутатовъ, при чемъ здъсь выяснились отношенія съ выборщиками отъ другихъ курій, въ особенности отъ крестьянъ. Параллельно съ этимъ ставились вопросы, отвъты на которые должны были выяснить рядъ моментовъ партійной работы — устройство нелегальныхъ собраній, распространеніе газеты и подпольныхъ ній, степень вліянія большевиковъ и ликвидаторовъ цёлый рядъ другихъ аналогичныхъ вопросовъ.

Владиміръ Ильичъ просиль, чтобы каждый депутать, не ограничиваясь одними формальными отвътами, связно разсказаль о своемъ избирательномъ районъ, описаль все, что происходило на выборахъ. «Только пусть не ставятъ офиціально во фракціи. Пойдетъ только волокита и склока. Пусть сдълають сами и поскоръе», пи-

салъ Владиміръ Ильичъ.

По мъръ развитія дъятельности фракціи, связь нашей шестерки съ ЦК и въ первую очередь съ Владиміромъ Ильичемъ все болъе укръплялась. Въ Краковъ посылались различные матеріалы, сообщенія, информаціи; оттуда въ свою очередь депутаты-большевики получали разработанные матеріалы, литературу, тезисы для выступленій, указанія по отдѣльнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ процессѣ работы и т. д. Эта связь осуществлялась и шифрованными письмами, и черезъ нелегально переходившихъ границу и пріѣзжавшихъ въ Петербургъ партійныхъ товарищей, и всяческими другими способами. Для сношеній и мы и ЦК использовали каждый удобный случай. Связь эта, конечно, была строго законспирирована. Такъ, въ перепискѣ фамиліи никогда не назывались: вмѣсто фамиліи ставились условные номера или партійныя клички. Я проходилъ подъ №1, Малиновскій — № 3, Петровскій — № 6, Самойлевъ — № 7, Я. М. Свердловъ въ перепискѣ назывался Андреемъ, Й. В. Сталинъ — Василіемъ и т. д. Клички и номера мѣнялись въ случаѣ подозрѣній, что охранка догадывается, къ кому они относятся.

Какъ видно теперь изъ архивныхъ матеріаловь, охранка при слъжкъ, въ свою очередь именовала насъкличками, которыя въ разныхъ районахъ были различны. Такъ, Петровскій на Украинъ назывался «Пройдоха», а въ Петербургъ — «Осетръ», Мурановъ — «Мурый» и «Газетный», Шаговъ — «Лещъ» и «Шуйскій», Н. В. Крыленко въ донесеніяхъ полиціи назывался — «Номерной», Е. Ф. Розмировичъ — «Кіевская» и т. п.

Охранка широко пользовалась системой перлюстраціи писемь. Существовавшій при главномь почтамтѣ «черный кабинеть» (отдѣль, занимающійся вскрытіемь и перлюстраціей писемъ) просматриваль всѣ письма, адресованныя с.-демократическимъ депутатамъ. Почтой мы поэтому почти совсѣмъ не пользовались, а если пользовались, то по условнымъ адресамъ.

Наибольшій же матеріаль давали охранкъ провокаторы. То, что провокаторы нась окружали, мы, конечно, знали. Уличить ихъ однако было не такъ то легко. Поэтому мы соблюдали величайшую осторожность, проводя строжайшую конспирацію по всей линіи, съ верху донизу.

Каждое нарушеніе конспиративной техники уже само по себ'в вызывало подозр'внія, заставляло думать, не скрывается ли за этимъ какая-либо полицейская хитрость. Мн'в помнится одинъ характерный случай.

Рабочій Путиловскаго завода Киселевь, бывшій члеломъ партійной организаціи, однажды писаль мнв пспочтъ письмо съ предложениемъ поставить на разръщеніе Петербургскаго комитета какой-то вопросъ. Присылка письма обыкновеннымъ путемъ — почтой, да еще безъ соблюденія шифра, сразу же возбудила во мнъ подозръніе, что авторъ причастень къ охранкъ. Я довель этомъ до свъдънія Петербургскаго комитета и фракціи, и ръшено было взять Киселева на учетъ и воздержаться отъ сношеній съ нимъ. Впоследствіи основательность нашихъ подозрѣній оправдалась — Киселевъ провокаторомъ.

Конечно, не всегда удавалось во время поймать провокаторовъ. Они, со своей стороны, были наглухо законсоблюдали исключительную осторожспирированы и И все же надо сказать, что, какъ ни хорошо была организована полиція у царскаго правительства, какой бы освъдомленностью она ни обладала, наши сношенія съ партійными организаціями и въ первую очередь съ центральными органами партіи проходили большею частью внъ поля зрънія охранки и были хорошо прикрыты налаженой конспиративной техникой.

Переписка и сношенія черезъ третьихъ лицъ не давали, однако, возможности детально обсудить планы работы, не позволяли во всемъ объемъ ставить какъ думской, такъ и внъдумской дъятельности фракціи. Вмъсть съ тьмъ и для всего руководства представлялось необходимымъ опыть и мижнія рабочихь депутатовь, вокругь которыхь концентрировалась вся партійная работа внутри Россіи. твиь болве, что созывъ очередныхъ партійныхъ довъ, въ условіяхъ подполья, представляль колоссаль-

ныя трудности.

Уже до открытія Думы, какъ я указываль, быль поставленъ вопросъ о необходимости созыва за границей совъщанія, въ которомъ должны были принять участіе депутаты-большевики. На совъщани должна была быть установлена твердая революціонная линія работы депутатовъ, и совмъстно съ ЦК долженъ быть быль разработанъ планъ думской и внедумской деятельности части с -демократической фракціи. Съ другой стороны, зывъ совъщанія диктовался необходимостью выявить задачи большевиковъ въ связи съ новымъ подъемомъ революціоннаго движенія въ странв и положеніемъ внутри

партіи. Роль и значеніе сов'ящанія далеко вышли за рамки обсужденія д'ятельности большевиковъ. Сов'ящаніе по существу явилось очередной партійной конференціей, работа и р'яшенія которой явились крупными в'яжами въ исторіи нашей партіи и въ развитіи революціон-

ной борьбы рабочаго класса.

Мъстомъ совъщанія быль назначень гор. Краковъ въ Галиціи. Созывъ совъщанія совпаль съ рождественскими каникулами Государственной Думы, занятія которой были прерваны 15 (28-го) декабря 1912 г. Въ связи съ забастовкой въ Петербургъ и локаутомъ на фабрикъ Максвеля, мы не сразу могли выъхать изъ Петербурга. Острая борьба, которая разгорълась вокругъ локаута и забастовки у максвельцевъ, требовала присутствія въ городъ рабочихъ депутатовъ, въ особенности моегоприсутствія, какъ депутата отъ петербургскихъ рабо-

чихъ. Когда помощь забастовщикамъ была болѣе или менѣе налажена, притокъ денежныхъ сборовъ сталъ усиливаться и вокругъ забастовки была мобилизована вся пролетарская общественность, у насъ появилась возможность выѣхать въ Краковъ.

Начавшееся въ послъднихъ числахъ декабря совъщаніе закончилось въ первые дни новаго года. *) По конспиративнымъ соображеніямъ Краковское совъщаніе было названо февральскимъ и подъ этимъ наименованіемъ фигурировало въ печати и въ партійныхъ совъщаніяхъ. Въ совъщаніи, происходившемъ подъ предсъдательствомъ В. И. Ленина, кромъ депутатовъ участвовали: Надежда Константиновна Крупская, Г. Зиновьевъ, А. Трояновскій, Валентина Николаевна Логово, Е. Размировичъ и еще нъсколько товарищей, делегатовъ наъкрупныхъ рабочихъ центровъ. Изъ депутатовъ на Краковскомъ совъщаніи были Петровскій, Малиновскій, Шаговъ и я.

Со времени пражской конференціи, происходившей въ январъ 1912 г., прошель годъ. Этотъ годъ былъ годомъ бурнаго развитія революціоннаго движенія, выразившагося въ огромномъ ростъ политическихъ и экономическихъ стачекъ, въ массовыхъ демонстраціяхъ, созда-

^{*)} Краковское совъщание происходило съ 28-го декабря ст... стиля 1912 г. по 1-ое января 1913 г.

жін и укрѣпленіи рабочей печати и т. д. Внутри партіи за это время тоже произошли крупныя событія: рѣзкій разрывъ съ меньшевиками и обостренная борьба обѣихъ частей соціалъ-демократіи. Среди меньшевиковъ преобладали ликвидаторскія тенденціи, съ опредѣленной ясностью проглядывавшія даже въ рѣчахъ и формулировкахъ такъ называемыхъ меньшевиковъ-партійцевъ.

Борьба большевиковъ съ ликвидаторами усившно развивалась по всему фронту рабочаго движенія. Революціонная политика большевиковъ била меньшевиковъ по всей линіи. Выборы въ Государственную Думу, давшіе ръшительную побъду по рабочимъ куріямъ, были въ этомъ отношеніи чрезвычайно показательными. Они подтвердили прежде всего, что вліяніе большевиковъ среди широкихъ массъ—огромное, что рабочій классъ въ своей революціонной борьбъ, идетъ по большевицкому пути.

Первый мѣсяцъ работы думской фракціи показаль, что рабочіе депутаты ведуть правильную политическую линію. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно, что меньшевики ведуть и будуть въ дальнѣйшемъ вести упорную борьбу съ рабочими депутатами, которые противопоставляли фракціонному большинству подлинно революціонную тактику. Съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса меньшевики, въ первую же сессію 4-ой Государственной Думы успѣли надѣлать цѣлый рядъ ошибокъ. Эти ошибки, приносившія вредъ всему революціонному движенію, должны были быть рѣшительно осуждены.

Всѣ эти вопросы, занимавшіе большое мѣсто въ революціонной борьбѣ, стояли передъ Краковскимъ совѣщаніемъ, которое должно было дать директивы партіи на ближайшее время.

Совъщаніе, интенсивно проработавшее нъсколько дней, приняло цълый рядъ постановленій, въ которыхъ были разръшены многіе практическіе вопросы, была цана оцънка политическаго положенія въ Россіи и опредълена линія дальнъйшей борьбы рабочаго класса.

Краковское совъщаніе, признавая чрезвычайную важность единства, подчеркнуло, что это единство возможно лишь при условіи признанія нелегальной организаціи. Объединеніе соціалъ-демократовъ должно происходить «снизу — съ заводскихъ комитетовъ, районныхъ труппъ и т. д., съ провъркой товарищами рабочими на

дълъ, осуществляется ли признаніе нелегальной эрганизаціи и готовность поддержать революціонную борьбу и революціонную тактику».

Этимъ ръшеніемъ совъщанія еще разъ подтверждались ръшительное размежеваніе съ ликвидаторами меньшевиками и необходимость настойчивой борьбы съ ихъразлагающимъ вліяніемъ на рабочія массы.

«Единственно правильнымъ типомъ организаціоннаго строительства, — говорилось въ другой резолюціи совъщанія, — въ переживаемую эпоху является нелегальная
партія, какъ сумма партійныхъ ячеекъ, окруженныхъ
сътью легальныхъ и полулегальныхъ рабочихъ обществъ». Нелегальныя ячейки должны быть организаціонно приспособлены къ мъстнымъ и бытовымъ условіямъ.
Главной задачей является созданіе на фабрикахъ и заводахъ партійныхъ нелегальныхъ комитетовъ, съ одной руководящей организаціей въ каждомъ центръ.

Совъщаніе признало лучшей формой организаціи такую, которая существовала въ Петербургъ. Въ построеніи петербургскаго комитета сочетались принципъ выборности отъ районовъ съ принципомъ кооптаціи (привлеченія), что дѣлало ЦК, съ одной стороны, органомъ очень подвижнымъ и хорошо связаннымъ съ низовыми ячейками, а съ другой стороны — хорошо законспирированнымъ отъ преслъдованія полиціи. Вмъстъ съ тѣмъ выдвигалась необходимость организаціи областныхъ центровъ и система «довъренныхъ» лицъ для связи съ мъстными группами и Центральнымъ Комитетомъ. Принятая совъщаніемъ резолюція о строительствъ партіи устанавливала стройную систему партійной организаціи, кръпко спаянной и связанной по всей линіи съ низу до верху.

Однимъ изъ центральныхъ вопросовъ на совъщаніи былъ докладъ нашей думской с.-демократической фракціи. Работа фракціи была подвергнута внимательному и подробному обсужденію.

Резолюція Краковскаго сов'ящанія о думской с.-демократической фракціи содержала 9 пунктовъ. По конспиративнымъ соображеніямъ, въ партійной печати были опубликованы только первые шесть. Въ связи съ утерей всъхъ документовъ, относившихся къ краковскому совъщанію, возстановить эти три пункта до сихъ поръ не удалось. Тъмъ труднъе это сдълать больше, чъмъ черезъ пятнадцатилътній срокъ на память. Эти пункты относились и къ внъдумской дъятельности большевицкой шестерки, на которую совъщаніе возлагало цълый рядъ важныхъ задачъ по подпольной работъ нашей партіи. Совъщаніемъ былъ также поставленъ вопросъ о включеніи депутатовъ-большевиковъ въ составъ Центральнаго Комитета.

За тъ дни, которые мы провели въ Краковъ, обще и отдъльные вопросы шестерки обсуждались съ большой подробностью и въ бесъдахъ съ Владиміромъ Ильичемъ и съ другими товарищами, членами нашего загранична-го центра.

«Рабочіе депутаты, говориль В. И. Ленинь, — должны использовать думскую трибуну для агитаціонныхъ выступленій, для того, чтобы двигать впередъ революціонное движеніе въ странъ путемъ разоблаченій и царскаго правительства и всей фальши, такъ называемыхъ. либеральныхъ партій. Рабочаго депутата долженъ слышать весь рабочій классь Россіи». Но думскіе выступленія были только одной стороной работы фракцій. Большевицкая шестерка, какъ часть единаго партійнаго ивлаго, должна вести огромную работу внв Думы. Созданіе партійныхъ организацій, руководство ими, партійная печать, работа въ профессіональныхъ обществахъ все это является первъйшей обязанностью рабочихъ депутатовь, требующей отъ нихъ огромнаго напряженія и энергіи. Рабочій депутать должень находиться вь постоянной связи съ широкими массами, со всёми рабочими легальными и нелегальными организаціями, которыя должны видъть въ думцахъ-большевикахъ своихъ руководителей и организаторовъ въ революціонной борьбъ. Эта мысль настойчиво подчеркивалась въ бесъдахъ нами Владиміромъ Ильичемъ.

Въ частности, на меня, по настоянію т. Ленина, были возложены, помимо другой работы, обязанности по изданію «Правды». Владиміръ Йльичъ говорилъ мнѣ, что я долженъ взять это на себя, какъ петербургскій депутать, непосредственно связанный съ массами питерскихъ

рабочихъ. «Правда» имъетъ отнюдь не одни лишь воспитательныя и пропагандистскія задачи, а является важнъйшимъ организаціоннымъ центромъ. Моя обязанность, какъ подчеркивалъ Ильичъ, быть въ этомъ центръ.

Во время краковскаго совъщанія рабочими депутатами, совмъстно съ ЦК, подробно были разработаны всъотдъльные вопросы дъятельности большевицкой шестерки. Изъ Кракова мы вернулись, снабженные конкретными практическими указаніями. Не только была твердо опредълена линія всей дъятельности шестерки, но было установлено, кому и по какимъ вопросамъ выступать, какіе матеріалы подготовить, что дълать въ ближайшіе дни по внъдумской работъ и т. д.

Для насъ, рабочихъ депутатовъ, которымъ приходидилось вести работу въ чрезвычайно сложной и враждебной обстановкъ, живой обмънъ мыслей съ руководящимъ ядромъ нашей партіи, и въ первую очередь, конечно, съ Владиміромъ Ильичемъ, имълъ первостепенное значеніе. Владиміръ Ильичъ къ каждому депутату подходилъ индивидуально и сумълъ въ каждомъ изънасъ усилить во много разъ волю къ энергичной напряженной борьбъ.

Съ своей стороны и наше участіе въ совъщаніи сыграло значительную роль въ работь и ръшеніяхъ краковской конференціи. Намъ хорошо были извъстны всъ оттънки настроеній широкихъ пролетарскихъ массъ. Наши подробныя сообщенія дали возможность конференціи точно учесть эти настроенія и сдълать изъ нихъ соотвътствующіе выводы.

Послѣ возвращенія изъ Кракова всѣ рабочіе депутаты, воспользовавшись думскими каникулами, отправились въ объѣздъ районовъ, отъ которыхъ они были избраны. Этотъ объѣздъ имѣлъ цѣлью, кромѣ отчета за первую сессію думской работы, провести на мѣстахъ рѣшенія краковской конференціи и усилить работу мѣстныхъ нелегальныхъ ячеекъ.

Такого рода повздки, практиковавшіяся рабочими депутатами во время каждаго перерыва думскихъ засвдаданій, а иногда даже въ серединв сессіи, имвли огромное значеніе для оживленія рабочаго движенія на мвстахъ. Депутаты налаживали и закръпляли партійныя связи, организовывали новыя ячейки, вели огромную агитаціонную и пропагандистскую работу и въ свою очередь получали пожеланія и директивы рабочихъ избирателей. Во всъхъ наказахъ, привезенныхъ съ собой с.-демократическими депутатами, выдвигалось пожеланіе, чтобы они какъ можно посъщали свои районы и имъли съ ними какъ можно болье тъсную и кръпкую связь.

Надо сказать, что рабочимъ депутатамъ это вполнъ удавалось. На имя каждаго изъ насъ поступала ежедневно огромная корреспонденція съ мъстъ, въ которой была и подробная информація о томъ, что происходитъ въ томъ или иномъ пунктъ, и высказывались различныя пожеланія и требованія. Все это служило матеріаломъ для нашей думской работы, разрабатывалось и сводилось нами въ видъ очередныхъ вопросовъ правительству, критическихъ и обличительныхъ ръчахъ по правительственнымъ законопроектамъ и т. д.

Еще большій матеріаль давали личныя повздки рабочихъ депутатовъ. Эти повадки вызывали всегда особое безпокойство царской охранки. Не пустить депутата выбхать полиція никакъ не могла: такъ называемая депутатская неприкосновенность все же существовала даже и для рабочихъ депутатовъ. Но за то повздками депутатовъ полиція пользовалась, чтобы прослъдить тъхъ, съ къмъ они встръчались. Задолго до окончанія сессіи департаменть полиціи разсылаль всёмь губернаторамъ и всъмъ начальникамъ охранныхъ отдъленій распоряженія зорко следить за прівздомъ во «вверенныя имъ губерніи» революціонныхъ депутатовъ государственной думы. Перечислялись приметы и посыланаши фотографическія карточки. Такимъ образомъ, уже на станціи, гдъ высаживался рабочій депутатъ, его встръчалъ конвой изъ мъстныхъ «гороховыхъ пальто», которые неотступно следили за каждымъ его шагомъ.

Для большей увъренности, что депутатъ не скроется, петербургская охранка направляла своихъ филеровъ, сопровождавшихъ депутата, до того мъста, гдъ могла начаться слъжка мъстныхъ шпіоновъ. Петербургскій шикъ сдавалъ депутата провинціальному охраннику подъ расписку какъ какую-либо вещь. Великъ былъ кон-

фузъ шпиковъ, когда, несмотря на всѣ эти мѣры, депутатъ изъ подъ ихъ носа скрывался въ «неизвѣстномъ направленіи». Но не всегда полиція могла услѣдить, когда именно кто-либо изъ нашихъ членовъ фракціи уѣзжаль изъ Петербурга. Само собою понятно, что мы старались это дѣлать незамѣтно, сплошь и рядомъ уѣзжали на вокзалъ не изъ собственной квартиры, а изъ какоголибо другого мѣста. Полиція дѣлала выговоръ дворникамъ и швейцарамъ нашихъ домовъ за то, что они не сообщали о нашемъ отъѣздѣ; дворники же оправдывались тѣмъ, что депутаты не увѣдомляютъ о своемъ отъѣздѣ, не отмѣчаютъ паспортовъ и не выполняютъ прочихъ обязательныхъ формальностей.

Слъжка за рабочими депутатами была настолько неотступная и наглая, что иногда члены рашей фракцій, выведенные изъ себя, вынуждены были телеграфпровать министрамъ и требовать, что бы ихъ оставили въ покоъ. Конечно, наблюденіе изъ за этого не пріостанавливалось, и дъло лишь ограничивалось предложеніемъ шпикамъ вести свою работу болье исправно и стараться «не раздражать» депутатовъ. Зато мъстная власть, инструктированная департаментомъ полиціи, сгаралась найти всякій поводь, чтобы «законно» прервать поъздку депутата, а если удастся, даже найти матеріалъ для привленія его къ отвътственности.

Кажется, съ тов. Мурановымъ въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ быль такой случай, на кватиру, гдъ онь ночеваль, явилась полиція, арестовала хозяина квартиры и начала производить обыскъ. На столъ лежалъ портфель Муранова. Когда жандармскій офицерь хотъль открыть портфель, Мурановь запротестоваль, заявивь, что онъ депутатъ Думы, и вынулъ изъ портфеля свои документы. Жандармъ былъ вынужденъ ретироваться. Однако, высшее полицейское начальство затъмъ сдълало ему строгій выговоръ. Пока, — говорилось въ выговоръ. — Мурановъ не предъявилъ документовъ, а портфель лежаль въ сторонъ отъ него, обыскивавшій не долженъ былъ «повърить», что это депутатъ Думы и не долженъ былъ подпустить его къ портфелю, «который могъ оказаться принадлежащимь кому нибудь другому». Этимъ моментомъ надо было воспользоваться, чтобы осмотръть содержаніе портфеля и не упустить случая отыскать матеріаль, который могь послужить для какихъ-либо законныхъ обвиненій рабочихъ депутатовъ, а можеть и всей с.-демократической фракціи.

До поры до времени, полиція ходила вокругь рабочихъ депутатовъ и, боясь отвътнаго взрыва революціоннаго движенія, не ръшалась открыто нападать на насъ. Зато жестоко расправлялась она со всеми, кто имель къ рабочимъ депутатамъ хотя бы отдаленное отношение. Положение рабочаго депутата было исключительно тяжелымь; при малъйшей неосторожности онь рисковаль «провалить» не только отдельных товарищей, но и целыя организаціи. Поэтому во время повздокъ на мъста (а въ Петербургъ и подавно) мы дъйствовали конспиративно и старались всячески запутать слъдовавшихъ за ними шпиковъ. Въ провинціальномъ городъ, гдъ вся жизнь была, какъ на ладони и гдъ прівздъ члена Государственной Думы быль крупнымь событісмь, сдълать это было не такъ-то легко. И все же, члены нашей фракціи во время своихъ побадокъ на мъста продълывали огромную работу и вносили большое оживление въ дъятельность мъстныхъ легальныхъ и нелегальныхъ организацій. Результатомъ побздокъ рабочихъ депутатовъ были обычно и усиление забастовочнаго движения, и организація новыхъ партійныхъ ячеекъ и увеличеніе подписки на «Правду», и, наконецъ, общее повышение революціоннаго настроенія.

Вернувшись изъ своей повздки на мъста въ япваръ 1914 г., рабочіе депутаты имъли возможность констатировать большой подъемъ революціоннаго настроенія рабочаго класса. Полоса апатіи, столь характерная для предыдущихъ годовъ реакціи, осталась окончательно позади. Въ самыхъ широкихъ кругахъ рабочихъ массъ ясно чувствовалась воля къ борьбъ, энергія, стремленіе къ организованнымъ выступленіямъ, живой интересъ къ политической жизни страны.

Мои товарищи по фракцін не имѣли возможности сдѣлать свои отчетные доклады на большихъ легальныхъ собраніяхъ — такія собранія неизмѣнно запрещались губернаторами; приходилось выступать нелегально или организовать на заводахъ и фабрикахъ явочнымъ порядкомъ летучіе митинги.

4. Поронинское совъщаніе большевиковъ (въ Австріи) при участіи провокаторовъ.

Подготовка къ совъщанію. — Въ Поронинъ. — Докладъ ЦК о сообщеніяхъ съ мъстъ. — Основныя ръшенія. — Утерянныя резолюціи совъщанія. — Совъщаніе о работъ шестерки. — Идти ли на расколъ фракціи?

15 іюня 1913 г. Государственная Дума была распущена на лътнія каникулы. Центральный комитеть предочередную партійную конференцію полагалъ созвать сразу же послъ закрытія сессіи, но потомъ было рышено перенести конференцію на конецъ лъта, чтобы дать возможность членамъ шестерки предварительно объбхать избирательные районы. Въ ихъ задачи входило СВОИ ознакомленіе членовъ м'істныхъ организацій съ работой шестерки, и въ свою очередь они хотъли ознакомиться съ положениемъ работы на мъстахъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, который ставился рабочими депутатами передъ мъстными организаціями, быль вопрост о положеніи внутри фракціи. Собранная на м'встахъ информація о настроеніяхъ рабочихъ массъ должна была послужить матеріаломъ для предстоявшей партійной конференціи.

Отъвздъ рабочихъ депутатовъ изъ Петербурга, какъ слвдовало ожидать, вызвалъ большое волненіе въ охранкъ. Изъ Департамента Полиціи дождемъ посыпались циркулярныя распоряженія мъстнымъ властямъ «слъдить», «наблюдать», «не допускать», «запрещать» и т. д. Большихъ трудовъ стоило прорвать кольцо охранки и не провалить мъстныя организаціи.

Объёздъ рабочихъ центровъ провинціи, выступленія на рабочихъ собраніяхъ, обм'внъ мн'вній съ м'встными партійными работниками дали возможность нашей шестеркъ констатировать ростъ большевицкихъ настроеній въ рабочей массъ. Позиція шестерки, какь во вна фракціи, такъ и внутри ея, была встрічена одобреніемъ большинства мъстныхъ партійныхъ организацій. Нъкоторыя организаціи выдвигали требованіе немедленнаго разрыва съ семеркой. Преобладали, однако, мивнія о необходимости сдълать еще одну послъднюю попытку, чтобы сехранить, хотя бы передъ внъшнимъ міромъ, единство, соц.-демократической фракціи. Если нельзя всю политику фракціи подчинить большевицкому руководству, то надо принять мъры къ тому, чтобы обезвредить семерку и обезпечить депутатамъ-большевикамъ возможность шире использовать думскую трибуну. Въ случав же, если такое положение создать не удастся, надо рышительно порвать въ Думъ съ меньшевиками, какъ это уже и было сдълано во всъхъ другихъ партійныхъ организаціяхъ.

Подытоживъ мнѣнія партійныхъ организацій и общія настроенія революціонной части рабочихъ, мы въдвадцатыхъ числахъ сентября отправились заграницу на партійное совѣщаніе.

Совъщаніе было созвано въ Галиціи (Австрія) въ деревнъ Поронино, расположенной невдалекъ отъ Кракова. Здъсь въ лътніе мъсяцы жилъ Владиміръ Ильичъ вмъстъ съ нъкоторыми другими работниками Центральнаго Комитета. По конспиративнымъ соображеніямъ поронинское совъщаніе было названо августовскимъ. На самомъ дълъ оно состоялось въ концъ сентября 1913 г.

Въ совъщаніи принимали участіе 25—30 представителей отъ крупнъйшихъ партійныхъ организацій. Кромъ В. И. Ленина, Г. Зиновьева, Н. К. Крупской, жившихъ постоянно въ Галиціи, въ совъщаніи участвовали Каменевъ, Шотманъ, Инесса Армандъ, Трояновскій, Розмировичъ, Ганецкій и рядъ другихъ партійныхъ работниковъ. Думская шестерка присутствовала полностью, за исключеніемъ больного въ то время тов. Самойлова.

Между краковскимъ и поронинскимъ совъщаніями прошло около года. За это время революціонное движеніе

въ Россіи сділало огромный шагь впередъ. Политическія стачки въ дни 9 января, 4 апръля (годовщины ленскаго разстръла) и 1 мая носили грандіозный характеръ. Впервые въ этомъ году русскіе рабочіе праздновали также международный женскій день. Упорствомъ и организованностью отличались также и экономическія забастовки. Чрезвычайной силы достигла борьба противъ новаго оружія капиталистовъ — локаутовъ. Всего за весь 1913 годъ по Россіи участвовало въ забастовкахъ около 1 милліона человъкъ, изъ нихъ въ полистачкахъ свыше полумилліона. Партійная расширялась, укръплялась. Появился цълый рядъ новыхъ партійныхъ ячеекъ. Существовавшіе ранъе стали многолюдите, ихъ работа шире захватывала рабочія массы. Во всёхъ легальныхъ рабочихъ организаціяхъ и культурно-просвътительныхъ обществахъ усилилось большевицкое вліяніе.

Всъ эти показатели роста революціоннаго движенія выдвигали передъ партіей массу различныхъ вопросовъ. Передъ поронинскимъ совъщаніемъ стояли и организаціонные вопросы, и вопросы тактики, пропаганды, агитаціи и т. д.

Первыми въ порядкъ дня были доклады о работъ на мъстахъ — въ Петербургъ, Москвъ, Украинъ, Уралъ и Польшъ.

Общій ходъ забастовочнаго движенія въ Петербургъ быль извъстень делегатамь. О выступленіяхь питерскихъ рабочихъ хорошо знали всюду. Поэтому свой докладъ я посвятилъ главнымъ образомъ состоянію партійной организаціи и работ Петербургскаго комитета. Цълый рядъ организаціонныхъ міръ, проведенныхъ на основъ мъръ предыдущаго краковскаго совъщанія, сыграли положительную роль и способствовали усиленію Петер-бургской организаціи. Теперь уже не могли повторяться разрозненныя партизанскія выступленія отд'яльныхъ группъ, какъ это, напримъръ, было въ день открытія 4-оп Государственной Думы. Руководство организаціей было сосредоточено въ исполнительной комиссіи. Наибол'ве кръпкія связи имълъ ЦК съ нарвскимъ, невскимъ, выборгскимъ и василеостровскимъ районами, т. е. съ основными рабочими районами. Затъмъ я сдълалъ подробное сообщение о техникъ организации типографии, которыхъ

въ это время у ЦК было двѣ, о выпускѣ прокламацій, печатавшихся въ Петербургѣ въ количествѣ до 20 тысячъ экземпляровъ, о работѣ въ профессіональныхъ обществахъ, о поддержкѣ «Правды», денежныхъ сборахъ и т.д.

Дополнительное сообщение о работъ въ Петербургъ сдълаль тов. А. В. Шотманъ, сообщивший рядъ подробностей.

Доклады съ мъстъ носили информаціонный характеръ. Отдъльныхъ ръшеній по нимъ не принималось. Ихъ задачей было освътить возможно шире положеніе партійныхъ организацій и тымъ самымъ дать возможность конференціи подойти къ разрышенію общихъ во-

просовъ.

Сразу послѣ сообщенія съ мѣстъ Владиміръ Ильичъ выступиль съ докладомъ Центральнаго Комитета. Владиміръ Ильичъ указалъ на то, что развитіе революціоннаго движенія и успъхъ партійной работы подтвердили правильность линіи большевиковъ, создавшихъ на январской конференціи 1912 г. въ Праг'в Центральный Комитеть партіи. Выборы въ думу, созданіе газеты, высокій уровень стачечнаго движенія — все это результать работы партіи подъ руководствомъ ЦК. «Мы со спокойной совестью, — говориль Владимірь Ильичь, — можемь сказать, что взятыя на себя обязанности мы выполнили до конца. Доклады съ мъстъ говорять о желаніи и стремленіи рабочихъ укръплять и строить свои организаціи. Пусть же рабочіе знають, что только они сами могуть создать свою организацію. Кром'в нихъ, никто ее не создаетъ».

Надежда Константиновна сообщила о технической работъ ЦК, о перепискъ, связяхъ, транспортъ, довъренныхъ лицахъ и агентахъ ЦК, которые имълнсь въ большинствъ крупныхъ городовъ. Тов. Зиновьевъ говерилъ объ итогахъ работы нашей шестерки.

Послъ вступительныхъ докладовъ совъщание заиялось проработкой стоявшихъ въ порядкъ дня вопросовъ. Въ течение почти двухъ недъль совъщание обсудило и разръшило цълый рядъ важнъйшихъ вопросовъ, опредълившихъ всю дальнъйшую работу партии. Совъщание вновь подчеркнуло, что главными лозунгами революцюнной борьбы рабочаго класса должны остаться: «демократическая республика», «конфискація пом'вщичьих земель», и «восьмичасовой рабочій день». Подъ этими «неур'взанными» лозунгами должны проходить вс'в политическія стачки. Сов'вщаніе прив'втствовало починъ петербургскаго комитета и ряда партійных группъ Москвы, ведшихъ работу по организаціи всеобщей политической стачки. Необходимо немедленно и повсем'встно начать агитацію за подготовку всеобщей политической стачки во всероссійскомъ масштаб'в.

Резолюція о стачечномъ движеніи имѣла шесть пунктовъ, изъ которыхъ послѣдній, по конспиративнымъ соображеніямъ, не былъ опубликованъ. До сихъ поръ текстъ этого пункта не удалось возстановить, такъ какъ подлинные документы совѣщанія, понятно, не могли дожить до нашего времени. Въ архивахъ Департамента Полиціи мнѣ случайно удалось найти копію полнаго текста резолюціи о стачечномъ движеніи. Шестой пунктъ былъ посвященъ необходимости проводить политическія забастовки въ разныхъ городахъ, а особенно въ Петербургѣ и Москвъ одновременно. Вотъ полный текстъ этого пункта:

«Совъщание призываеть всъхъ рабочихъ на мъстахъ къ развитию листковой агитации и къ установкъ возможно болъе правильныхъ и тъсныхъ сношений между политическими и дугими организациями рабочихъ разныхъ городовъ. Особенно необходимо обратить внимание на соглашение, въ первую очередь, петербургскихъ и московскихъ рабочихъ, чтобы. могущие произойти по разнымъ поводамъ политическия стачки (гонение на печать, страховая стачка и т. п.) проходили, по возможности, единовременно въ объихъ столицахъ».

Въ томъ же архивъ сохранилась копія резолюціи совъщанія по партійной печати, пять пунктовъ которой не были опубликованы и тоже считались до настоящаго времени утраченными. Полный тексть этой резолюціи слъдующій:

«1. Совъщаніе констатируєть громадное значеніе легальной прессы для соціаль-демократической агитаціи и организаціи и поэтому призываєть партійныя учрежденія и всъхъ сознательныхъ рабочихъ къ усиленной поддержкъ легальной печати при помощи самого широкаго ея распространенія, организаціи массовыхъ коллек-

тивныхъ подписокъ и постоянныхъ сборовъ. При этомъ совъщаніе вновь подтверждаетъ, что указанные сборы являются членскими взносами на партію.

2. Особенно усиленное вниманіе должно быть обращено на укрѣпленіе легальнаго рабочаго органа въ Москвѣ и на возможно близкое созданіе рабочей газеты на югѣ.

3. Совъщание высказываетъ пожелание о возможно болъе тъсномъ сближении существующихъ рабочихъ легальныхъ органовъ при помощи взаимнаго освъдомле-

нія, устройства совъщаній и т. п.

4. Признавая важность и необходимость существованія теоретическаго органа марксизма, сов'ящаніе выражаєть пожеланіе, чтобы всів органы партійной и профессіональной печати знакомили рабочихъ съ журналомъ «Просв'ященіе» и призывали ихъ къ постоянной подписк'я на журналъ и систематической его поддержк'я.

5. Сов'вщаніе обращаеть вниманіе партійных издательствь на крайнюю необходимость широкаго изданія популярныхь брошюрь по вопросамь соціаль-демо-

кратической агитацій и пропаганды.

6. Въ виду обостренія революціонной борьбы массъ за послѣднее время и необходимости ея полнаго и всѣсторонняго освѣщенія, недоступнаго легальной печати, совѣщаніе обращаеть особое вниманіе на необходимость усиленнаго развитія нелегальнаго партійнаго издательства, при чемъ, кромѣ нелегальныхъ листковъ, брошюръ и т. д., крайне необходимъ болѣе частый и регулярный выходъ нелегальнаго органа партіи (ЦО)».

Самой важной организаціонной задачей партіи, какъ указывало совъщаніе, является не только упроченіе партійныхъ организацій въ каждомъ городъ, но и объединеніе ихъ. Для этого необходимо созывать областныя партійныя совъщанія, а гдъ можно — и конференціи. Вновь подтверждена была необходимость системы довъренныхъ лицъ при ЦК. Совъщаніемъ былъ поставленъ вопросъ о созывъ очередного съъзда партіи.

Однимъ изъ центральныхъ вопросовъ поронинскаго совъщанія былъ докладъ нашей шестерки о работъ с.-демократической фракціи Государственной Думы. Еще до открытія конференціи, какъ только мы прівхали въ

Поронино, у насъ состоялось частное совъщаніе съ Владиміромъ Ильичомъ о работъ думской шестерки. Со времени краковской конференціи у насъ уже накопился извъстный опыть какъ по выступленіямъ въ Думъ, такъ и по внъдумской работъ. Съ точки эрънія революціонной агитаціи среди массъ, думская трибуна была использована нами плохо. Намъ иногда казалось, однако, что всего этого было недостаточно.

— Ну, хорошо, мы устраиваемъ демонстраціи министрамъ и черносотенцамъ, когда они появляются на трибунѣ, — сказалъ я Владиміру Ильичу. — Но это мало. Рабочіе спросятъ: какія предложенія дѣлали вы въДумѣ, тдѣ выработанные вами законы?

Владиміръ Ильичъ, какъ обычно, разсмъявшись, от-

вътилъ:

— Никакихъ законовь, облегчающихъ положеніе рабочихъ, черносотенная дума никогда не приметъ. Задача рабочаго депутата — изо дня въ день напоминатъ съ думской трибуны черносотенцамъ, что рабочій классъ силенъ и могучъ, что недалекъ тотъ день, когда вновь подымется революція, которая смететъ всю черную сотню вмѣстѣ съ ея министрами и правительствомъ. Конечно, можно выступать и съ поправками и даже съ какимъ либо закономъ, но всѣ эти выступленія должны сводиться къ одному: надо клеймить царскій строй, показывать весь ужасающій произволъ правительства, говорить о безправіи и жесточайшей эксплуатаціи рабочаго класса. Вотъ это будетъ дѣйствительно то, что должны слышать рабочіе отъ своего депутата.

Совмъстно съ Владиміромъ Ильичемъ былъ разръшенъ цълый рядъ практическихъ вопросовъ думской работы: о голосованіи по отдъльнымъ статьямъ законовъ и смътамъ, о законопроектахъ, къ выработкъ которыхъ въ агитаціонныхъ цъляхъ— слъдовало приступить ше-

стеркъ и т. д.

Передъ самымъ отъвздомъ изъ Поронина состоялось засвдание ЦК съ участиемъ депутатовъ, на которомъ обсуждались практические шаги шестерки по отношению къ меньшевикамъ. Было ръшено, что мы предъявимъ имъ ультимативное требование о назначении второго секретаря фракци, о перевыборахъ въ бюджетную комис-

сію и въ международное соціалистическое бюро и о выставленіи на трибуну ораторовъ поровну отъ большевиковъ и меньшевиковъ. Тутъ же былъ выработанъ и текстъ ультимативнаго письма. Въ случав отказа семерки удовлетворить наше требованіе, рвшено было идти на полный расколъ и апеллировать къ массамъ.

А. Е. БАДАЕВЪ.

Меньшевики о дълъ Малиновскаго.

Въ книгъ «Переписка П. Б. Аксельрода и М. О. Мартова» имъется письмо Мартова къ Аксельроду, написанное литомъ 1914 года, и примъчание къ этому письму по дълу Малиновскаго.

... Наши дѣла всѣ подошли вплотную къ олному — дѣлу Малиновскаго. Пока этотъ нарывъ не будетъ вскрытъ, рѣшительный шагъ впередъ нельзя будетъ сдѣлать. Мы всѣ увѣрены безъ малѣйшаго сомнѣнія, что Малиновскій провокаторъ, и почти всѣ также увѣрены теперь что весь «правдизмъ» руководился изъ охранки. Но удастся ли это доказать ад окулос, наглядно, имѣя на ногахъ путы, которыми насъ связываютъ и свои, и союзники, боящіеся ужасовъ новой драки съ правдистами на этой почвѣ, — еще вопросъ *).

^{*) «}Дѣло Малиновскаго» — выдвинутое меньшевиками въ маѣ-іюнѣ 1914 г., послѣ внезапнаго сложенія (8 V 1914 г.) предсѣдателемъ большевицкой фракціи IV-й Государственной Думы Малиновскимъ думскихъ полномочій, требованіе разслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ и причинъ этого поведенія Малиновскаго. Редакція меньшевицкой «Нашей Рабочей Газеты» заявляла, что имѣются основанія подозрѣвать, что причиной бѣгства была служба Малиновскаго въ охранномъ отдѣленіи, и настаивала на разслѣдованіи этого дѣла нартійнымъ или межпартійнымъ революціоннымъ судомъ. Несмотря на то, что такого рода требованіе шло не только отъ меньшевиковъ (его выдвигали также и многіе большевики, въ томъ числѣ тогдашній членъ Ц. К. большевиковъ А. А. Трояновскій), большевицкій Ц. К. категорически отвергъ предложеніе меньшевиковъ, публично поручился за «политическую честность» Малиновскаго (такое же ручательство было дано персонально Лени-

нымъ и Зиновьевымъ — газета «Рабочій», № 4) — и предложилъ меньшевикамъ повторить «клевету» на Малиновскаго въ Швейцаріи, чтобы онъ, большевицкій Ц. К., могъ привлечь меньшевиковъкъ «суду свободной швейцарской республики».

Указаніе меньшевиковъ, что «судъ свободной швейцарской республики» будеть гласнымъ судомъ, передъ которымъ изъ консииративныхъ соображеній нельзя приводить всѣхъ тѣхъ деталей внутри-организаціонной жизни, анализъ которыхъ создаетъ убѣжденіе о предательствѣ Малиновскаго, что рядъ свидѣтелей, поэтому, откажется отъ явки на судъ и т. д. — не подѣйствовали, и большевицкій Ц. К. настаивалъ на своемъ, публично объявивълидеровъ меньшевиковъ — Дана и Мартова — «грязными клеветниками».

Вспыхнувшая вскоръ война отодвинула на задній планъ дъло-Малиновскаго, но большевики до 1917 года продолжали настаивать на его невинности; еще въ февралъ 1917 г. въ «Соціалъ-Демократъ» опубликовано ръшение назначенной большевицкимъ Ц. К. комиссіи (въ составъ Ленина, Зиновьева и Ганепкаго), полностью «реабилитировавшей» Малиновскаго. Попавшій въ 1914 г. въ плънъ. въ Германію Малиновскій находился, какъ видно изъ писемь Ленина, имъющихся въ дълъ Верховнаго Революціоннаго Трибунала о Малиновскомъ, въ личной перепискъ съ Ленинымъ, Зиновьевымъ и Крупскою, выполняя партійныя порученія по веденію большевицкой пропаганды среди военнопленныхъ. Въ 1917 году, по вскрытін архивовъ Департамента Полицін, обнаружены были документы, устанавливавшіе фактъ долгой службы Малиновскаго въ Охранномъ Отделенін. Въ 1918 г. Малиновскій, добровольно вернувшійся въ Россію, былъ преданъ суду Верховнаго Революціоннаго Трибунала, осужденъ и казненъ.

Отъ издателя «Переписки».

Въ іюль 1914 г.

Повздка делегата изъ Петербурга къ Ленину льтомъ 1914 г. — Встръча съ Малиновскимъ. — Большевики и ихъ провокаторы въ рабочемъ движеніи въ Петербургъ. Обыскъ въ редакціи «Правда». — Арестъ большевиковъ.

Алексьй Семеновичъ Киселевъ въ 1913—14 г. г. былъ предсъдателемъ Петербургскаго Совьта Металлистовъ и членомъ ихъ ЦК. Оченъ типичный большевикъ, безъ большихъ горизонтовъ, онъ и тогда пользовался большимъ вліяніемъ среди большевиковъ. Послъ революціи Киселевъ работалъ въ секретаріатъ ВЧИК и теперъ, кажется, является секретаремъ ЦИК РСФСР (не СССР). Одно время былъ близокъ къ рабочей оппозиціи, но еще въ 1920—21 г. г. отошелъ отъ нея, а потому никакимъ репрессіямъ не подвергался.

Ред.

Въ началъ 1914 г. волны рабочаго движенія поднимались все выше и выше. Рабочіе всъхъ не только крупныхъ предпріятій, но и мелкихъ мастерскихъ Петербурга отзывались на всъ призывы, исходящіе отъ газеты «Правда» и большевицкой партійной организаціи. Началось большое оживленіе какъ среди легальныхъ, такъ и нелегальныхъ организацій. Рабочіе шли на всякое нелегальное собраніе, не то, что года два тому назадъ, когда къ нелегальнымъ собраніямъ рабочіе относились съ нъкоторымъ скептицизмомъ. Теперь жизнь ставила много разнообразныхъ и интересныхъ вопросовъ, которые не могли быть по полицейскимъ и цензурнымъ условіямъ обсуждаемы въ легальной печати, и потребность въ под-

поль вытекала изъ самаго существа нараставшаго движенія рабочихь. Нарасхвать у насъ брали товарищей, которые могли выступать и дѣлать доклады на томъ или иномъ нелегальномъ собраніи. Помню, было одно собранаіе въ Шуваловскомъ лѣсу (около станціи Шувалово), созванное изъ представителей проф. и культ.-просв. обществъ. Съ интересомъ участники собранія слушали докладъ о предполагавшемся созывѣ международнаго соціалистическаго конгресса и о нашемъ на немъ участіи. Какое количество разнообразныхъ вопросовъ было задано докладчику и съ какимъ интересомъ добивались детализаціи всѣхъ вопросовъ.

Такъ какъ къ этому времени наиболье крупные проф. союзы были въ нашихъ рукахъ или находились подъ нашимъ вліяніемъ, то большинство делегатовъ, которые должны были поъхать на международный конгрессъ, было обезпечено за нашей партіей. Поэтому ЦК партіи ръшилъ пріурочить къ этому конгрессу созывъ Всероссійской партійной конференціи заграницей, поручивъ большевицкой фракціи Государ. Думы подобрать соотвътствующихъ товарищей, которые должны были на мъстахъ заняться этой кенференціей. Выполненіе этой задачи фракція возложила на тов. Бадаева.

Для проведенія подготовительной кампаніи къ парт. конференцій были привлечены т. т. Авиловъ-Глебовъ, А. Никифорова и пишущій эти строки. Но, прежде чімъ начать объёздъ по Россіи, намъ было предложено отправиться заграницу для детальнаго выясненія плановь намъреній ІІК партіи. Кромъ того, нужно было сдълать опыть, насколько хорошо обставлено дъло для переправы большого количества делегатовъ черезъ границу, какіе обнаружатся недостатки, которые можно было бы легко устранить, насколько практичень перевздъ черезъ ту или другую границу, удовлетворительно ли поставлено дъло возвращенія изъ-за границы и пр. и пр. Когда переговоры были закончены, намъ предложено было на опредъленный день подготовиться, взять необходимыя для дороги вещи, нъсколько поприличнъе одъться, получить деньги и явки и тронуться въ путь. Прилично одъться для меня было не такъ легко, ибо я не имълъ такого костюма, который могь бы считаться «приличнымь» для повадки заграницу. Поэтому за этимъ «приличнымъ»

костюмомъ я обратился къ своему земляку — токарю трубочнаго завода тов. Дм. Кротову. Онъ съ большой охотой уступилъ свой новый сърый костюмъ и соломенную шляпу, которые по пріъздъ изъ-за границы спасли меня отъ върнаго ареста.

Въ іюнъ однажды вечеромъ я и тов. Авиловь-Глъбовъ съли на Балтійскомъ вокзалъ въ поъздъ и отправились въ Варшаву, а оттуда въ Любаново. Въ явочной квартиръ насъ встрътилъ одинъ товарищъ (студентъ Петербургскаго университета). Пробыли мы въ Любановъ около двухъ сутокъ, ожидая условнаго отвъта отъ товарища, проживавшаго на границъ съ Австріей, о томъ, что можно ъхать дальше. Въ Любановъ мы съли на автобусь, который поддерживаеть связь съ заграницей, и не довзжая 4—5 версть до австрійской границы, сошли въ мъстечкъ, гдъ насъ должна была ожидать крестьянская подвода. Но съ нашимъ извозчикомъ вышла какая-то задержка. Мы почувствовали, что останавливаться здёсь — значить идти прямо жандармамь въ лапы, въ особенности, если не знаешь, куда идти. Но наше смущение и непріятное чувство быстро прошли, такъ какъ прибывшій крестьянинъ, видимо, опытный контрабандисть, быстро догадался по выраженію нашихь растерянныхъ лицъ и блуждающихъ глазъ, что это и есть тъ самые пасажиры, за которыми онъ прівхаль... Мы торопливо съли въ малороссійскую бричку и поъхали, сопровождаемые подозрительными взглядами жандарма и полиціи.

Въ пограничную деревню мы прівхали благополучно. Привезли насъ къ одному студенту, сыну не то дьякона, не то дьячка. Товарищъ направиль насъ къ тому контрабандисту, который долженъ былъ переправить насъ черезъ границу. Подъ вечеръ тронулись въ путь и пришли въ сосъднюю деревню, находившуюся на разстояніи не болье 200 саженъ отъ границы. Привелъ насъ контрабандисть, какъ онъ говорилъ, къ своему зятю, стукнулъ условленнымъ способомъ въ его хату, и изъ нее вышелъ высокій, тонкій, съ черной бородкой мужчина, который, отозвавъ въ сторону нашего проводника, о чемъ то тихо, съ оглядкой, началъ разговаривать. Послъ минутныхъ переговоровъ они насъ повели въ какой-то маленькій хлъвъ, предложили състь на солому въ ожида-

ніи ихъ прихода, сами же немедленно покинули насъ, объщая скоро вернуться. Часа черезъ полтора приходить нашь проводникъ и говорить, что «мы можемъ идти». . . Было уже совствить темно, когда мы вышли изъ деревни. Пробирались въ поле, прошли нъсколько десятковъ саженъ по направленію къ границь и, наконецъ, нашъ проводникъ на серединъ одной полосы. предложиль лечь. Минуть черезъ 15-20 мы увидъли какой-то свъть. Это быль дань сигналь, что можемь идти черезъ границу. Когда мы подощли вплотную къ сигнализировавшему намъ человъку, то, оказалось, что онъ былъ не одинъ, а держалъ на веревкъ привязанную за рога корову. Эта корова являлась маскировкой оть пограничныхъ солдать*). Человъкъ, державшій корову, что-то сказалъ нашему проводнику, и мы, наклонившись, побъжали черезъ границу.

Черезъ 10 минутъ мы остановились чтобы передохнуть; дальше пошли обычнымъ шагомъ. Проводникъ сообщилъ, что теперь мы въ безопасности, ибо вступили уже на территорію Австріи. На ближайшей желѣзнодорожной станціи мы сѣли въ первый отправлявшійся по направленію Кракова поѣздъ и на второй день утромъ мы были уже въ Краковъ. Такъ какъ ЦК тогда находился близъ Поронина, то мы съ вечернимъ поѣздомъ отправились туда и рано утромъ уже были у цѣли.

2. Въ Поронынъ (у Ильича).

Въ полученномъ нами адресъ Вл. Ильича было сказано, что сойдя у такой-то станціи, повернувъ налѣво, спросить виллу Тереско. Вилла, которую мы, пріѣхавъ

^{*)} На границѣ солдаты стоять одинъ отъ другого на разстояніи полуверсты, при чемъ ходять по пограничной чертѣ въ опредѣленномъ порядкѣ, время отъ времени встрѣчаясь сосѣдъ съ сосѣдомъ, и потомъ расходятся въ разныя стороны для встрѣчи съ другими сосѣдними часовыми. И для того, чтобы выслѣдить удобный моментъ для прохода черезъ границу, берутъ корову и проходятъ съ ней совсѣмъ близко къ самой границѣ,

на станцію, должны были разыскивать, чересь нѣсколько минуть предстала передъ нами во всемъ своемъ величіи. Это оказался не болѣе, не менѣе, какъ домъ средняго крестьянина, имѣющій двѣ комнаты и кухню.

Къ квартиръ В. И. мы пришли рано утромъ, когда всъ еще спали; постучались въ дверь квартиры, и кънамъ вышла старушка — мать Надежды Константиновны. Черезъ нъсколько минутъ вышла къ намъ и Надежда Константиновна. Узнавъ, что мы пріъхали изъ Питера, она, со свойственной ей чрезвычайной деликатностью, мягкостью и простотой, спрашивала, какъ мы доъхали, и засыпала насъ различными вопросами изъ жизни рабочаго движенія въ Питеръ.

Услышавъ наши разговоры, изъ квартиры вышелъмужчина въ потертомъ, черномъ пиджакъ, средняго роста, довольно кръпкій, съ привътливой улыбкой налицъ. Это былъ Владиміръ Ильичъ, которому Н. К. сообщила, что мы только что пріъхали изъ Питера. Мы едва едва поспъвали отвъчать на задаваемые В. И. вопросы о рабочемъ движеніи въ Питеръ. Намъ сообщили, что черезъ короткое время должны пріъхать депутаты Гос. Думы и, что когда они пріъдутъ, то откроется совъщаніе, а пока до ихъ пріъзда придется намъ здъсь обождать.

По прошествіи ніскольких минуть быль приготовленъ чай, и мы продолжали дальнъйшую нашу бесъду, сидя за завтракомъ. Предложили намъ съ дороги отдохнуть, а тъмъ временемъ объщали подыскать помъщеніе, гді мы можемъ ночевать, объ іді же, ужин и чав безнокоиться нечего, такъ какъ все это мы можемъ получить у В. И. Депутаты прівхали не такъ скоро, и мы прожили въ Поронинъ свыше двухъ недъль. За это время намъ пришлось видъть, какъ работалъ Вл. Ильичъ. Вставаль онь очень рано и готовиль къ отправкъ въ Россію почту, которая уходила, помнится, каждое утро. Ежедневно можно было видъть, какъ Вл. Ильичъ, надъвши на плечи дорожную сумку, садился на довольно потрепанный велосипедь и Вхаль на почту, гдв сдаваль приготовленную корреспонденцію и получаль сь почты свою, пришедшую на имя ЦК, которая всегда была очень. уввсистой и состояла изъ книгъ, газетъ, журналовъ, писемъ на всевозможныхъ языкахъ. Къ вечеру онъ подтотовляль отвъты на письма, писаль статьи, для газеть и журналовь и самъ возиль ихъ на почту. Тогда В. И. быль всъмъ: и писателемъ, и секретаремъ, и почталюномъ. Наблюдая его огромную работу, приходилось только удивляться его необычайной работоспособности, усидчивости, терпъню и упорству.

Помню, когда мы разговаривали съ Надеждой Константиновной о томъ, что работая такъ, какъ работаетъ В. И., можно подорвать свои силы, она говорила: «Еще лътъ на десять В. И. хватитъ». Слова ея оказались пророческими, ибо всего полъ года не хватило до срока, названнаго Н. К.

За первымъ же чаемъ у В. И. мы встрътили А. Н. Никифорову, которая пріъхала изъ Питера дней за 4-5 до насъ и съ той же цълью, что и мы. Тов. Никифорова передъ отъъздомъ работала въ Сызрани, въ качествъ секретаря больничной кассы одного крупнаго предпріятія.

Черезъ 2-3 часа послъ нашего прівзда пришли члены ЦК нашей партіи тов. Г. Зиновьевъ, который торопился къ опредъленному времени въ больницу повести больную жену и просиль нась, въ свободное время, заити къ нему побесъдовать о питерскихъ дълахъ. Такъ какъ мы имъли свободное время, то Н. К. предложила намъ пойти осмотръть окрестности Поронина, пригласивъ съ нами одного товарища-эмигранта, который жилъ неподалеку оть квартиры Ульяновыхъ. Мы были очень рады сдъланному предложенію и быстро собравшись, двинулись въ путь. Прошли мы не более полуверсты, какъ на встръчу намъ попалась крестьянская бричка, на которой сидьло нъсколько человъкъ, по внъшнему виду, крестьянъ и среди нихъ, небезызвъстный Романъ Малиновскій. Малиновскій только что оставиль при загадочныхь, для того времени, обстоятельствахъ Гос. Думу, но, то, что онъ — провокаторъ, еще не было «установлено». Рабочіе, подстрекаемые ликвидаторами и той неожиданной поспъшностью съ какою Малиновскій оставиль Думу, распространяли массу всевозможныхъ толковъ и сплетенъ. Mногіе, не только массовики партійцы, но даже активная партійная публика, находилась въ большомъ недоумъніи по поводу происшествія. Печатавшіеся и находившіеся въ то время въ «Правдъ» документы нась не удовлетворяли, хотя они и были очень категоричны.

Помню, мы говорили рабочимъ: «допустимъ, что Малиновскій поступиль плохо; можеть быть онь окажется даже очень плохимъ членомъ партіи, но въдь партія отътого, что одинъ изъ членовъ ея плохъ, не перестанетъ. быть пролетарской партіей, борющейся за конечныя цъли рабочаго класса — свержение канителистическаго рабства. Можно допустить ошибки отдёльныхъ лицъ, но это не есть ошибки партіи» и т. д. Намъ, большевикамъ, тогда пришлось выдержать огромный нажимъ рабочихъ массъ. И вотъ, послъ недавно пережитой нами, острой фракціонной борьбы попадается намъ навстрѣчу виновникъ всего этого — Малиновскій. Мы, не предполагая такъ неожиданно его встрътить, предварительно ничего не говоривши о немъ, какъ по командъ всъ троє отвернулись, какъ будто онъ намъ совсъмъ незнакомъ. Когда бричка немного провхала, мы изъ любопытства оглянулись, оглянулся такъ же и Малиновскій, и у него на лицъ отразился такой испугъ, что мы были поражени происшедшей съ нимъ перемфной.

По возвращении съ прогулки, мы зашли къ тов. Зиновьеву. Онъ сообщилъ намъ, что у него былъ Малиновскій и жаловался на то, что прівзжіе изъ Питера товарищи (это говорилось о насъ) такъ жестоко обощлись съ нимъ, что при встръчъ даже не поздоровались. «Что, они мив не доввряють что ли», закончиль свою жалобу Малиновскій. Мы сдулали заключеніе, что Малиновскій ръшилъ, что его какъ провокатора, открыли, и мы прівхали доложить объ этомъ ЦК партіи, а ввроятиве всего, онъ сдълалъ предположение, что мы прівхали для расправы съ нимъ, какъ провокаторомъ. Во время нашего пребыванія въ Поронинь (а мы прожили тамъ около 3 недъль) мы ни разу не встрътили у Вл. Ильича Малиновскаго, несмотря на то, что жили по сосъдству и сжедневно бывали у В. И. по нъсколько разъ. Тов. Никифорова все время жила въ ихъ квартиръ. Поздиъе пріъхаль въ Поронино тов. Г. И. Петровскій — члень Гос. Думы, съ которымъ Малиновскій работаль, и все же Малиновскій, кажется, не пришель съ нимъ повидаться. Конецъ Малиновскаго послъ революціи извъстенъ, и объ этомъ писать я считаю излипнимъ.

Такъ какъ мы ожидали товарищей, которые должны были прівхать изъ Россіи, и у насъ имвлось много свободнаго времени, то мы усълись за чтеніе нелегальныхъ газеть, выходившихъ въ то время за границей. Это для нась было очень кстати, такъ какъ нелегальная литература въ Россіи получалась не аккуратно, а достать полный комплекть центральнаго органа нашей партіи («Соціаль-демократь») роскошь совсымь недоступная для партійныхъ работниковъ въ Россіи. Мы набросились большой жадностью на чтеніе этой литературы, а на всь, возникающіе посл'є прочтенія вопросы, получали во время общей трапезы исчернывающие отвъты. Многіе вопросы изъ западно-европейскаго движенія для насъ были или несовствить ясны или новы, такъ какъ не всегла можно было читать о нихъ въ легальныхъ органахъ съ исчерпывающей полнотой, а нъкоторые изъ нихъ не затрагивались вовсе.

Много вопросовъ возникло такъ же и изъ внутренней жизни партіи о ея современномъ состояніи и ея ближайшихъ задачахъ. По цѣлому ряду вопросовъ казавшихся не ясными Вл. Ильичъ читалъ намъ цѣлыя лекціи. Иногда мы забирались на высокую гору (мъстечко гдъ жилъ В. П. пріютилось у подножія высокой горы), выбирали поудобнъе и покрасивъе уголокъ и, усъвшись, приступали къ слушанію доклада В. И.

Прівхавшій черезъ нѣкоторое время членъ Гос. Думы Г. И. Петровскій сообщиль, что нѣкоторые члены большевицкой фракціи Гос. Думы принуждены по тѣмъ или инымъ причинамъ выѣхать на мѣста, а нѣкоторые, какъ А. Е. Бадаевъ, должны остаться въ Питерѣ, и потому слѣдуетъ открыть совѣщаніе при наличіи имѣю-

щихся товаришей.

Не помню всвхъ вопросовъ, обсуждавшихся на совъщаніи, знаю только, что они носили организаціонный характерь, связанный съ предстоящей партійной конференціей и работой нашей фракціи въ Государственной Думъ. Намъчены были районы для объъзда представителями ЦК и районы, которые должны были объъхать члены Госуд. Думы. На этомъ совъщаніи съ Бюро ЦК стояль также вопросъ о кооптаціи новыхъ членовъ въ составъ ЦК. Въ число кооптируемыхъ былъ введенъ пищущій эти строки.

Послѣ совѣщанія тов. Петровскій поѣхаль въ Екатеринославскую губернію, тов. Авиловъ-Глѣбовъ на Украину (кажется въ Кіевъ), тов. Никифорова — также на Украину, а мнѣ было поручено поѣхать въ Прибалтійскій край и, въ первую очередь, въ Ригу. Одновременно я имѣлъ порученіе поѣхать къ тов. Бадаеву въ Питеръ, везъ ему условный адресъ для пересылки писемъ и денегъ на расходы по подготовкѣ международнаго конгресса и партійной конференціи и еще нѣсколько порученій, связанныхъ съ переправой делегатовъ за границу.

3. Возвращение въ Петербургъ.

Въ Петербургъ я вернулся, помнится, вечеромъ 5 іюля и, такъ какъ при отъвздъ передалъ комнату дручтимъ и ночеватъ мнъ было негдъ, я пошелъ къ одному товарищу, проживавшему на Выборгской сторонъ, по Сампсонъевской улицъ, недалеко отъ завода.

На слъдующій день, около 1/1 часовъ утра, я пошель къ трамвайной линіи, проходящей отъ Лъсного къ клиникъ Виллье. И здъсь я увидълъ слъдующую картину: изъ Лъсного, по направленію къ Финляндскому вокзалу быстро-быстро мчался трамвай, передняя и задняя илощадки котораго были переполнены необычайными пассажирами — полицейскими. Всв они были до крайности встревожены, въ рукахъ у нихъ я замътилъ револьверы. Я поняль, что произошли какія-то необыкновенныя событія, такъ встревожившія полицейскихъ чиновъ. Когда вагонъ трамвая подъбхалъ ко мнф совсфмъ близко — а я шель, не измъняя направленія — стоящій на передней площадкъ, какой-то чинъ закричалъ неестественнымъ голосомъ: «Стой... Не подходи близко. Стрълять будемъ». Я остановился. Полицейскій окинуль меня взо-ромъ съ ногъ до головы, и къ моему великому удивленію, вагонъ повхалъ дальше въ томъ же направлении, оставивъ меня въ поков. Я пошелъ въ направленіи, противоположномъ пробхавшей полиціи, при тементи воположном пробхавшей полиціи, при тементи полиціи полиці полиціи полиціи полиціи полиціи полиціи полиціи полиціи полиціи предположенія, почему полиція такъ свирѣпо меня встрѣтила и потомъ оставила въ покоѣ. Потомъ я сообразилъ, что по костюму полицейскіе приняли меня за благонамѣреннаго обывателя.

Улица оказалась совершенно пустынной. Только впереди, въ направленіи Лѣсного видълись какіе-то неопредѣленные, большой величины предметы. Пройдя сажень 150, я замѣтилъ, что неясные, валявшіеся по линіи трамвая предметы, были сброшенные съ линіи трамвайные вагоны. Вагоны эти валялись въ различныхъ положеніяхъ — одни лежали на боку, другіе были сброшены только съ линіи и стояли на колесахъ, третьи оказывались перевернутыми колесами кверху, съ нѣкоторымъ наклономъ въ ту или другую сторону. Представшая передо мной картина ясно говорила о томъ, что происходила какая то схватка съ полиціей, рабочихъ. Добравшись до Лѣсного, я зашелъ въ квартиру къ тов. Осипову (извѣстнаго въ то время по страховой компаніи) съ тѣмъ, что бы узнать, что дѣлается въ Питерѣ.

Товарищъ разсказалъ мнѣ, что наканунѣ рабочіе Выборгскаго района, не приступая къ работамъ, устроили митинги протеста противъ полицейской расправы и разстрѣловъ безоружныхъ путиловскихъ рабочихъ. Послѣ митинговъ рабочіе рѣшили устроить демонстрацію. Полиція стала разгонять демонстрантовъ, пуская въ ходъ нагайки и шашки, рабочіе рѣшили оказать сопротивленіе и стали бомбардироватъ полицію камнями. Послѣ этого пошла полицейская стрѣльба, а потомъ наступленіе рабочихъ и постройка баррикадъ.

Матеріаломъ для баррикадъ служили трамвайные вагоны, оказавшіеся на линіи. Рабочіе не ограничились бросаніемъ камней: у нѣкоторыхъ нашлись револьверы, и они стали стрѣлять. Все это произошло стихійно, ибо партійная организація не давала директивъ строить баррикады и драться съ полиціей.

Послѣ этого сообщенія Осиповъ послалъ жену за тремя товарищами, оказавшимися дома, и они на наше приглашеніе, явились очень скоро. Товарищи эти работали на заводѣ Эриксонъ. Разсказывали, что у нихъ происходило на заводѣ и дополнили нѣсколько ту кар-

тину событій, которую мив передаль тов. Осиповъ. Мы задавали себъ вопросы — что же дълать дальше? слъ нъкоторой бесъды ръшено было по Финляндской ж. д. отправиться въ Озерки и Шувалово, гдъ жило нъсколько авторитетныхъ членовъ нашей партіи, въ томъ числъ и М. И. Калининъ, чтобы узнать живы ли они, что знають и, что думають о происшедшемь и вмъсть ръшить, что намъ дълать дальше. Тамъ выяснилось, что движеніе вначал' носило организованный протеста, противъ разстръла Путиловцевъ (3 іюля), когда полиція начала разгонять демонстрацію, то озлобленіе рабочихъ дошло до крайнихъ предъловъ и началось стихійное движеніе. Рабочіе начали свалку съ полиціей, сбрасывали трамвайные вагоны съ рельсъ. Выстрым были какь съ той, такь и съ другой стороны, а вагоны служили баррикадами, охраняя рабочихъ отъ полиціи.

На нашемъ совъщании присутствовалъ Иванъ Грачевъ, оказавшійся потомъ провокаторомъ, который держался особенно воинственно и увърялъ, что у рабочихъ оружія достаточно, найти его сумъемъ еще и, что мы можемъ съ успъхомъ продолжать борьбу дальше; его пред-

ложеніе сочувствія не встрътило.

Въ результатъ совъщанія составилось, приблизительно, такое миъніе: такъ какъ у насъ нътъ достаточно сильной организаціи, для руководства движенія и нътъ вооруженія, то, естественно, что начатое движеніе, какъ вспышка, быстро угаснетъ и намъ придется вновь встать на работу. Съ такимъ миъніемъ, я помню, мы разошлись, и движеніе на другой день, въ такихъ формахъ, большене возобновлялось. Поздно вечеромъ я отправился по-Финляндской ж. д. въ Питеръ.

4. Петербургскій комитеть большевиковъ въ іюльскіе дни.

Въ іюльскіе дни 1914 г. въ Питерскій комитеть большевиковъ входили товарищи: В. Шлидтъ, Феодоровъ, Антиповъ, Шуркановъ, Игнатъевъ, Сесицкій *), Николай Іоновъ (завѣдывающій техникой). Изъ цекистовъ въ то время связь поддерживалъ членъ Гос. Думы тов. Бадаевъ; онъ приносилъ проекты листовокъ, издаваемыя отъ имени ЦК. Тов. Бадаевъ, въ то время проявлялъ въ Питерѣ большую активность, какъ въ нелегальной, такъ и въ легальной работѣ; гдѣ бы какое событіе ни произошло, на предпріятіяхъ Питера, тов. Бадаевъ, пользуясь депутатской неприкосновенностью, неизмѣнно всюду появлялся среди рабочихъ, лично собиралъ матеріалъ, и полученный матеріалъ использовалъ для агитаціи съ трибуны Г. Д. путемъ запросовъ правительству. Когда 8 іюля закрывалась наша «Трудовая Правда», онъ былъ при послѣднемъ ея издыханіи, стараясь сдѣлать все, что можно въ интересахъ партіи.

Во время забастовки въ Баку, Питерскій Комитетъ выпустилъ листовку съ призывомъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ организовать митинги солидарности съ бакинскими рабочими. Предполагалось кончать за часъ работу, устраивать летучіе митинги и выносить постановленія объ отчисленіи полдневнаго заработка въ помощь бастующимъ бакинцамъ. Въ результатъ этихъ митинговъ на Путиловскомъ заводъ 3 іюля — по словамъ Тюкова, — произошло слъдующее:

Въ знакъ солидарности съ бастующими рабочими на Бакинскихъ промыслахъ рабочіе Путиловскаго завода устроили летучій митингъ. Митингъ состоялся и закончился принятіемъ резолюціи — протеста противъ полицейскихъ звърствъ и солидарности съ бастующими бакинцами. Но полиція и жандармерія была предупреждена объ этомъ митингъ. Поэтому къ концу митинга собрала большое количество конныхъ стражниковъ, жандармовъ и полицейскихъ, размъстившихся незамътно, часть въ зданіяхъ пропускной будки, часть по прилегающимъ улицамъ и переулкамъ. Когда, по окончаніи митинга, рабочіе стали уходить съ завода, то вся эта орда выскочила изъ своихъ засадъ и начала избивать ихъ. Подъ натискомъ полиціи большинство рабочихъ отсту-

^{*)} Шуркановъ, Игнатьевъ и Сесильскій, какъ потомъ обнаружилось, были провокаторы.

пили обратно въ заводъ. Ихъ били шашками, нагайками. Рабочіе, возмущенные до глубины души, ръшили на это отвътить око за око, зубъ за зубъ, но такъ какъ у нихъ никакого оружія не было, то ръшили вооружиться, набравъ камней, желъзныхъ обръзовъ, осколковъ, гаекъ и т. п. вещей. Сдълавъ такія предварительныя приготовленія, они двинулись впередъ и, наступая, начали бросать въ полицію всъ эти предметы. Въ отвътъ полиція открыла стръльбу, сначала взявъ прицълъ нъсколько выше головы, а потомъ, уже начала стрълять непосредственно въ рабочихъ. Въ результатъ нъсколько рабочихъ получили огнестръльныя раны и нъсколько былы ранены штыками.

Потомъ начались аресты; было арестовано человъкъ 200 рабочихъ. Арестованныхъ первоначально собрали въ проходной конторъ и тамъ началось ихъ избіеніе: били нагайками, шашками, пинками, кулаками. Послъ избіенія бросили всьхъ въ Петергофскій участокъ. Рабочихъ избили такъ жестоко, что у нихъ распухли физіономіи, подъ глазами образовались огромные синяки. Что бы скрыть это, полиція не давала арестованнымъ свиданія съ ихъ родственниками недівли двів, до тіххъ поръ, пока слъды побоевъ болъе или менъе сгладились остались не такіе значительные какъ вначаль. Посль схватки съ рабочими полиція искала, на комъ бы ей сорвать эло. Она настолько разсвиръпъла, что не давала пощады даже дътямъ: среди арестованныхъ быль захваченъ подростокъ, и приставъ Петербургскаго участка набросился на малыша и избиль его. Одинь изъ ванныхъ, тов. Грязновъ (рабочій башенной мастерской), возмущенный дикимъ избіеніемъ, закричалъ: — «Что вы дълаете? Что за издъвательство, не щадите даже ребять?» Въ отвъть на это приставь со всего размаха удариль его по щекъ, потомъ отогнуль полу шинели началъ спокойно, медленно вытирать свою ладонь, показывая, что онъ осквернилъ свою благородную руку прикосновеніемъ къ замазанной рабочей физіономій.

Среди арестованныхъ находились: Тюковъ — электрическаго цеха, Грязновъ — изъ башенной мастерской, Федуновъ — изъ механической мастерской и рядъ другихъ товарищей. Арестованные, отправленные въ Пе-

тергофскій участокъ, были посажены въ такую маленькую камеру, что они едва могли стоять. Минутъ черезъ 20—30 съ нѣкоторыми товарищами сдѣлались обмороки, другіе отъ сильнаго изнеможенія не могли держаться на ногахъ. Все это подѣйствовало на остальныхъ арестованныхъ, и они были въ сильномъ нервномъ возбужденіи. Появились головныя боли, началась рвота и тошнота, и всѣ сдѣлались мокрыми отъ пота, какъ будто только что вышли изъ бани. Наконецъ, всѣ дошли до такого состоянія, что, несмотря на только-что перенесенные побои, начали стучать въ дверь, требуя, чтобы ихъ перевели въ другую, болѣе просторную комнату. Послѣ крупной ругани, споровъ и препирательства съ администраціей, заключенные, наконецъ, были переведены въ Спасскую часть. Остальные арестованные путиловцы были разсажены по другимъ участкамъ.

Полицейская расправа, учиненная полицей на Путиловскомъ заводъ, быстро разнеслась по городу и стала извъстна рабочимъ, возмущеннымъ до глубины души.

По словамъ тов. Николая Іонова, 3 іюля вечеромъ Петербургскій Комитетъ вынесъ рѣшеніе выпустить листовку съ призывомъ къ трехдневной забастовкѣ, протеста противъ разстрѣла и избіенія путиловцевъ. 4 іюля листовка распространяется на многихъ фабрикахъ и заводахъ, и 5 іюля рабочіе всѣхъ районовъ устраиваютъ на предпріятіяхъ митинги, бросаютъ работу и организуютъ внушительную демонстрацію, приводящую на Выборгской сторонѣ къ схваткѣ и перестрѣлкѣ съ полиціей и постройкѣ баррикадъ.

Возмущение рабочих самодержавное правительство пожелало использовать для того, чтобы устроить хорошую баню, повторить 9 января 1905 года. Охранка выпускаеть прокламаціи за подписью ЦК, въ которой призываеть рабочих штурмовать арсеналь, захватывать оружіе и начать вооруженное возстаніе.

Это провокаціонное выступленіе правительственныхъ бандъ заставило ЦК немедленно принять мъры къ разъ-

ясненію рабочимъ того адскаго плана невъроятной расправы, которое задумало самодержавное правительство и которое можетъ привести къ кровопролитію и полному разгрому рабочаго движенія на цълые годы.

ЦК выпускаеть новую листовку, съ призывомъ встать на работу, не слушать провокаторовъ изъ охранки, ищущихъ случая расправиться съ рабочимъ классомъ, копить силы, организоваться для предстоящихъ боевъ въ будущемъ.

Нѣкоторые товарищи передавали, что за воротами арсеналовъ были приготовлены солдаты съ пулеметами на случай захвата арсеналовъ. Охранка думала, что удастся поймать рабочихъ на удочку и хорошенько проучить ихъ, но эта преступная затѣя была рабочимъ разъяснена, не могла осуществиться, и охранка осталась съ носомъ. Послѣ этого полиція, какъ извѣстно, начала брать не мытьемъ, такъ катаньемъ, — приступила къ массовымъ арестамъ всѣхъ извѣстныхъ ей товарищей, закрытію профессіональныхъ организацій, культурно-просвѣтительныхъ обществъ и полной ликвидаціи всей легальной части, не только большевистской, но и с.-р. и меньшевистской: даже и меньшевики не угодили, не сметря на всѣ свои старанія быть столыпинской партіей.

ЦК тоже не могь устоять отъ полицейскихъ набътовъ, и вскоръ были арестованы В. Шмидтъ, Федоровъ и кос-кто изъ провокаторовъ, быстро освобожденныхъ для новой предательской работы.

*

5. Провалъ въ редакціи "Правды".— Въ тюрьмъ.

8 іюля я побхаль въ редакцію «Лравды», гдъ ожидаль встрътить тов. Бадаева. Бадаевь въ то время былъ уже въ редакціи. Я передаль ему порученіе ЦК, получиль для повздки въ Гигу деньги и мит оставалось только получить явку и пароль, чтобы немедленно выбхать. На мое несчастье адресь былъ у т. Гайлиса, которы дол-

жент быть придти въ «Правду» часа въ четыре. Такъ какт ожидать пришлось довольно долго, то я сказалъ т. Бадаеву, что я сейчасъ уйду, а часа черезъ 2—3 вериусь обратно въ редакцію.

«Стоить ли Вамъ таскаться по городу», отвътиль Бадаевъ: «Васъ знають, еще арестують, лучше сидите въредакціи, здѣсь болѣе безопасно, тѣмъ болѣе, что товарищъ, навѣрное, скоро придетъ».

Съ предложениемъ т. Бадаева я согласился и сталъ ждать. Туть же въ редакціи оказалась вернувшаяся изъ за границы т. Никифорова, которая также съ минуты на минуту ожидала адреса, который объщали принести. Прождавши до 6—7 часовъ вечера, мы дождались прихода товарища, а полиціи, которая ворвалась въ редакцію «Правды» въ болъе чъмъ достаточномъ количествъ и начала тщательный обыскъ, во время котораго задерживала каждаго приходившаго. Такъ какъ «Правда» имъла большое количество рабочихъ корреспондентовъ, товарищей съ фабрикъ и заводовъ, которые являлись, обычно, отъ 6 до 8 часовъ вечера, то рабочей публики набралось много. Въ эти дни было очень много всевозможныхъ новостей и, естественно, OTP рабочихъ корреспондентовъ и было болве обычнаго. Кромв того, полиція явная и тайная, разбросанная по всъмъ прилегающимъ къ «Правдъ» улицамъ, такъ усердствовала, что нъкоторыхъ рабочихъ, проходившихъ мимо насильно толкали въ редакцію, и послъ ареста ихъ обнаруживалось, что они никакого отношенія къ «Правдъ» не имъли. Труды полиціи и жандармовъ были не прасны. Въ редакціи «Правды» было арестовано около 35 человъкъ.

Всвхъ арестованныхъ отправили въ ближайшій участокъ. Всвхъ — и мужчинъ и женщинъ — затолкали въ одну камеру; изъ-за тъсноты спать мы не могли: кто простоялъ, кто просидълъ всю ночь.

На слъдующій день насъ отправили въ Спасскую часть. Тамъ мы узнали, что арестованы также редакціи меньшевицкой «Новой Рабочей Газеты» и эс-эровскаго органа «Живая Мысль Труда». Въ Спасской части сотрудники и редакторы всъхъ трехъ органовъ были посажены вмъсть. Туда же были посажены и товарищи,

арестованные въ дни 3 и 4 іюля въ различныхъ частяхъ

Петербурга.

Йзъ активныхъ членовъ большевицкаго подполья и руководителей «Правды» были арестованы 21 товарищъ.

Среди арестованныхъ былъ также сотрудникъ «Правды» Воиновъ, оказавшійся провокаторомъ.

Кромъ того, въ «Правдъ» было арестовано десятка полтора товарищей, принесшихъ матеріалы, корреспонденціи или просто зашедшихъ получить ту или другую справку. Ихъ было 19 человъкъ.

Когда насъ привели въ Спасскую часть, тамъ уже сидъло много товарищей, арестованныхъ за 2—3 дня до нашего ареста. Помню слъдующіе фамиліи: Енукидзе, А. С. (нынъ секретарь ЦИК), Мгеладзе-Вардинъ (нынъ членъ ЦИК), Федоровъ (нынъ членъ ЦИК) и секретарь Ленинградскаго союза металлистовъ, Шмидтъ, В. (нынъ членъ ЦИК, Наркомтрудъ Союза ССР). Кромъ того, сидъли еще два плехановца: Шебунинъ и Шуферъ, меньшевикъ Сусловъ, анархистъ Лабзенко и семь эс-эровъ.

Въ это время въ другихъ камерахъ сидъло множество товарищей, арестованныхъ 17 іюня въ Сампсоньевскомъ обществъ «Образованіе». Тамъ было арестовано большое собраніе (132 чел.) подъ предсъдательствомътов. Матвъева-Никифорова (нынъ замъстителя инженера Графтіо по Волховстрою). Послъ обыска полиція начала провърять присутствующихъ лицъ и дълать сортировку, отдъляя овецъ отъ козлищъ: сто человъкъ отдълила и пустила съ миромъ на свободу, а 33 человъка арестовала и отправила въ Спасскую часть, не уступающую по своимъ размърамъ хорошей губернской тюрьмъ. Среди арестованныхъ находились большевики, меныпевики и с.-р. Тогда же въ Спасской части сидъли: Крестинскій, Н. Н., Бончъ-Бруевичъ и др.

Сидъло нъсколько товарищей «правдистовъ» изъ общества «Наука и жизнь» и нъсколько рабочихъ фабрикъ и заводовъ разныхъ районовъ.

Всв сидвли въ двухъ огромнвишихъ камерахъ, занимающихъ цвлый коридоръ, который отдвлялъ этух часть тюрьмы отъ остальныхъ частей и изолировалъ насъпутемъ закрытія массивныхъ желвзныхъ дверей. Мы

добились разрѣшенія на открытіе имѣющихся въ этомъ коридорѣ обѣихъ камеръ для свободнаго общенія между арестованными, которыхъ было въ то время около 80 человѣкъ. Кромѣ того, сидѣло много товарищей въ другихъ отдѣленіяхъ и этажахъ Спасской части...

Во время двухмъсячнаго сидънія въ Спасской тюрьмъ, мы проводили время главнымъ образомъ за слушаніемъ и обсужденіемъ докладовъ на ту или другую волнующую насъ тему, а ихъ было достаточно, ибо война выдвигала цълый рядъ животрепещущихъ вопросовъ.

Кром'в докладовъ по аграрному и національному вопросамъ, программ'в и тактик'в большевиковъ, очень горячіе споры вызвалъ вопросъ о войн'в. Въ вопросахъ войны мы спорили что-то около трехъ дней кряду, причемъ споръ затягивался обычно до средины ночи.

Докладчикомъ отъ большевиковъ выступаль тов. Скрыпникъ, а содокладчикомъ отъ с.-р., помнится, Миткевичъ. Конечно, какъ тотъ, такъ и другой докладчикъ выступали, согласовавъ свою точку зрвнія съ наиболве авторитетными товарищами, сидящими въ этихъ камерахъ. Помню, что точка зрвнія большевиковъ была довольно опредвленная и очень близкая къ позднвишему лозунгу тов. Ленина — «превращеніе имперіалистической войны въ войну гражданскую».

Если эс-эровскіе идеологи предлагали не идти въ ряды царской арміи и заняться дезертирствомъ, а при открытіи военныхъ дъйствій втыкать штыки въ землю, считая неэтичнымъ убивать своего брата, то мы ръщительно возражали противь этой толстовской тактики, считая, что мы бы совершили большую ошибку и предательство по отношенію къ своимъ же товарищамъ рабочимъ и крестьянамъ, если бы мы случайно оказались вътомъ или иномъ участкъ и открывали фронтъ противнику. Мы, большевики, никогда не сумъли бы организовать рабоче-крестьянскія массы на борьбу съ милитаризмомъ и капитализмомъ, если бы отказались идти въряды арміи. Мы потеряли бы свой авторитеть въ массахъ, если бы въ критическія минуты находились внъ ихъ рядовъ.

Ĥѣкоторые товарищи были настолько прямолинейны въ пропагандѣ антимилитаризма, что съ большимъ увлеченіемъ и пыломъ начали агитировать своихъ тюремныхъ надзирателей. Однако, нѣкоторые надзиратели были настолько патріотично настроены, что говорили: «Васъ всѣхъ за такія рѣчи надо перестрѣлять, и отвѣчать не будемъ». Послѣ такихъ угрозъ намъ приходилось умѣрять пылъ увлекавшихся пропагандистовъ.

А. Киселевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ редакціи	5
БУРЦЕВЪ, В. Л. Мой прівздъ въ Россію въ 1914 г. (Изъ воспоминаній)	7
БУРЦЕВЪ, В. Л. Провокаторы среди большевиковъ	67
БАДАЕВЪ, А. Е. Русскіе большевики до революціи	70
1. Романъ Малиновскій (провокаторъ) 2. Ръчь Малиновскаго въ Государственной	73
Думъ	89
3. Тайный съёздъ большевиковъ въ Краковъ (въ Австріи) съ участіемъ провокаторовъ	100
4. Поронинское сов'ящаніе большевиковъ (въ Австріи) съ участіемъ провокаторовъ	112
Меньшевики о дѣлѣ Малиновскаго	120
КИСЕЛЕВЪ, А. Въ іюлъ 1914 г. Прівздъ въ Австрію къ Ленину большевицкихъ депутатовъ	
и организація революціонныхъ выступленій	
во время войны	122